

Проект ИД «ЭПОХА»
Дагестан. Триумф и трагедия

УСЛОВИЯ СОЦИАЛИЗМА
ИЗУСКАЯ ВОЙНА ВОИНОЙ НА ДАГЕСТАНЕ
(1813-1817 гг.)

ШАХИ КАЗНЕВ

КРАХ ТИРАНА

Шапи Казиев

Крах тирана

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=8671838
Крах тирана: Издательский дом «Эпоха»; Махачкала; 2009
ISBN 978-5-98390-066-0

Аннотация

В романе известного дагестанского писателя Шапи Казиева «Крах тирана» на обширном документальном материале рассказывается о важном, исторически значимом событии в жизни Дагестана второй половины XVIII века – разгроме объединенными силами народов Дагестана многотысячной армии «Грозы Вселенной» – персидского шаха Надира, покорившего полмира, но позорно бежавшего с поля сражения в местности Хициб близ Согратля в 1741 году. Поражение Надир-шаха и последующее изгнание его из Дагестана повлекли за собой ряд немаловажных изменений на карте мира. Исторически достоверные события того времени разворачиваются, кроме Дагестана, в Санкт-Петербурге, Индии, Персии и других местах. Герои романа – и известные исторические лица, и созданные на документальной основе художественно вымышленные лица.

Рассчитана на широкий круг читателей.

Содержание

От автора	5
Глава 1	7
Глава 2	14
Глава 3	24
Глава 4	32
Глава 5	38
Глава 6	46
Глава 7	51
Глава 8	62
Глава 9	66
Глава 10	70
Глава 11	74
Глава 12	79
Глава 13	81
Глава 14	88
Глава 15	91
Глава 16	96
Глава 17	101
Глава 18	103
Глава 19	105
Глава 20	111
Глава 21	113
Конец ознакомительного фрагмента.	116

Казиев Ш. М

Крах тирана

Благодарим за содействие

Дагестанский государственный объединенный исторический и архитектурный музей им. А.Тахо-Годи, Ахтынский краеведческий музей, Хицибский мемориальный комплекс-музей «Ватан», Согратлинский краеведческий музей, Дербентский музей-заповедник, а также Национальную библиотеку им. Р.Гамзатова.

От автора

«Если шах сошел с ума, пусть идет войной на Дагестан».

Иранская пословица

Почти три столетия отделяют нас от времени кровавых нашествий на Дагестан персидского завоевателя Надир-шаха.

Освободивший Персию от афганцев и турок, покоривший Индию и несколько государств Средней Азии, шах пытался завоевать и Кавказ, чтобы затем обрушиться на Россию. Но дагестанцы, проявив беспримерное мужество, героизм и братское единение, нанесли Надир-шаху сокрушительное поражение. Разгром свирепых полчищ «Грозы Вселенной» в горах Дагестана положил конец завоевательным устремлениям Надир-шаха и привел к распаду созданной им огромной империи. Звезда Надира закатилась, и он был убит в результате дворцового заговора. С тех пор в Персии бытует поговорка: «Если шах сошел с ума, пусть идет войной на Дагестан».

Период борьбы с завоевателем стал переломной эпохой для общедагестанского самосознания. Народы Страны гор, возможно, впервые объединились для защиты своей независимости. И каждый дагестанский народ внес в победу над общим врагом свой неоценимый вклад, без которого отразить нашествие огромной армии было бы невозможно. Массовый героизм сплоченных горцев, их патриотизм и свободолюбие стали для Надир-шаха непреодолимой преградой. И меня в первую очередь интересовало то, как дагестанцам удалось сломать хребет этому смертоносному чудовищу, не знавшему до тех пор поражений, какими были наши предки, сумевшие сделать то, чего не удалось ни Турецкой державе, ни империи Великих Моголов с ее неисчислимыми войсками и несметными богатствами.

Работая над романом, я посетил места основных событий, встречался с историками, краеведами, потомками героев давних сражений, изучал архивные документы, письма, хроники и народный эпос, знакомился с исследованиями современных ученых. И все же оставалось немало «белых пятен». О многих значительных событиях в источниках говорилось лишь вскользь, а имевшиеся сведения зачастую противоречили друг другу. Легенды переплелись с фактами так тесно, что трудно было отделить реальность от вымысла. Не говоря уже о том, что в науке не сложилось пока единого взгляда на некоторые события, которые должны были стать исторической основой романа, как и на роль ряда действующих лиц той грандиозной драмы.

Все это весьма осложняло авторскую задачу. Но творческое осмысление зачастую помогает восполнить недостающее и увидеть то, что кроется за скупыми строками хроник.

Наряду с реальными историческими лицами, в романе действуют персонажи, являющиеся плодом художественного воображения. Также и подлинные события перемежаются с вымышленными, хотя и порожденными жизнью и атмосферой того времени.

На создание романа меня подвиг председатель совета директоров Управляющей компании холдинга «Успех» Гамзат Магомедович Гамзатов, за что я приношу ему искреннюю благодарность. Издательский дом «Эпоха» приложил немало усилий, чтобы у меня была возможность посетить места давних событий, встретиться с историками и краеведами, собрать необходимые материалы в музеях и архивах.

Я благодарен также доктору исторических наук Амри Шихсаидову и кандидату исторических наук Патимат Тахнаевой за советы и замечания, которые помогли мне в работе над романом.

Особая признательность за всестороннюю помощь Магомеду Абакарову – директору Хицибского мемориального комплекса-музея «Ватан», воздвигнутого благодарными потом-

ками как символ мужества, патриотизма и единения народов Дагестана, одержавших историческую победу над иноземными захватчиками – разгром полчищ Надир-шаха в Андалале в 1741 г.

Глава 1

Над Турчидагом поднималось солнце, озаряя благодатными лучами обширную долину, где среди лесистых гор располагались аулы вольного общества Андалал. Облака, ночевавшие в речных ущельях, тянулись густым туманом к небу, открывая богатые пастбища, сады и поля андалалцев.

Расположившийся на горном склоне древний Согратль, сердце Андалала, уже был полон жизни. Чабаны уводили пастись скотину. Овцы привычно шли за козлом-поводырем, коровы сонно мычали, бычки бодались друг с другом еще короткими рожками, будто проверяя, не стали ли они за ночь крепче.

Женщины с кувшинами спешили к родникам, а те, кто уже управился по дому, уходили в сады и поля. Мужчины, поеживаясь от утренней прохлады, выходили на плоские крыши, здороваясь с соседями и осматриваясь кругом – все ли в порядке, нет ли чего нового? Хороших новостей давно уже не ждали, а плохие лучше было узнать пораньше, чтобы успеть принять меры. Вот и теперь все вглядывались в дорогу, которая тянулась со стороны Гуниба и Чоха. Дозорные сообщили, что оттуда движется небольшой караван. Караван означал торговлю, и это было хорошей новостью.

Пока в ауле гадали, чей бы это мог быть караван, нашелся человек, который уже знал, что к чему. Имя этого паренька было Али, но согратлинцы прозвали его Дервиш-Али, потому что он целыми днями бродил по аулу и предрекал странные вещи, которые, тем не менее, часто сбывались. Способность эта у него появилась после того, как он едва остался жив после ужасной беды. Несколько лет назад родители взяли его с собой на Кумухский базар, пообещав купить настоящую папаху. Они остановились у кунаков, а наутро оказалось, что на Кумух надвигаются войска персидского завоевателя Надира. Отец отправил семью домой через перевал, а сам остался помочь кунаку. Тогда Али убежал от матери и бросился на помощь отцу. Но армия Надира была огромна и безжалостна. Погромы и грабежи превратили цветущий край в безлюдную пустыню. Уцелевших людей угоняли в рабство, а на детей и раненых пустили тяжелую конницу. Израненный Али чудом уцелел, но от пережитого повредился в уме. Отец его погиб, мать умерла от горя, и все жалели несчастного сироту.

Его считали божьим человеком, общество содержало Али за свой счет, и люди помогали ему, чем могли.

Дервиш-Али, впрочем, не унывал. У него всегда находилось важное дело. И его повсюду сопровождал лучший друг – облезлый петух. Петух был задирой и горланил в самый неурочный час. Другие петухи частенько его трепали, не подпуская к своим курам, и спутник Дервиша-Али являл собой образец неугомонного драчуна с выщипанными перьями и выклеванным глазом. Так они и бродили вдвоем, как братья по несчастью. Иногда, сжалившись над другом, Дервиш-Али приносил к нему кур, но даже плененные хохлатки не хотели иметь дело с петухом-изгоем.

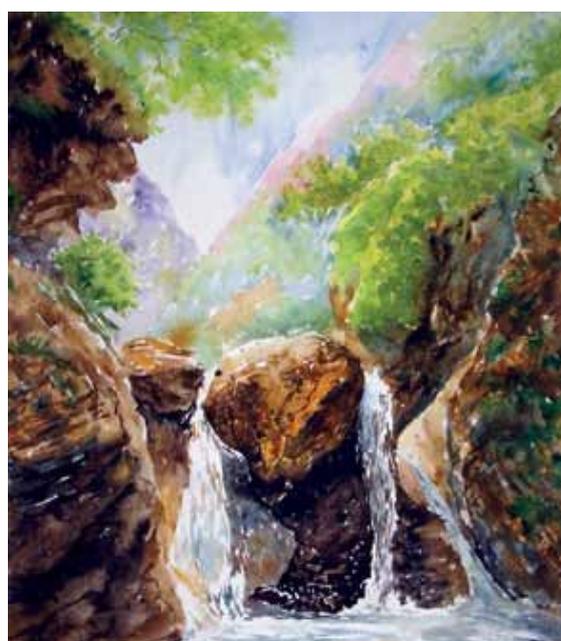
– Надир-шах идет! – сообщал всем встречным Дервиш-Али.

– Чтоб он провалился! – отзывались женщины.

– Да где же этот проклятый шах?

– Уже у реки, – показывал вниз Дервиш-Али. – Ну и глупые вы! Разве не слышите, как Чупалав с ним бьется?

– Слышим, слышим, – перемигивались между собой женщины.

– Только Чупалав один шаха не одолеет, – говорил Дервиш-Али.

– Так пойд и помоги ему, – советовали женщины.

- Вот я и иду, – восклицал Дервиш-Али, потрясая палкой.
 - Отделайте его как следует, чтобы не совался больше в горы.
 - Я покажу этому разбойнику! У меня с ним старые счеты! – обещал Дервиш-Али.
- Женщины горько улыбались, провожая глазами несчастного паренька. А про себя шептали:

- Да сохранит нас Аллах от шаха – кровопийцы.
- Чтоб у него руки отвалились!
- Чтоб вытекли его глаза!

Дервиш-Али начал спускаться по тропинке в ущелье, а следом, сердито кукарекая, вприпрыжку несся его петух.

Из ущелья и в самом деле доносились глухие удары, которые умножало эхо. Посреди речки, перегородив русло, лежал огромный валун. И по нему тяжелым молотом бил Чупалав.

Его прозвали Кривоносом, так оно и было у многих в их большом роду. Богатырского телосложения, Чупалав был известен своей силой. Но и валун был крепок. Из таких камней делали жернова, катки для утрамбовки земляных крыш и точильные круги. Глыбу принесло в большое половодье. Она запруживала реку, вода размывала поля на террасах, устроенных горцами вдоль склонов, и уже случались оползни. Многие пробовали разбить эту глыбу, но никому пока не удалось. Чупалав решил во что бы то ни стало разбить глыбу, чтобы освободить русло, а заодно добыть камень для нового дома.

Старая сакля была теперь слишком мала для его семьи.

Согратль был известен своими учеными и мастерами, но настоящую славу ему принесли мастера-каменотесы, превратившие скалы в красивые и прочные дома. Чупалав тоже знал толк в этом деле и собирался построить такой дом, каких еще никто не строил.

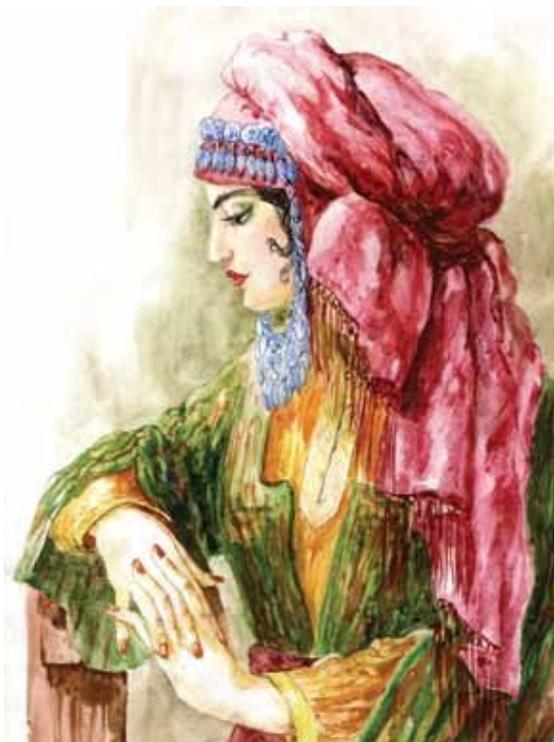
Когда отец отлучил Чупалава от дома, он поселился на хуторе Наказух, что означало «В облаках». На хуторе Чупалав оказался из-за своей большой любви. Однажды он со своим другом Мусой-Гаджи, вернувшись из очередного похода, гостил у кунаков в соседнем Чохе – ауле большом и богатом. И там ему приглянулась красавица Аминат из славного рода Нахибашевых. Она пленила сердце Чупалава одним мимолетным взглядом и осталась в нем навсегда. Вытравить ее образ оттуда не смогли ни уговоры родителей Чупалава, ни отказ семьи девушки. Сама же Аминат была не прочь стать женой статного джигита, знаменитого предводителя военных походов, которого люди называли героем за его неустранимость и

воинскую доблесть. Воля родителей была священна, но Чупалав ни о ком больше и думать не мог и замечал девушек, если только они чем-то напоминали ему Аминат.

Чупалаву, решившему жениться на ней против воли родителей, ничего не оставалось, как умыкнуть невесту. Ему это было нетрудно. После множества боевых походов Чупалав не знал преград, да еще смекалистый Муса-Гаджи вызвался участвовать в этом деликатном деле. По одному быку, которые по законам Андалала взыскивались с похитителя девушки и его помощника, они приготовили заранее.

Наказух был особенным местом. Общество определяло туда людей, почему-либо обедневших или потерявших кормильца, чтобы они могли поправить свои дела. Там это было сделать легче, потому что в Наказухе земля была более щедрой и плодородной, чем в других местах, сады давали обильные урожаи, а на пастбищах было много сочной травы. К тому же те, кто оказывался в Наказухе, не платили никаких общинных податей или сборов.

Самовольная женитьба оставила Чупалава без наследственного надела и другого имущества, которые обычно выделялись молодоженам, и Наказух был для его семьи спасением.

Однако полевые работы и уход за скотом не привлекали Чупалава, ему больше нравилось ходить в дальние походы, откуда он неизменно возвращался с богатой добычей. Из-за частых отлучек Чупалава начатый им новый дом оставался недостроенным, а Аминат еле управлялась с растущими сыновьями. Их уже было трое – Пир, Мухаммад и Сагит.

Верный друг Чупалава Муса-Гаджи теперь тоже был влюблен, хотя девушка, о которой он мечтал, жила далеко, в Джаре, за высокими хребтами между Азербайджаном и Грузией. Там, среди вольных джарцев, или голодинцев, как называли себя жившие там аварцы, обосновался согражданин Мухаммад-Гази, отважный воин и искусный мастер-оружейник. Поначалу он ездил туда торговать саблями и кинжалами, а затем женился на прекрасной лезгинке из соседних Ахтов и остался. В оружейниках всегда была нужда, потому что джарцам часто приходилось воевать. Муса-Гаджи с Чупалавом не раз бывали у него, когда по призыву джарцев дагестанцы из разных мест приходили к ним на помощь. А когда Муса-Гаджи задержался, чтобы поучиться мастерству оружейника, тогда-то и запала ему в душу ясная Фируза – дочь Мухаммада-Гази. Муса-Гаджи зачастил в Джар, стараясь понравиться девушке, и так усердствовал в кузне ее отца, что Мухаммад-Гази скоро понял, в чем тут дело. Даже конь Мусы-Гаджи, быstroногий Тулпар, уже знал заветную дорогу своего хозяина, и стоило тому произнести дорогое имя, как Тулпар тут же пускался вскачь в нужную сторону.

Фируза была совсем еще юная девушка, но сумела зажечь в Мусе-Гаджи огонь, в котором можно было плавить булат. Уезжая, он подарил ей колечко, которое выковал из серебряной монеты и украсил бирюзой, но ему казалось, что он оставил в Джаре свое сердце. И когда Чупалав заговорил с ним о своем намерении, он понял и поддержал друга всей душой.

Похитив невесту, Чупалав поставил два уважаемых рода на грань кровной мести. Аксакалам едва удалось примирить семьи. Но Сагитав, отец Чупалава, так и не простил сына. Он изгнал его из дома, и Чупалаву с женой пришлось поселиться на хуторе Наказух, в семи верстах от Согратля. Места там были красивые, только Аминат не хватало ее родных, а Чупалаву – его друзей. Впрочем, поводов повидаться с друзьями и родными хватало, особенно на праздники. Женой Аминат была хорошей, ткала чудесные ковры, а Чупалав, когда заканчивались полевые работы, отправлялся в походы, особенно когда их звали на помощь

кунаки из других обществ. В остальное время Чупалав воспитывал сыновей, стараясь сделать их благородными джигитами и сильными, умелыми воинами. Треск деревянных сабель и звон летящих стрел стали на хуторе привычным делом. Аминат начинала тревожиться лишь тогда, когда не слышала этих воинственных звуков.

Земляки любили Чупалава за его добродушие и отвагу, и почтенные люди не раз пытались примирить отца с сыном или хотя бы решить вопрос с землей и имуществом для Чупалава, полагающимися по обычаю женатым сыновьям. Пробовал уладить это дело и сын Кази-Кумухского хана Муртазали, который подружился с Чупалавом, когда они вместе учились в Согратлинском медресе. Но гордый глава рода Сагитав оставался непреклонен. Простить Чупалава, женившегося против воли отца, он не мог. Аксакалы хвалили Чупалава, расписывали красоту его жены, ее бездонные глаза, высокий белый лоб и полумесяцы-брови, но Сагитав упрямо твердил:

– Тогда пусть сеет на ее лбу и жнет на ее бровях.

Чупалав бил молотом изо всех сил, но валун не поддавался. Чупалав перевел дух, отпил из кувшина немного воды и снова взялся за молот. Он знал, как нужно бить, где должна пойти трещина, куда следует вставить клин, но валун оказался крепче, чем предполагал Чупалав. У него гудели от усталости руки, в глазах от напряжения плавали разноцветные круги, но Чупалав и не думал отступать.

– По голове бей! – посоветовал неожиданно появившийся Дервиш-Али. – Где корона!

– И то верно, – улыбнулся Чупалав, знавший, что бедняге повсюду мерещится кровавый шах. – Спасибо за совет.

– Собьешь корону – остальное само развалится, – наставлял Дервиш-Али. – Этот шайтан, когда после Кумуха корону нацепил, еще сильнее стал.

– Ничего, справимся, – пообещал Чупалав и, поплевав на ладони, снова взялся за молот.

– Говорю тебе – по голове бей! – настаивал Дервиш-Али.

Будто в подтверждение, петух вздыбил хохол, вспрыгнул на валун, клюнул его в темя и, победно прокукарекав, вернулся к своему покровителю.

Чупалав усмехнулся про себя, но, чтобы уважить Дервиша-Али, обрушил молот на верхушку валуна. И случилось чудо – по валуну побежали трещины, и он развалился на большие куски, блестящие на солнце острыми гранями.

– Ты когда-нибудь ломал такие глыбы? – спросил удивленный Чупалав.

– Нет, – покачал головой Дервиш-Али. – Зато я дрался с Надиршахом.

Чупалав передохнул, угостил Дервиша-Али кукурузной лепешкой с сыром, а тот – своего петуха.

Дальше дело пошло быстрее. Разбив валун, Чупалав нагрузил камнями арбу, и Дервиш-Али повел первую упряжку быков. Следом со второй арбой двинулся Чупалав. Быки с трудом взбирались по крутой тропинке, и Чупалав старался им помочь, подталкивая арбу и не давая колесам соскользнуть вниз.

– Быков жалко? – удивлялся Дервиш-Али.

– Я-то для себя стараюсь, – отвечал Чупалав. – А скотина ни за что мучается. Почему бы и не помочь?

– Побереги силы, – советовал Дервиш-Али. – Когда проклятый Надир явится, драться надо будет, а не дома строить.

– Думаешь, он снова придет? – нахмурился Чупалав.

– Вот увидишь, – кивал Дервиш-Али. – Шакал всегда возвращается туда, где удалось пожить.

Но Чупалав не верил, что персидский шах вернется. Говорили, что он ушел грабить богатые страны. Чупалава больше занимало то, как построить дом, достойный его жены Аминат.

Дервиш-Али продолжал говорить о Надир-шахе, которому непременно отрубят голову, как только тот явится в Андалал, но Чупалав его уже не слышал. Он думал о своей любимой, и мир вокруг казался ему лишь красивым обрамлением его драгоценной Аминат.

Едва Чупалав и Дервиш-Али с быками выбрались на хорошую дорогу, ведущую из Согратля в Наказух, как услышали зычный голос сельского глашатая:

– Эй, люди! – зычно возвещал тот. – Идите на майдан! Увидите то, чего никогда не видели! Спешите, пока это чудо не исчезло!

Но Чупалав направился в другую сторону. Его чудом была Аминат. Чупалаву очень хотелось заглянуть в Согратль, и не потому, что глашатай сулил что-то необыкновенное, а чтобы повидать отца и всю свою родню. Чупалав очень скучал по ним, по родному дому, но нарушить волю отца во второй раз не решался.

– Дальше я пойду сам, – сказал Чупалав Дервишу-Али.

– Ладно, – согласился юродивый. – Моему петуху тоже пора домой. Поглядим, что там за чудо приключилось.

Глава 2

На Согратлинском годекане – главной площади посреди аула – собралось много людей. И глашатай не обманул – здесь было на что посмотреть. Известный в Андалале богач Шахман привел из Дербента караван мулов, навьюченный диковинными товарами. Люди удивленно разглядывали пестрые шелка, расшитые золотом шали, парчу и атлас, чудесные украшения, ослепительно красивую посуду, лампы из тончайшего цветного стекла, невиданные ковры, богато украшенное оружие... Этим редкостям не было конца, и отдавались они почти даром.

– Почему так дешево? – недоумевали люди.

– Это только для вас, для своих, – отвечал Шахман. – Для других – намного дороже.

Столь же впечатляюще выглядел и сам Шахман, одетый в великолепную черкеску, обвешанный дорогим оружием, и даже стремяна его породистого коня были из серебра, а сбруя украшена бирюзой.

– Откуда такое богатство? – спрашивали люди.

– Ты случаем не шахский караван увел?

– Видели бы вы его караваны! – усмехался Шахман. – Когда на одних верблюдах привозят драгоценные камни, другие, с золотом, только выступают в путь.

Пораженные горцы не сразу нашлись, что ответить, и только смотрели друг на друга, не зная, верить Шахману или нет.

– Берите, – благодушно предлагал Шахман. – Этого добра у меня много. В Дербенте оно и вовсе за бесценнок идет.

- А в Дербенте откуда? – сомневались горцы.
- Из Персии, Турции, Египта, Ирака, Турана... – перечислял Шахман. – Из всех стран, которые теперь подвластны Надир-шаху. Пути открыты, и торговля процветает.
- Что-то мы не видели, чтобы шах заботился о торговле, – зашумели люди.
- Он только грабить умеет, – кричали одни.
- Да детей лошадьми топтать, – добавляли другие.
- Не иначе, как все это вояки его награбили и спускают задарма.
- Видели бы вы его воинов, – качал головой Шахман. – Оружие их украшено самоцветами, а шлемы и панцири покрыты золотом.
- Не может быть, – отказывались верить горцы.
- Где же такое слыхано?
- Когда полмира платит Надир-шаху дань, и не такое увидишь, – разводил руками Шахман. – Лучше пользуйтесь, пока можно. Еще будете меня благодарить. А пока... – Шахман огляделся, кого-то выискивая. – Мне нужно поговорить с почтенным Пир-Мухаммадом. Где он?
- В мечети наш кади, – ответили люди. – Где ему еще быть?
- Книги читает.
- Или на годекане с выборными толкует.
- Пропустите-ка!

Шахман достал из притороченного к седлу хурджина что-то завернутое в красивую ткань и стал пробираться сквозь толпу, окружившую его караван. Хотя горцы и не спешили воспользоваться его щедростью, Шахман видел, как удивлены они происходящим, как горят глаза у горянок, никогда не видевших такой роскоши, и как живо они растолковывают случившееся старушке, вернувшейся с поля со связкой сена на спине.

Согратлинский кади Пир-Мухаммад и почтенные аксакалы Абдурахман, Сагитав, Аббаскар, Фатали и Абаш сидели на длинной, устланной бараньими шкурами каменной скамье у стены мечети. Здесь, на годекане, обычно решали важные дела, а зачастую просто толковали о жизни и обсуждали новости.

У кади Пир-Мухаммада, считавшегося также главой совета старейшин всего Андалалского вольного общества, было и отдельное сидение – каменный стул, но его он занимал только в особых случаях, когда собирался Большой совет, определявший политику союза и принимавший необходимые законы и постановления.

Пир-Мухаммад был высок, в свои шестьдесят с лишним лет еще выглядел молодцом, а кинжал его был по-прежнему отточен и быстр. Короткая борода давно уже поседела, но пронизательный взгляд выдавал непреклонную волю и нерастрченную силу. В его голубых глазах будто отражалось небо, но сегодня это небо было подернуто тучами. Он чувствовал, как что-то меняется вокруг. Неуловимо и неотвратимо. И что волшебный караван Шахмана привез в Андалал не только диковинные товары... Что-то подсказывало Пир-Мухаммаду, что этот мирный караван таит в себе беду.

Увидев приближающегося гостя, аксакалы начали подниматься.

– Шахман идет? – вглядывался Абдурахман, который был самым старшим в селе и плохо видел, но это не мешало ему учить детей красиво читать Коран, потому что он знал священную книгу наизусть.

– Он самый, – подтвердил Фатали, исполнявший в ауле обязанности бегавула – старшины.

– Давно его не было, – сказал Сагитав, ученый да к тому же искусный строитель.

– Говорят, хорошие товары привез, – сообщил Абаш, до которого слухи доходили раньше, чем прибывали караваны.

– Смотрите, как вырядился! – усмехнулся Абакар, известный на весь Дагестан своими кольчугами.

– Торговля – дело прибыльное, – сказал Абаш.

– Баракатное, – согласился Фатали.

И только Пир-Мухаммад молча смотрел на приближающегося Шахмана, человека известного и влиятельного, учившегося в Персии и много странствовавшего по Востоку. Известен он был еще и тем, что часто толковал о необходимости переделать привычный уклад жизни горцев на новый лад. Он полагал, что все беды Дагестана проистекают от того, что нет у горцев единого правителя и каждый живет своим умом – что ханства, что вольные общества, что все остальные. Законы везде разные, вражды много, торговля едва держится, а небольшие разобщенные народы – легкая добыча. Он не раз предлагал собрать всех под одно управление, как в великих державах. Но невозможно было заставить ханов или воль-

ных горцев подчиняться кому-то, кроме собственной воли или древних общинных законов. Да еще возникал опасный вопрос: кто будет править всем Дагестаном?

Просвещенный, повидавший мир Шахман давал понять, что лучше него никто с этим не справится. Но если его речи о единстве еще находили у горцев сочувствие, то проповедуемый Шахманом запрет на какую-либо независимость от единого управления не принимали даже его собственные сыновья, привыкшие к свободной жизни и молодецким походам в далекие края.

Несбыточные мечты Шахмана были не по душе и Пир-Мухаммаду. Они могли породить смуту. Кади слишком хорошо знал, что ханы по доброй воле не поступятся и долей своей власти, а свободные горцы – и крупницей своей вольности. Разобщенность была бедой, которой воспользовался Надир-шах, когда жестоко подавлял отдельные восстания. Но по настоящему объединить горцев могли не сладкие упования, а только общая и явная смертельная опасность, угроза всем и каждому.

– Салам алейкум! Мир вам! – поздоровался Шахман.

– Ва алейкум салам, – отвечали аксакалы.

– С приездом, Шахман! – приветствовал Пир-Мухаммад гостя.

– Рад видеть тебя в добром здравии, – Шахман почтительно пожал руку Пир-Мухаммаду, а затем и остальным аксакалам.

– Садись, расскажи нам, что видел, что слышал, – пригласил Пир-Мухаммад.

– Прежде я хочу преподнести подарок сельской мечети и медресе – роднику высоких наук, – ответил Шахман.

Согратлинское медресе славилось на весь Дагестан. В нем учились сотни мутаалимов из разных мест, сюда же прибывали ученые, желавшие усовершенствоваться в науках. В богатой библиотеке были собраны комментарии к Корану, хадисы, лучшие книги по теологии, праву, суфизму, поэзии, грамматике, логике, математике, астрономии и другим наукам.

Шахман развернул ткань и передал приношение Пир-Мухаммаду. Это была продолговатая шкатулка в тисненной золотом коже, украшенная молитвами и изображением Каабы – главной Мекканской святыни.

– Бисмиллягъи ррахІмани ррахІм! Во имя Аллаха, Милостивого, Милосердного! – произнес Пир-Мухаммад, прежде чем прикоснуться к дару.

В шкатулке лежали изящные письменные принадлежности: каламы, нож, чтобы их затачивать, чернильница и песочница.

– Каламы из лучшего на свете иранского тростника, – начал объяснять Шахман.

От упоминания страны, откуда на Дагестан накатывались кровавые бури, лица аксакалов помрачнели.

Шахман это заметил, но не подал виду. Он достал из шкатулки позолоченный нож – каниф с украшенной камнями костяной ручкой и продолжал:

– Этим особым ножом калам можно заточить для любого стиля, – говорил Шахман. – В просвещенных странах каждое письмо пишется по-своему. Письмо падишаху – одним шрифтом, а законы – другим. Большие Кораны переписываются не таким же каламом, как маленькие, не говоря уже о письмах или стихах.

Горцы слушали Шахмана с почтительным вниманием. Эти тонкости им были не совсем понятны, да и надобность в них возникала нечасто. А если и возникала, то писцы знали свое дело. Но из вежливости аксакалы цокали языками и восторженно повторяли:

– Машааллах!

– Один калам будет для аббасидского куфи, другой – для квадратного, – продолжал польщенный Шахман, демонстрируя свои познания в каллиграфии. – Нужны отдельные каламы для стилей мухаккак или сульс, для насх и масахиф, торжественного дивани или

мелкого губара. Например, в Турции документы пишутся шрифтом ляза. А есть еще андалузский и магрибский... Не мне вам говорить, как много зависит от правильного стиля!

– Еще больше зависит от того, что написано, – прервал его Пир-Мухаммад. – Неважно, каким каламом записаны законы нашего общества, главное – чтобы они были справедливы и всеми исполнялись. А падишахи могут писать что угодно, даже золотыми чернилами, но добра от них не жди.

– Это верно, – вздохнул Шахман, усаживаясь рядом с аксакалами.

Он снял дорожную папаху, отер бритую голову и, водрузив папаху на место, продолжил:

– Вы знаете, я много путешествую и вижу, что происходит на свете. Так вот, Надир сделался великим владыкой.

– Великим владыкой? – усомнился Фатали.

– Вот и расскажи нам, как этот разбойник шахом сделался, – сказал Абаш.

– Разбойников таких свет не видывал, – согласился Шахман. – Сначала караваны грабил, а теперь за большие державы принялся.

– А турки что же? – спросил Абакар.

– Неужели не могут его усмирить? – допытывался Сагитав.

– Когда Персия ослабла, турки отхватили себе хороший кусок. А с другой стороны на Персию афганцы наседали, – рассказывал Шахман. – Те даже своего человека шахом объявили. Да еще джаробелоканцы, то есть голодинцы, с азербайджанцами восстали, чтобы сбросить персидское ярмо. Тогда шах Хусейн призвал на помощь Сурхай-хана, чтобы воевать против афганцев и турок, но вместо этого они с лезгинским вождем Хаджи-Даудом и восставшим народом стали воевать против шаха. Они взяли Шемаху, жители которой сами открыли ему ворота, и весь Ширван, а персидских правителей выгнали. Царь Петр, сами знаете, тоже тогда немало прибрал к рукам вдоль Каспия, когда ходил через Дагестан на Персию. Вот разбойник Надир и сунулся к тогдашнему шаху, прости, мол, мои прегрешения, а я тебе Персию верну.

– А тот что? – спросил Абдурахман.

– А что ему оставалось, если он и так почти всего лишился? – развел руками Шахман. – Вот и назначил Надира над всеми войсками главным. Так этот злодей сумел собрать остатки шахского воинства, своих дружков по разбойному ремеслу в начальники произвел и ударил по афганцам, да так, что те и думать забыли на Персию зариться. А затем уже Надир за турок принялся. Не знаю, как ему это удалось, то ли хитростью, то ли и в самом деле он такой великий полководец, но турок он изгнал, да еще отобрал у них Грузию, Армению и Ширван. Афганцы было снова головы подняли, да Надир по ним так ударил, что те, кто смирился, у него теперь служат, а кто нет – в Индию сбежали. Он даже у России отобрал все, что царь Петр вдоль Каспия приобрел. Граница-то теперь снова в Кизляре. И все до Дербента и Баку к Персии отошло.

– Это мы знаем, – сказал Фатали. – Только как же русские без войны отдали то, что раньше завоевали?

– Обманул их Надир, – усмехнулся Шахман. – Те с турками воевать собрались, а Надир обещал помочь. И договор с ними заключил. По такому случаю русские ему даже пушек с пушкарями прислали. А как Надир забрал у турок все, что хотел, так и с ними мир подписал и оставил русских ни с чем.

– Хитер, шайтан, – покачал головой Сагитав.

– А потом Надир и за Шемаху принялся, которую Сурхай-хан отдавать не хотел, – продолжал Шахман. – По договору турки ее Надиру уступили. Сам султан Сурхаю фирман прислал, чтобы вернул Шемаху персам, а Сурхай отвечает: «Не ты мне Ширван подарил, и не тебе мне указывать, что с ним делать. То, что я завоевал саблями, саблями и защищать буду».

– Он ответил как настоящий мужчина, – улыбнулся Фатали.

– Сурхай – могущественный правитель и всегда был отважным воином, – добавил Пир-Мухаммад.

– Но что мог сделать против огромной силы даже такой великий воин, как Сурхай? – деланно сокрушался Шахман. – Даже с подмогой, которая пришла к нему в Шемаху из Дагестана?

– Как Надир с Сурхаем воевал и Кумух два раза захватывал, мы знаем, – сказал Абаш.

– Тогда и наших немало погибло, кто на помощь ходил, – добавил Фатали.

– Слава Аллаху, что Надир к нам в Андалал не посмел сунуться, когда Сурхай от него в Аварии уходил, – сказал Шахман.

– Еще неизвестно, что бы сделал Надир, если бы Сурхай не перебил немалую часть его войска, – возразил Пир-Мухаммад. – Если бы Сурхай-хан не поднял народы, не превратил путь Надира в сплошную битву и сам бы не сражался с ним до последней возможности, этот грабитель добрался бы и до нас. И я теперь думаю, что нам следовало оказать Сурхаю еще большую помощь.

– Шах не успокоится, пока не попытается еще раз, – задумчиво произнес Шахман.

– Пусть только попробует! – воскликнул Абакар.

– Мы его встретим, как встречают кровных врагов, – добавил Сагитав.

– Крови он здесь пролил много, да покарает его Аллах, – кивнул Шахман. – Но что ему кровь горцев, когда он собирается покорить весь мир?

– Если никто не сможет остановить этого безумца, его остановят дагестанские кинжалы, – сказал Пир-Мухаммад.

– Но лучше бы он оставил нас в покое и не зарился на то, что ему не принадлежит, – сказал Абдурахман.

– Что предопределил Аллах, то и будет, – сказал Абаш и снова принялся за Шахмана. – А дальше-то что было? Как этому разбойнику шахский трон достался?

– Убил он, что ли, шаха Тахмаспа? – предположил Абакар.

– Или просто корону отнял? – спрашивал Абдурахман.

– Это долгая история, – покачал головой Шахман.

– Ничего, Шахман, мы послушаем, – сказал Пир-Мухаммад. – Кто знает, что нас ждет? Если Надир снова явится в Дагестан, мы должны быть готовы ко всему.

– Если коротко, то в Персии всем заправлял Надир, а шах сидел на троне только для виду, – говорил Шахман. – Пока Надир воевал с турками, кто-то убил его брата, и он бросился мстить. А когда вернулся, оказалось, что шах Тахмасп потерял почти все, что Надир отбил у турок, и даже подписал с ними мир. Тогда Надир устроил смотр своим войскам, а затем на пиру велел схватить шаха, отправить в Мешхед и там ослепить. Вслед за тем Надир объявил, что лишает Тахмаспа престола, а шахом сделал его сына – младенца Аббаса III. Да еще женился на сестре бывшего шаха. При новом малолетнем шахе Надир сделался регентом, наставником вроде. И снова начал войну с турками и имел успех, особенно под Багдадом. В тех битвах пали под Надиром три лошади, и сам он был не раз ранен, но своего добился. В конце концов Надир освободил всю Персию, какой она при прежних шахах была. А после последнего похода на Кумух Надир собрал в Муганской степи совет. Для этого курултая целый город в степи построили.

Созвал туда вождей всех племен, правителей областей и прочих вельмож и объявил, что хочет отказаться от власти и что, мол, пусть выберут нового шаха, не ребенку же управлять такой державой.

– А люди что? – спросил Абаш.

– Неделью пировали, будто бы совещались, щедрым подаркам радовались, а затем избрали шахом Надира, объявив его спасителем отечества.

– Ловко, – покачал головой Фатали.

- Да он еще отказывался, заставил на коленях себя умолять, – усмехнулся Шахман.
- А законный наследник что же? – спросил Абдурахман.
- Исчез, – развел руками Шахман. – А как, куда – никто не спрашивал, своя голова дороже. Но я слышал, что и бывший шах, и наследник, и другие из их семьи тайно содержатся где-то под арестом. Но династии Сефевидов все равно пришел конец.
- Этот – всем разбойникам разбойник, – махнул рукой Фатали.
- Вор и самозванец, – заключил Пир-Мухаммад. – Такой ни перед чем не остановится.
- Теперь-то он и вовсе возгордился, – продолжал Шахман. – Тех афганцев, которые от него в Индию ушли, потребовал вернуть. Однако правитель Индии Мухаммад-шах презрел его требования. Он-то настоящий владыка, наследник династии Великих Моголов, а какой-то выскочка из черни шлет ему оскорбительные повеления.
- Ну, теперь точно конец Надиру, – заулыбался Сагитав.
- Моголы его слонами затопчут, – заверил Абаш.
- Теперь ему деваться некуда, – согласился Фатали.
- Может, и так, – сомневался Шахман. – Однако Надир оставил управлять Кавказом своего брата Ибрагим-хана, а сам на Индию двинулся.
- Войной пошел? – не поверил Абакар.
- И посулил своим войскам богатую добычу, – объяснял Шахман. – То, что он награбил в Дагестане, – капля в море по сравнению с сокровищами Индии. И теперь под власть Надира переходят даже его бывшие враги. Говорят, войско его множится с каждым днем, а чтобы прокормить такую орду, нужно завоевывать и грабить всех подряд.
- Моголы Надиру не по зубам, – неуверенно произнес Абакар.
- Индия – могучая держава, – поддержал Абаш.
- Это верно, – согласился Шахман. – Только слишком богатая.
- Думаешь, он может победить Моголов? – спросил Пир-Мухаммад.
- Индия теперь так же слаба, как Персия, когда ее рвали на части, – ответил Шахман. – Между тамошними вождями нет единства. А Надир очень ловко умеет этим пользоваться. Если он покорит Индию, то двинется на Россию. И на пути его окажется Дагестан.
- Но ведь у них договор, – сомневался Пир-Мухаммад.
- Договора соблюдают благородные правители, – ответил Шахман. – А Надир – безродный босяк, алчный хищник, мечтающий стать владыкой мира.
- Предчувствия Пир-Мухаммада начали оправдываться. Шахман явился вовсе не для того, чтобы облагодетельствовать горцев. И теперь кади ждал, когда Шахман начнет говорить о главном.
- Что же ты предлагаешь? – спросил Пир-Мухаммад.
- И Шахман не замедлил с ответом:
 - Я много раз предлагал объединить все народы Дагестана, но меня никто не послушал, – с сожалением говорил Шахман. – А по отдельности нам не устоять против шахских полчищ. Значит, нужно с ним договориться.
 - Договориться? – гневно воскликнул Абдурахман.
 - С этим убийцей, у которого руки по локоть в крови горцев? – возмутился Сагитав.
 - С нашим заклятым врагом, кровником всего Дагестана? – поддержал остальных Фатали.
 - Старый враг другом не станет, – покачал головой Пир-Мухаммад. – Не получится.
 - Разве не бывает, что кто-то сначала воюет, а затем мирится? – старался успокоить аксакалов Шахман. – Или вы хотите, чтобы Дагестан превратился в пустыню, где звери будут глотать наши кости?
 - Пусть только попробует сюда явиться, – процедил Фатали.
 - Многие пытались, да не вышло, – добавил Абаш.

– Он слишком много о себе возомнил, – кивнул Абакар.

Шахман пытался их переубедить:

– Я сумею с ним договориться.

– Вот сам и договаривайся, – резко ответил Пир-Мухаммад. – А у нас с ним будет другой разговор.

– Одумайтесь, – настаивал Шахман, – пока не поздно!

– Думать должен был сам Надир, прежде чем проливать кровь на нашей земле, – сказал Пир-Мухаммад.

– Посмотрите на то, что я привез, – говорил Шахман, показывая на людей, обступивших его караван. – Откуда эти прекрасные товары, и почти за бесценно? Из покоренных Надиром стран! Все это будет и нашим, если мы сумеем поладить с Надиром.

– Ты, похоже, ослеп от блеска шахской добычи, – покачал головой Пир-Мухаммад.

– Я знаю, что говорю, – настаивал Шахман. – Нужно только, чтобы общества и ханства Дагестана уполномочили меня на переговоры с Надиршахом, чтобы дали мне свои письма с печатями.

– Ты знаешь законы Андалала, – сказал помрачневший Пир-Мухаммад. – Если кто из нас к ханам пойдет без дела и особой нужды и пробудет у них три дня, то с него взыскивается сто баранов. Если кто из нас даст в пользу хана выгодные ему свидетельские показания, то с него тоже взыскивается сто баранов. Хотя ханы – наши соседи и мы их уважаем, однако свободу свою ценим превыше всего. Но ты уговариваешь нас покориться шаху – нашему злейшему врагу, а значит, совершил еще более тяжкое преступление – то, за что вовсе изгоняют из нашего вольного общества.

Пир-Мухаммад взял у Абдурахмана шкатулку с каламами и вернул ее Шахману.

– Забери. Будет чем писать Надир-шаху жалобы на несговорчивых горцев.

– Для этого, наверное, тоже существует особый почерк? – с сарказмом спросил Абдурахман.

– Я хотел спасти Дагестан, – растерянно оправдывался Шахман. – Пойдемте, увидите, какое дорогое оружие я вам привез.

– Ты предлагаешь нам рабство. Но у рабов оружия не бывает, – ответил Пир-Мухаммад.

– А красных, кызылбашских красных шапок ты нам не привез? – осведомился Фатали. – Наденем их вместо папах и сразу каджарами сделаемся.

Каджарами в Дагестане называли всех жителей Персии со времен нашествий Сефевидов, в войсках которых они были в большинстве. На самом деле каджары были всего лишь одним из народов, населявших север Персии. Там же, на севере Персии, жили и афшары, из которых происходил Надир-шах. Но и его по привычке называли каджаром, как и всех тех, кто состоял в войске Надир-шаха, хотя войско у него было разноплеменное. Персидскую армию называли и кызылбашами – красноголовыми, потому что еще в армии Сефевидов воины носили шапки «кулах» с двенадцатью красными полосками в честь двенадцати шиитских имамов.

Кади что-то шепнул Фатали, тот кивнул и скрылся за дверью мечети.

– Если бы ты был из Согратля, мы бы преподнесли тебе особый подарок, – сказал Пир-Мухаммад.

Фатали вернулся, держа в руках небольшую деревянную булаву.

Увидев эту старую потертую деревяшку, Шахман побледнел. Это был гарч – булава позора, которой Согратлинское общество награждало тех, кто ее заслуживал. Гарч подвешивали над домом провинившегося и объявляли, за что он был им удостоен. Снять гарч могли только по решению совета старейшин, когда человек исправлялся и заглаживал свою вину.

– Гарч останется здесь, но ты должен покинуть Андалал, – объявил Пир-Мухаммад и оглянулся на аксакалов.

Те дружно подняли вверх указательные пальцы, соглашаясь с кади.

– Вы пожалеете об этом, – мрачно ответил Шахман и пошел к своему каравану.

Следом двинулись и аксакалы.

Согратлинцы, набравшие редких товаров, весело обсуждали покупки, ожидая, пока явится Шахман, чтобы расплатиться. Но, увидев удрученного хозяина каравана и строгие лица аксакалов, все замолчали.

– Люди, – воззвал Пир-Мухаммад. – То, что привез Шахман, награбил проклятый Надир-шах, и этим он хочет купить нашу покорность.

Вокруг прокатился гневный гул, и товары полетели обратно в корзины.

– Не надо нам шахских милостей! – зашумели горцы.

– Пусть подавится своими богатствами!

Муса-Гаджи, выбравший для своей Фирузы чудесную кашмирскую шаль и уже мечтавший о том, как поедет в Джар свататься, как подарит эту шаль невесте, с трудом заставил себя положить ее обратно.

Дервиш-Али тоже хотел что-нибудь бросить людям Шах-мана, но у него ничего не было, кроме петуха. И тот, будто почувствовав опасность, возмущенно закукарекал.

Сагитав указал на петуха и сказал:

– Кто доверяется сладким посулам, остается потом, как этот ободранный петух.

Люди, кто негодуя, а кто смеясь, расступались перед караваном, который Шахман и его помощники уводили из аула.

– Делай после этого добро людям, – с досадой говорил Шахман. – Они дождутся, пока их аулы превратятся в пепел, а их дочерей станут продавать в Персии на невольничьих рынках. За бесценно!

Провожая взглядом Шах-мана, Пир-Мухаммад чувствовал, что он еще вернется. Аксакалы задумчиво смотрели друг на друга, обеспокоенные речами Шах-мана. А остальные тревожно смотрели на своих старшин.

Тогда вперед вышел Пир-Мухаммад и обратился к народу:

– Аллах дал каждому народу землю и язык. Нам чужой земли не нужно, но и своей мы никому не отдадим. И Персия пусть будет там, где дети говорят по-персидски. Сколько бы стран ни захватил этот самозванный шах, Персия останется Персией, а Дагестан – Дагестаном. А кто пойдет против воли Аллаха – того всевышний сурово покарает.

– Амин, – отозвались люди. – Да будет так!

Когда караван уже покинул аул, Шах-мана догнал Дервиш-Али.

– Эй, Шахман, раз ты друг Надир-шаха, отведи меня к нему.

– К самому шаху? – удивился Шах-ман.

– Помоги, – просил Дервиш-Али. – У меня к нему очень важное дело.

– Какое такое дело, сынок? – придержал коня Шахман.

– Мне его убить надо.

Шахман удивленно уставился на паренька и только теперь вспомнил, что это тот самый несчастный, лишившийся семьи после визита Надира в Кумух.

– В другой раз, – пообещал Шахман и протянул пареньку золотую монету.

Дервиш-Али повертел монету в руках, стараясь прочесть персидскую надпись, и спросил:

– А что на ней написано?

Шахман помедлил и затем сказал:

– «Надир, возвещающий миру свое воцарение».

– Лучше дай мне кинжал, – сказал Дервиш-Али, возвращая Шахману монету.

– На этот золотой ты купишь себе какой захочешь.

– За шахские деньги мне в Андалале кинжал не продадут, – сказал Дервиш-Али. – Ничего не продадут, но могут бесплатно побить палками.

– А я теперь ничего не продаю андалалцам, – ответил Шахман и пришпорил коня, догоняя караван, поднимавшийся к Турчидагу. За этим плато располагалось Кази-Кумухское ханство.

В его столице Кумухе всегда были хорошие базары, куда прибывали купцы из дальних земель.

Глава 3

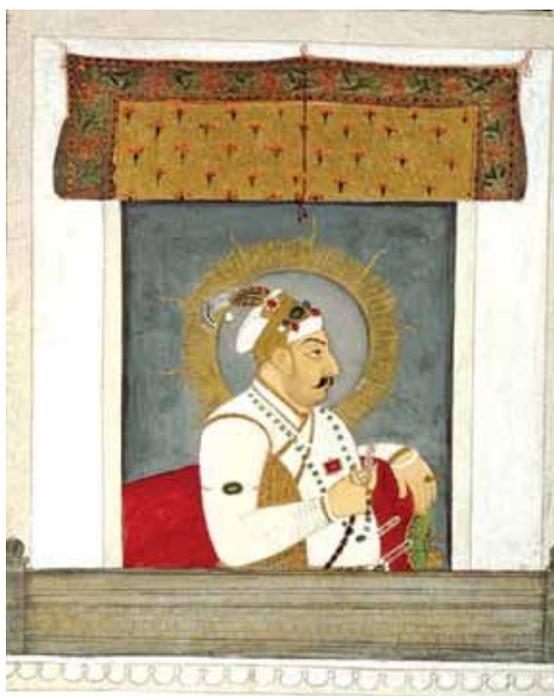
Мухаммад-шах, наследник династии Великих Моголов, готовился совершить самое ужасное из того, что может выпасть на долю правителей. Его астрологи мгновенно лишились бы голов, если бы посмели предсказать ему такое несчастье. Но это случилось.

Владыка Индии сидел у окна своего дворца, где он обычно принимал просителей, и задумчиво смотрел на опустевшую площадь. Он отказывался верить, что из покровителя нуждающихся в его милости сам превратился в несчастного, потерявшего все, что у него было, и не знающего, что его ждет завтра.

Мухаммад-шах был в белом одеянии, его пояс и оружие были украшены драгоценностями. У него были небольшие усы и едва заметная, коротко подстриженная борода. Небольшой тюрбан Мухаммад-шаха был обернут золотой кисеей, на которой сияли крупные драгоценные камни и джика – особая пряжка, символ верховной власти, с рубином, обрамленным бриллиантами. Кроме того, на нем были длинное ожерелье из больших черных и белых жемчужин, браслеты и кольца. В одной руке у Мухаммад-шаха были четки с бусинками из рубинов, изумрудов и сапфиров, в другой – серебряный мундштук кальяна, который он то и дело подносил ко рту. Весь облик его выдавал человека, ценившего удовольствия и отдававшего им более, чем делам государства.

И этот блистательный, просвещенный властелин, привыкший к тому, что мир вокруг существует лишь для услаждения его чувств и удовлетворения его изысканных прихотей, отбывал из своего великолепного дворца, чтобы с почестями встретить грубого варвара, разгромившего его доселе победоносную армию и превратившего Мухаммад-шаха в своего покорного слугу.

Пропустив поверженного владыку, сводчатые Лахорские ворота величественной Лалкалы – Красного форта – резиденции Мухаммад-шаха так и остались открытыми в ожидании нового повелителя.

Торжественный эскорт шествовал через Дели. Древний город был значительно расширен предком Мухаммад-шаха и назывался теперь его именем – Шах-Джахан-абадом, хотя население по-прежнему звало его Дели – по имени раджи, который его когда-то основал.

По-прежнему царственный даже в своей печали, Мухаммад-шах ехал не в роскошном паланкине на любимом слоне, как обычно, а на коне. Ехал, опустив глаза, перебирая в памяти свои ошибки, дворцовые интриги, соперничество главных вельмож – все, что привело к катастрофе его империи. Теперь он сожалел, что смотрел на это сквозь пальцы, а не последовал примеру славного Шах-Джахана, который ради укрепления своей власти не пожалел даже братьев и племянников. Империя гнила изнутри и распадалась, и уже невозможно было вернуть в повиновение махараджей, отделявшихся со своими княжествами от дряхлеющей империи. Империи, судьба которой теперь и вовсе висела на волоске.

Причин, которые привели к падению великой державы, основанной потомками Тимура, было много, но венцом всех бедствий, обрушившихся на государство Великих Моголов, оказался Надир-шах из племени Афшар.

Мухаммад-шах вспоминал тревожные донесения об успехах Надира, которым не придал должного значения, как не признавал он шахом и самого Надира, похитившего престол у законного наследника. А то роковое письмо Надира с требованием вернуть афганцев, бежавших в Кабул, который принадлежал Моголам? Но как Мухаммад-шах мог вернуть тех, кого тайно поддерживал, когда они взбунтовались против Надира в Кандагаре?

То письмо Надира, которое Мухаммад-шах теперь перечитал, гласило:

«После нанесения поражения афганцам в Иране мы назначили Али-Мар-дан-хана послом в Индию к уважаемому брату, и было сообщено, что так как афганцы, разбойники Кандагара и прочие являются источником злодеяний и беспорядка и многие из той шайки направились в некоторые области Индии, то пусть назначат войско, чтобы в случае, если та шайка побежит в другую сторону, преградить ей дорогу и не допустить, чтобы кто-нибудь мог выйти из той области.

Дорогой высокочановный брат внешне дал обязательство по этому вопросу, но в действительности закрыл глаза и совсем не обратил внимания на это дело. После прибытия наших победоносных знамен в Кандагар часть их была назначена для наказания афганцев на границы Газнийской области, и никакого следа ваших обязательств и прибытия войска в том направлении обнаружено не было. Снова для напоминания об этом деле я назначил Мухаммад-хана Туркмана и отправил его к блестящему властелину. Во время прибытия помянутого посла ваша высокая особа и вельможи государства не исполнили обещания и, проявив пренебрежение, не дали ответа и задержали посла. Поэтому с помощью божьей милости я выступил для наказания афганцев Газни и Кабула. После наказания помянутой шайки, так как небрежность и невнимание уважаемого брата в деле отправки посла перешла за пределы дружбы, я направился посмотреть пространство Индии, прошел через Джелалабад, Пешавар и Лахор, который был столицей прежних султанов, и завоевал их. Я напрасно прождал несколько дней, надеясь, что благомыслящие люди этой высокой династии придут, вновь заложат основы дружбы и состоится свидание. Волей-неволей с многочисленным, как звезды, войском я выступил в поход, и, проходя переход за переходом, я с большой радостью явлюсь к вам и заложу основу собеседования и союза».

Высокомерие, с которым Мухаммад-шах отнесся к притязаниям этого наглого самозванца, и убийство его слишком настойчивого посла обернулись губительными последствиями.

Армия Мухаммад-шаха в пять раз превосходила армию Надира, не говоря уже о двух тысячах больших пушек, двенадцати тысячах малых, тысяче аташбазов – огнеметов, пускавших ракеты, и сотнях боевых слонов – настоящих чудовищах войны. Владыка Индии во всеуслышание объявил, что скорее погибнет, чем отдаст на поругание свою державу, он не позволит каким-то разбойникам опозорить священный трон Великих Моголов, чтобы его, Мухаммад-шаха, их достойного наследника, потомки проклинали до дня Страшного суда. Своих военачальников он призвал подвязать подол геройства к поясу храбрости и отбросить врагов от границ империи.

Принял Мухаммад-шах и другие меры. Со всей Индии были собраны йоги, дервиши, предсказатели, колдуны, заклинатели и волшебники. Им было сказано:

– Так как держится упорный слух, что Надир есть божья сила и счастливый завоеватель стран и что в какую бы область и место он ни явился, он подвергает все истреблению и ограблению и жителей тех областей пленит и убивает, то, если, не дай бог, он овладеет этой областью, он ни одного человека не оставит в живых и произведет всеобщее избиение, вам надлежит подумать об устранении этого и найти средство.

Собрание чудотворцев тут же принялось за дело. Они применили все свои тайные знания и поспешили успокоить Мухаммад-шаха. Одни уверяли, что на кызылбашское войско упадет с неба огонь, который целиком его сожжет. Другие – что поднимут такой ураган, что все кызылбашское войско будет сметено с земли и уничтожено сильным холодом. Третьи – что во время построения войск для сражения они так крепко свяжут кызылбашам руки, что те не будут в состоянии двигаться и разум у кызылбашей отнимется. Чудотворцы обещали, что силой их заклинаний Надир-шах с петлей на шее будет доставлен во дворец падишаха. И только йоги из области Декан заявили:

– Созвездие счастливой звезды мы видим очень высоко, и по всем признакам мы думаем, что Надир владеет полным счастьем и покорит Индию. Но, если нас отпустят, мы поедem на острова Кабунус, которые являются местом произрастания чудотворных деревьев и трав. Там есть трава, на которой мы будем колдовать, и получится так, что Надир разгневется на жителей Персии и все население той страны перебьет и ограбит и в конце концов будет убит одним из жителей той страны.

Успокоенный подобными заверениями и прибытием войск из разных концов Индии, Мухаммад-шах раскинул под Карналом свой огромный лагерь в ожидании обреченного Надира. Могол развлекался скачками, игрой в чоуган – конное поло, стрельбой в цель, метанием дротиков, боями верблюдов, музыкой и песнями – даже танцами дрессированных слонов и обезьян.

Но чудотворцы не сумели остановить Надир-шаха. А разногласия воинских предводителей привели к тому, что они недооценили воинские дарования Надира, поддались на его уловки и в результате потерпели постыдное поражение.

Кандагар Надир взял измором и долгой бомбардировкой, прежде опустошив все кругом и переселив жителей в глубь Персии, а их плодородные земли раздав верным сподвижникам и их племенам. Проход через Хайберское ущелье и его укрепления, занятые Насарханом, знаменитым военачальником Мухаммад-шаха, Надир обошел ночью по горным тропам. Ударом в тыл он обратил индийских воинов в бегство, а самого полководца взял в плен.

Другие полководцы тоже не смогли остановить продвижение Надира, который переправился через Инд по понтонному мосту, сооруженному на лодках, и разграбил Лахор.

Надеясь откупиться от Надир-шаха, уstraшенный Мухаммад-шах послал ему двух слонов, груженных драгоценностями и золотом. Но завоевателю этого было слишком мало. Неожиданно скоро он оказался у ставки самого Мухаммад-шаха под Карналом, где стояла трехсот тысячная индийская армия с бездарными командирами. Захватывая обозы, устраивая ложные отступления, применяя засады и прочие военные хитрости, Надир довел армию Мухаммад-шаха до смятения и паники, головы нескольких военачальников отрубил и насадил на копья, а затем установил блокаду вокруг лагеря правителя и в конце концов вынудил его просить мира. Мухаммад-шаху пришлось лично прибыть в ставку Надира и признать свое поражение. Надир-шах милостиво сохранил за своим новым вассалом видимость власти над Индией, но отобрал артиллерию, боевых слонов, конницу, верблюдов и огромный обоз, а индийскую армию велел распустить. Взамен Мухаммад-шах обещал прекратить сопротивление и отдать победителю несметные сокровища своей казны. После этого Надир отпустил Мухаммад-шаха, чтобы он ожидал в столице Индии прибытия нового владыки.

В честь победы Надир-шаха над грозным противником была сотворена молитва. К ставке падишаха начали прибывать его победоносные отряды, бросая на землю отрубленные головы врагов, пока из них не образовался высокий холм.

Вместе с Мухаммад-шахом были отправлены люди из свиты Надир-шаха. Им надлежало убедиться в исполнении договоренностей, оценить сокровища казны и проследить за тем, чтобы ничего не пропало. Среди последних были русский резидент при дворе Надир-шаха Иван Калужкин и француз Сен-Жермен, которого одни считали шпионом короля, а

другие – магом и чародеем, умеющим делать золото и драгоценные камни почти из ничего. В той же компании был послан и ишик-акаси – церемониймейстер шахского двора, чтобы устроить все так, как это будет приятно Надир-шаху.

Наконец, курьеры – чапары известили о том, что кортеж Надир-шаха приближается к городу. И Мухаммад-шах, проведший ночь в своем великолепном гареме, ища у жен сочувствия и облегчения охватившей его тревоги, отправился встречать своего победителя. На прощание он горстями раздавал обитательницам гарема драгоценные камни, советуя спрятать их в укромных местах. Садясь на коня, Мухаммад-шах горько сожалел о том, что напрасно копил несметные сокровища, на которые мог бы купить всю армию Надира вместе с ее предводителем, а теперь вынужден отдать все это без всякой пользы.

Правитель Индии, у которого уже не было прежней власти, ехал навстречу судьбе и старался не смотреть на своих подданных, стоявших вдоль его пути живым коридором. Даже его свита, не говоря уже о телохранителях и простых жителях города, прежде не смевших поднять глаз на великого владыку, смотрели на него с молчаливым укором. Несчастный Мухаммад-шах надеялся на сочувствие тех, кого раньше даже не замечал, как пыль у дороги. Лишь в редкие дни он садился у окна своего дворца, чтобы выслушать прошения или раздать подарки, демонстрируя щедрость и заботу о подданных своей блистательной державы. Но ни понимания, ни прощения Мухаммад-шах не находил. Да и были ли они теперь его подданными, эти угрюмые и растерянные люди? И кому было дело до несчастного падишаха, когда на беззащитный город вот-вот хлынут ненасытные, жадные до богатой добычи завоеватели?

Мухаммад-шаху казалось, что даже пустые окна, которые раньше при его выездах украшались гирляндами цветов и яркими расписными тканями, и те с презрением взирали на нерадивого наследника бывшего могущества.

Авангард воинства Надир-шаха приближался к столице побежденной империи. Впереди, сверкая драгоценным убранством оружия, двигались гвардейцы поверженного Мухаммад-шаха, составляя почетный эскорт победителя. За ними на празднично украшенных одногорбых верблюдах следовал придворный оркестр, оглашая окрестности торжественной музыкой. Но, как ни старались трубачи, как ни усердствовали барабанщики, звон оружия и доспехов, грохот копыт многотысячной кавалерии Надир-шаха заглушал все.

За музыкантами двигался куллар – отряд личной охраны Надир-шаха. Курчи – солдаты гвардии – в сверкающих шлемах, кольчугах и латах, прикрывавших грудь и спину, сидели на конях с золотыми уздечками. Они были вооружены саблями, щитами и боевыми топорами. Следом ехали знаменосцы. На главном знамени – знамени Надир-шаха – был изображен лев с мечом на фоне восходящего солнца.

Сам шах ехал в окружении телохранителей и многочисленной свиты, вырядившейся по такому случаю в лучшие одежды. В свои пятьдесят с небольшим лет Надир был статен, глаза его источали уверенность, черная густая борода была округленно подстрижена. Шах был в походном одеянии – синем кафтане, расшитом жемчужными узорами, предплечья были обхвачены браслетами из крупных бриллиантов, рубинов и изумрудов. Только драгоценная джика на тюрбане выдавала в нем повелителя. Кинжал и сабля Надира тоже были богато украшены. Одной рукой шах держал поводья, а в другой у него был щит.

Щит этот, сделанный из толстой шкуры бегемота, не раз спасал ему жизнь. Спас он Надира и на этот раз, когда разъяренный слон едва не убил его зажатой в хоботе палицей с алмазными шипами. Щит выдержал, но шкура на нем теперь висела клочьями.

Надир ехал на своем любимом гнедом жеребце, который был в дорогом убранстве, с заботливо вычесанной гривой и золотыми кольцами на хвосте. Жеребца он назвал Бураком. Это имя принадлежало священному животному, на котором пророк Мухаммад в мгновение ока перенесся из Мекки в Иерусалим, а затем вознесся на седьмое небо, к престолу всевышнего. Но Надира это не смущало. Опьяненный своими успехами, он возомнил, что если не равен, то, во всяком случае, ничем не уступает пророку Мухаммаду, о чем не раз объявлял своим приближенным, приводя их в трепет и изумление. Восхваление и возвеличивание Надир-шаха было их главным занятием, но договориться до такого кощунства не смели даже они.

Свита шаха алчно разглядывала лежавшую перед ними столицу Великих Моголов, всматривалась в процессию Мухаммад-шаха, спешившую на торжественную встречу, но сам повелитель был спокоен. Казалось, его больше заботил старый разодранный щит, чем упавшая к его ногам баснословно богатая Индия.

Две процессии встретились в условленном месте, где парадным строем стояло пятьсот слонов. Еще недавно они были вооружены палицами, бивни их были снабжены острыми мечами, а на спинах, в защищенных паланкинах, помещались лучники, копьеносцы и метатели дротиков. Теперь же слоны были украшены золотыми покрывалами и гирляндами цветов.

Прибывший с Мухаммад-шахом придворный церемониймейстер Надира поспешил к своему повелителю с докладом, а вернувшись к владыке Индии, поклонился и сказал:

– Их шахское величество велели вашему величеству приблизиться.

Мухаммад-шах, которому никто и никогда не смел чего-либо велеть, проглотил оскорбление, сошел с коня и направился к Надир-шаху. Тот поднял голову и, едва сдерживая усмешку, уставился на приближавшегося к нему сквозь строй шахской гвардии владыку Индии.

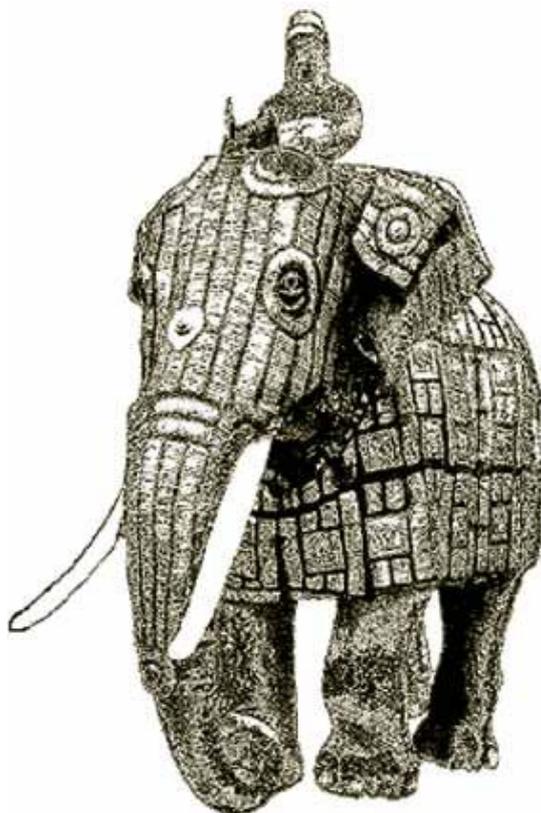
Мухаммад-шах подошел, приложил руку к сердцу и склонил голову.

– О избранник, о владыка Востока, – произнес Мухаммад-шах. – Я счастлив приветствовать тебя в столице благословенной Индии, покорившейся твоей силе и великодушию.

– Будь спокоен, государь, – ответил Надир-шах, слегка наклонившись в седле. – Все делается по воле всевышнего, и если ты мудро решил принести мне покорность, значит, такова воля Аллаха.

– Да будет так, – ответил Мухаммад-шах. – Да продлится твоя жизнь, пусть слава твоя утвердится в веках.

– Садись на коня, и поедем вместе, – велел Надир-шах.

Слуга подвел коня, Мухаммад-шах взобрался в седло, и они двинулись дальше рядом, будто встретились старые друзья, а не закончилась великая эпоха империи Моголов.

Некоторое время они ехали молча, пока Мухаммад-шах не выдержал и не сказал:

– Я готов исполнить любое твое повеление, о великий шах.

– Тогда прикажи починить вот это, – ответил Надир-шах и передал правителю Индии свой разодранный щит.

Мухаммад-шах принял щит как редкую драгоценность, почтительно приложил его ко лбу и, не решаясь передать щит слуге, растерянно ответил:

– Для меня это великая честь.

Проезжая мимо слонов, Надир не удержался и повернул к ним. Остановившись на безопасном расстоянии, он принялся их разглядывать, пытаясь узнать того, кто повредил его щит.

Смотря на этих огромных животных, Надир вспоминал, как они поначалу навели ужас на его воинов. Большинство персов видело их впервые и не знало, как сражаться с этими чудовищами в латах, да к тому же оснащенных оружием. Лошади в испуге пятились, и слоны с индийскими бойцами на спинах со страшным ревом пробивали кровавые бреши в отрядах Надира, поражая и топчая его храбрых пехотинцев – сарбазов. Но затем афганцы, сражавшиеся в рядах Надир-шаха, подали пример. Они уже имели дело со слонами и знали их повадки и слабые места. Первым делом они принялись за вожаков, которых слоны слушались больше, чем своих погонщиков. В глаза слонам полетели зажженные стрелы, хоботы жалили острые копья, а под ноги им афганцы бросали кувшины с горящей нефтью. Вслед за тем на слонов погнали верблюдов, которые истошно ревели, потому что седоки подгоняли их раскаленными пиками. В конце концов израненные, обожженные и напуганные вожаки обратились в бегство, за ними ринулись и остальные, несмотря на все старания погонщиков вернуть их на поле битвы. И тогда под их тяжелой поступью гибли уже индусы.

Надир не отличил своего обидчика от прочих слонов, но оставлять их без наказания не хотел. Он решил, что велит отрезать хобот первому, кто его угрожающе поднимет, и тронул своего коня.

Свита шаха, тревожно переглядываясь, двинулась следом. Гвардия старалась прикрыть шаха, который слишком близко подъехал к опасным чудовищам. Но, когда до слонов оставалось совсем немного, погонщики, сидевшие на шеях слонов, пустили в ход бамбуковые палки с острыми наконечниками. Все пятьсот слонов, сотрясая землю, опустились на передние колени перед Надир-шахом, а затем задрали хоботы и протрубили славу великому полководцу.

Глава 4

Устен города Надир-шаха встречали как нового владыку. Девушки в ярких одеждах усыпали лепестками цветов его путь, муллы возносили молитвы, а индусы молились своим богам, прося помощи и защиты от завоевателя, о жестокости которого ходили страшные слухи.

Город окружали высокие прочные стены с бойницами и всем необходимым для надежной обороны. Красный форт видел на своем веку армии посильнее войска Надира и выдержал не одну осаду. Но теперь сдавался без боя.

Во время торжественного въезда и шествия через взбудораженный город Надир-шах искоса поглядывал по сторонам, не переставая удивляться разноликости населения и красоте городских построек из красного песчаника и мрамора, украшенных великолепной резьбой и изящной мозаикой.

Сарбазы шаха тоже глазели вокруг, предчувствуя хорошую добычу. Богатые базары, фонтаны, каналы, роскошные сады, в которых порхали диковинные птицы, – все это подтверждало донесения разведчиков о богатстве Моголов. Но еще больше каджаров удивляло то, что с величественными мечетями соседствовали храмы индуистов, буддийские ступы и изваяния множества неведомых им божеств, среди которых были даже многорукие идолы с ликами обезьян и слонов.

Впрочем, слоны и особенно обезьяны были здесь повсюду. Эти забавные существа оказались весьма нахальными созданиями, которые беспрерывно пытались что-нибудь стащить у не привычных к их повадкам каджаров. Пара снесенных обезьяньих голов умерила пыл остальных, но породила гневный ропот жителей города.

Оставив часть войска у стен города, а авангард – внутри, Надир-шах со своей свитой проследовал во дворец Мухаммад-шаха.

Въехав в великолепные ворота, все спешили, и Мухаммад-шах провел Надира-шаха в красивый павильон из красного камня, где под ажурным сводом возвышался мраморный трон, украшенный резчиками с большим искусством. Здесь Мухаммад-шах предложил остановиться для отдыха, но Надир-шах слышал о другом, почти сказочном троне и жаждал его увидеть. Он вопросительно посмотрел на своего церемониймейстера, и тот, поклонившись, сказал:

– Этот дворец полон чудес, мой повелитель.

– Здесь правители Индии принимали высоких гостей и решали государственные дела, – пояснил Мухаммад-шах и обреченно добавил: – Но нашему великому гостю и повелителю не пристало здесь останавливаться. Владыку Востока ожидает то, что недоступно простым смертным...

И, снова заставив себя поклониться, Мухаммад-шах повел Надира через благоухающий сад, мимо прудов и гарема, в Диване-Кхас – свой тронный зал. Это архитектурное чудо было инкрустировано самоцветами, которые изображали сады и волшебных птиц, будто просвечивавших сквозь светлый мрамор. Полы его были устланы золотыми подстилками и коврами с бахромой из жемчуга.

На специальном мраморном возвышении стояло главное сокровище Моголов – ослепительно прекрасный Павлиний трон. Он представлял собой чудо ювелирного искусства и был сделан из золота, покрытого узорами из сотен сверкавших изумрудов, рубинов, сапфиров, бриллиантов и сиявших загадочным светом жемчужин величиной с голубиное яйцо. Таким же был и балдахин над тронном, стоявший на восьми золотых колоннах, будто увитых живыми цветами, которые тоже были сотворены ювелирами с удивительным мастерством. Трон покоился на изогнутых ножках, спинка его представляла собой изображение двух пав-

линов с раскрытыми хвостами. Эти дивные птицы были с поразительным правдоподобием сотворены из ажурного золота, платины, множества драгоценных камней и цветных эмалей. Ошеломленный Надир-шах не верил своим глазам.

Ему казалось, что павлины вот-вот оживут и упорхнут в вечность.

Золотые павлины поменьше, тоже украшенные драгоценностями, стояли и по всем четырем углам просторного трона и даже красовались над балдахинем. Изображения их украшали и подножие, а на золотых ступеньках, восходивших к трону, переплелись сказочные драконы.

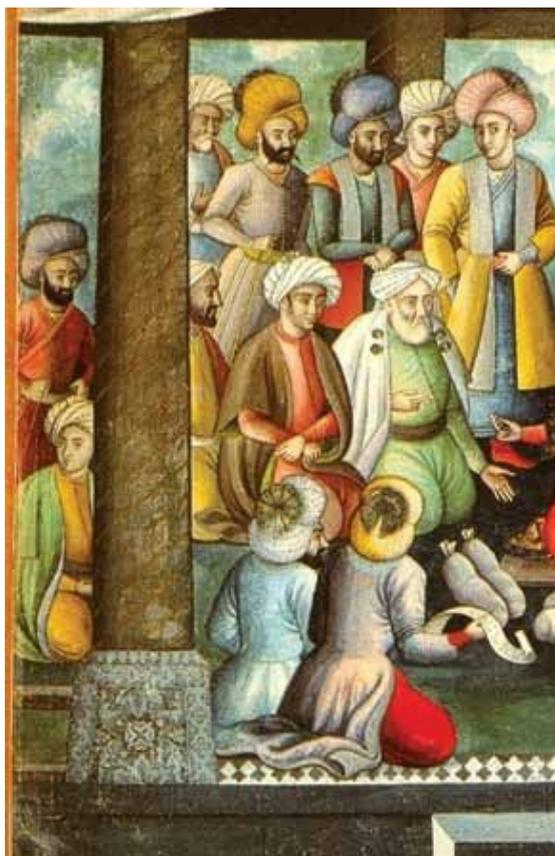
– Трон падишаха, – услышал Надир голос своего придворного.

Это многозначительное пояснение вернуло Надир-шаха к действительности. Он оглянулся на Мухаммад-шаха и прочел в его глазах отчаяние. Но начатое следовало доводить до конца. Надир-шах поднялся по ступенькам и воссел на трон Великих Моголов. Теперь это был трон Надир-шаха.

Сломленный Мухаммад-шах закрыл глаза и приложил руку к сердцу. Все расценили это как знак того, что он окончательно смирился с судьбой.

Тут же появились двое слуг с опахалами из павлиньих перьев, отороченных жемчугами, и приятная прохлада окутала великого завоевателя.

– Все, что видят мои глаза, все, к чему прикоснусь, принадлежит мне! – объявил Надир-шах.

И все присутствовавшие смиренно склонили головы.

На некотором расстоянии от трона была сделана золотая, украшенная драгоценными камнями ограда в восемь рядов, за которую никому не позволялось входить, кроме телохранителей и слуг.

Надир-шах пожелал услышать историю Павлиньего трона, и Сен-Жермен ее уже знал. Трон этот начал сооружать еще падишах Хумайун. Он собрал во всей Индии лучшие драгоценные камни и употребил их в дело. Но, несмотря на все старания, трон при Хумайуне не был закончен. Когда власть перешла к падишаху Акбару, тот тоже занялся Павлиньим тронном и, как и его предшественник, не успел его закончить. После его смерти, когда султанская власть перешла к его сыну, тот снова разослал гонцов по всей стране, чтобы они привезли лучшие камни. Властители менялись, а трон все еще создавался, пока его не закончил Мухаммад-шах. Венцом всех трудов стал прекрасный бриллиант величиной с куриное яйцо, который венчал трон Великих Моголов.

Но этого царя бриллиантов не месте не оказалось, и Сен-Жермен пообещал помрачневшему Надир-шаху, что непременно его найдет.

Зал начал наполняться дворцовой челядью, которая подавала на круглых золотых подносах изысканные угощения и напитки.

Затем, когда сын шаха принц Насрулла-мирза, главный визирь, личный секретарь, телохранители, писцы и прочие люди из свиты Надира заняли полагающиеся им места вокруг своего повелителя, начали входить самые важные персоны Индии – ханы, махараджи и владельцы окрестных земель. Допущенные к целованию ковра у подножия Павлиньего трона, которым теперь владел Надир-шах, они приносили ему свои дары, не смея поднять глаза на нового повелителя. Он и без того внушал им чувство какой-то особой, почти приятной беспомощности, желание подчиниться его воле, будто она была их неотвратимой судьбой.

Восхитительные драгоценности, лучшие кони и верблюды, прекрасные невольницы, оружие... Писцы не успевали заносить подношения в особые списки. Секретарь Надира поминутно вскидывал брови, записывая титулы, которыми щедро награждали Надир-шаха его новые подданные.

– Тень Аллаха на земле! – неслось под ажурными сводами тронного зала.

– Шах шахов!

– Властелин мира!

– Государь – мирозавоеватель!

– Победоносный меч судьбы!

– Мироукрашатель!..

Пышным восхвалениям не было конца, как не было конца желавшим засвидетельствовать Надир-шаху свою покорность.

Шах смотрел на эту бесконечную вереницу рабов в царственных одеяниях и только милостиво опускал веки, отвечая на их приветствия.

Его церемониймейстер знал своего господина и решил сделать перерыв. Хлопнув в ладоши, он подал знак, и явились музыканты. Трепеща перед новым владыкой, они хотели было усладить его чудесной музыкой Индии, но был подан другой знак, и волоокая певица, лаская нежные струны рубаба, запела древнюю персидскую песню, напомнившую Надир-шаху его детство.

Шах слегка улыбнулся певице, провел рукой по бороде и задумался.

Ему и в самом деле пора выбрать себе подобающий титул. Но среди всего, что он слышал, не находилось места тому, кем он был на самом деле. И сквозь дурман восхвалений на него удивленно смотрел босоногий мальчишка из Хорасана.

Отец Надира Имам-Кули из племени Афшар жил в небольшом селении близ Деррегега и зарабатывал на жизнь шитьем шуб из овчин. Но в его старшем сыне Надире крылись честолюбивые помыслы, и он не стал продолжателем дела отца, а пустился искать счастья в бранных делах.

Он не раз видел, как их село разоряли соседи. Туркменская конница налетала, как пыльная буря, и исчезала, прихватив с собой все, что имело хоть какую-то цену, включая пленных, особенно девочек, которых потом продавали на невольничьих рынках.

Надир затаил в себе жажду мести и решил сделаться воином. И первым поприщем, на котором он сумел проявить свои таланты, был разбой на дорогах. Он сделался атаманом айяров – ловких разбойников, главными орудиями которых были аркан, нож и сабля, и принялся грабить проезжих купцов, особенно туркменских. Но это постыдное ремесло не могло утолить его жажду власти и могущества. Тогда Надир, успевший снискать хотя и сомнительную, но громкую славу, поступил со своим отрядом на службу к наместнику провинции. Здесь он действовал так удачно, что вскоре сделался зятем наместника. И в результате добавил к своему имени Надир-Кули, что означало Надир-раб, весьма уважаемую приставку – бек.

Теперь он был Надир-Кули-беком, что звучало довольно двусмысленно, но положение его от этого не пострадало. Напротив, он стал еще более значительной фигурой, и его многие побаивались.

Когда же раздираемая на части Персия была на последнем издыхании, он явился к шаху Тахмаспу и предложил ему свои услуги, обещая изгнать захватчиков и вернуть Персии ее прежние владения. Шаху ничего не оставалось, как согласиться. Надир принялся за дело рьяно, но у него не хватало войск. Поговаривали, что Надир убил своего дядю, командовавшего крепостью в Келате, чтобы прибрать к рукам его гарнизон. Сколотив подобие армии, Надир бросился драться с афганцами, которых и изгнал за пределы Персии. Между делом он разбил досаждавшие Хорасану племена туркмен, исполнив тем самым свою детскую мечту. В благодарность шах дал ему новое имя – Тахмасп-Кули, что хотя и означало раб Тахмаспа, но почиталось как одно из главных званий, почти ханское. На деле же Надир стал вторым человеком в Персии после безвольного шаха. Взяв дела царства в свои руки, Надир отобрал у турок земли в Ираке и Кавказ и отодвинул русские границы до Кизляра.

Секретарю, составлявшему летопись деяний Надира, он говорил о своих успехах витиевато:

– Моя ревность игрока в нарды не могла согласиться с тем, что было. И, взяв в руки две игральные кости состояния и существа моего, пустился я по дебрям в пустыне мира. Прибегая к сотням уловок, к тысячам хитростей и приманок, охмелевшему противнику вскружил я голову, пока узоры моей цели не начали проявляться на страницах бытия. Таким образом, опустошенную страну Ирана я спас от врагов.

В конце концов Надир отстранил, а затем и сместил законного, но бездарного в военных делах шаха, как и его наследника, и сам сделался шахом. Вернее, сделал так, что его избрали шахом на большом курултае как «спасителя отечества», кем он тогда по сути и был. Тогда же были напечатаны и монеты с его именем, а на государственной печати вывели: «Поскольку кольцо государства и религии исчезло со своего места, господь вновь утвердил его именем иранского Надира». Хутбу за здравие монарха после пятничной молитвы в мечетях тоже стали читать на его имя.

Надир знал, что недруги его шептались о том, что трон Персии он занял незаконно. Но и трон Великих Моголов ему не принадлежал, однако же он теперь на нем восседал, и никто не смел оспорить его права. Моголы владели Индией веками, передавая власть по наследству, и теперь пожинают печальные плоды династического правления. И разве это их не погубило? Власть должна принадлежать тому, кто ее достоин.

– Второй Александр! – продолжали награждать титулами Надир-шаха. – Гроза Вселенной!

– Глупцы, – думал про себя Надир. – Александр тоже дрался с индийской армией и ее слонами, но дошел только до Лахора. А я – в сердце Индии, с казной Лахора в моем обозе. И даже с саблей, которой владел некогда Тимур и которая нашлась среди богатств покоренного Дели! Надо бы поставить на ней свое клеймо.

– Рожденный царем Вселенной!

Этот титул пришелся Надиру по вкусу. Он оглянулся на своего секретаря. Тот сразу все понял, и его калам по-особому заскользил по пергаменту.

Церемониальные приветствия начали утомлять Надир-шаха. Ему становилось скучно. Да и трон этот уже не казался ему таким прекрасным, как в тот момент, когда он его увидел. Этот трон мог погубить кого угодно, а Надир предпочитал управлять империей, сидя на своем коне.

Шах посмотрел в окно и увидел в темнеющем небе яркий полумесяц.

– Пусть думают, что над миром взошла луна, – подумал Надир. – Они скоро узнают, что это подкова моего коня.

Глава 5

Жен и весь гарем Надир-шаха привезли на верблюдах в закрытых паланкинах, в окружении множества служанок и под строгой охраной. Возглавлял процессию Лала-баши – главный евнух, кастрат необъятных размеров с одутловатым безбородым лицом. Он передвигался на невысоком крепком коне, бранил нерасторопных индусов и награждал ударами плети всех подряд.

Гарем Надир-шаха хотя и был его личной собственностью, но имел ранг государственного учреждения, и у Ла-ла-баши было больше влияния, чем у самых важных сановников, которые перед ним заискивали и одаривали евнуха подарками. Гнев Лала-баши был страшен для всех, кроме законных жен шаха, а не угодившие ему чиновники легко могли лишиться не только должности, но и головы.

Женам Мухаммад-шаха пока не дозволено было навещать прибывших женщин, хотя печаль за судьбу своего повелителя уже отступала перед любопытством. Достаточно было, что они потеснились в своем запретном дворце, отдав гарему Надира лучшую половину.

Оказавшись в пышно убранных покоях, наполненных утонченными ароматами и мягким светом, проникавшим сквозь ажурные решетчатые окна, дамы принялись устраиваться на новом месте. Это было важнее, чем отдых после долгого пути. Старшей жене, шахине, полагались лучшие покои, другим женам – поскромнее, но тоже отдельные, для себя и прислуги, а наложницам и прочим обитательницам гарема – то, что осталось. Впрочем, во дворце Великого Могола самые скромные покои превосходили все, что гарем Надира видел прежде, и дамы пребывали в некотором замешательстве. Но для того и существовал Лала-баши, чтобы все устроить и всем угодить. И он, не откладывая, принялся за дело, осматривая залы и комнаты и стараясь скрыть свое изумление перед невообразимой роскошью.

Наконец, все было распределено, и гарем наполнился возгласами удивления. Каждая красавица спешила сообщить другой, какие чудесные покои ей достались, и слышала в ответ что-то еще более поразительное. Угощаясь сладостями и напитками, они щебетали у золоченого бассейна, в котором плавали разноцветные рыбки, а дно было выложено мозаикой из драгоценностей, изображавшей влюбленную пару в царской опочивальне.

С одной стороны окна гарема выходили на реку, с другой – в тенистый сад. И постепенно дамы стали собираться у окон, разглядывая удивительный мир, в котором они оказались по воле своего господина.

А тем временем в хазине – хранилище государственных ценностей Великих Моголов – происходили важные события.

Первый визирь Индии передавал несметное богатство финансовым чиновникам Надир-шаха. Один казначей снимал печати, открывал замысловатые замки, отворял дверцы

в тайные ниши, а ключи отдавал другому, представлявшему шаха. Ака-Мухаммад, шахский казначей, осматривал и оценивал сокровища, не доверяя собственным глазам и пытаясь распознать подделки. Принимал ценности хазиначи – хранитель казны.

Сундукам с золотыми монетами, платиной, чанам с чистой воды драгоценными камнями, особым футлярам с украшениями баснословной цены, подземным хранилищам для жемчуга, полкам, на которых лежали дорогое оружие, сосуды, чаши, редкие ковры, ткани и прочие изумительные вещи, цену которым никто не знал, не было видно конца.

Чиновники старались описать все, что принимали, но сокровищ было слишком много. Чиновники лишались дара речи, у них темнело в глазах от окружавшего их ослепительного сияния, немели руки, уставшие вносить в списки даже самые дорогие изумруды, рубины, алмазы или сапфиры.

– Их тут больше, чем фиников в Басре, – поминутно вздыхал казначей, будто опечаленный невероятным количеством бесценных трофеев.

За всей этой волнующей суетой наблюдал и русский резидент Иван Калушкин.

Иван Петрович был Государственной коллегии иностранных дел секретарем, и состоял резидентом при шахском дворе с 1735 года, после того, как бывший посланник князь Голицын, заключивший с Надир-шахом Гянджинский трактат, был назначен в Казань губернатором. Калушкину было около сорока, он успел потрудиться в русской миссии во Франции, бывал и в других европейских странах. Он был невысок, русоволос и простоват с виду, но опыта дипломатической службы Калушкину было не занимать, сметливости и ума – тоже. Однако в Персии он был новичком, и восточные интриги не сразу дались его разумению. Он все еще пребывал в ранге резидента, хотя персы, за неимением другого, звали его вазир-мухтаром – полномочным послом.

Поначалу Калушкин вел переписку с Голицыным, прося у него совета в разных деликатных делах, но однажды на охоте князя смертельно поразила молния, и теперь Калушкину приходилось полагаться только на себя. Однако Калушкин не растерялся и непрерывно слал в Петербург донесения, умоляя твердо блюсти государственный интерес и не доверять коварному шаху, который о том только и печется, чтобы стравливать Россию с Турцией, рассчитывая воспользоваться плодами их войны.

Поначалу Калушкин был оглушен фантастическим богатством поверженного Мухаммад-шаха и не совсем понимал, зачем его привели в сокровищницу.

Мехмандар – чиновник, приставленный к русскому резиденту, – объявил Калушкину, что его просят оценить трофейные сокровища. Но кто мог оценить то, что не имело цены?

Казначей Ака-Мухаммад и тот поминутно приходил в замешательство, не зная, как оценить очередную редкость. Он смотрел камни на свет, щупал оправу, взвешивал на руке и особых весах. Некоторые камни пробовал на вкус, будто так можно было что-то определить, затем обнюхивал, будто они могли пахнуть. Калушкин тоже тайком лизнул и понюхал рубины и изумруды, но никакой разницы не почувствовал.

Однако казначей что-то диктовал хранителю казны, а казначей Мухаммад-шаха что-то смиренно добавлял, объясняя особенности огранки и чистоту камней.

При виде этих умопомрачительных богатств Калушкина особенно печалило то, что самому ему денег из государевой казны отпускалось скудно, их едва хватало на содержание тайных агентов, курьеров и подкуп шахских чиновников.

– Да еще этот прохвост Сен-Жермен... – размышлял Калушкин. – Что ему тут надобно?

Француз оказался в казначействе раньше Калушкина. И по всему было видно, что этот разодетый парижский франт занят какими-то поисками. Что он тут хотел найти, было неизвестно, но редчайшие камни баснословной цены он откладывал, не задумываясь, и продолжал рыться в сокровищах, как курица в навозной куче.

– За этим нужен глаз да глаз... – думал Калушкин. – Не упер бы чего... Вон сколько у него карманов.

Сен-Жермен был в парике с мелкими завитками и в бархатном камзоле, расшитом золотыми нитями в виде цветов и украшенном россыпями бриллиантов. У него были тонкие черты лица, умные глаза и аристократические манеры. Сен-Жермен называл себя графом, однако происхождение его оставалось тайной. Но еще большей тайной были его удивительные способности. Он знал множество языков, был сведущ в различных науках и магии, умел рисовать и производить в уме сложнейшие вычисления. Ко всему прочему молва приписывала ему обладание философским камнем и рецептом эликсира бессмертия. Сколько ему было лет – тоже не было известно, сам же он намекал, что жил в разные эпохи и был коротке с вершителями судеб мира. Его никто не мог обыграть в шахматы, а придворные прорицатели Надир-шаха опасались его искусства видеть прошлое и будущее. Гадая по небесным светилам, они и без француза предсказывали Надиру великие победы, но если раньше счастливые звезды оседали в их карманах драгоценными камнями, то теперь щедрость шаха их все чаще обходила.

Извести, устранить ненавистного Сен-Жермена было их мечтой, но звезды не обещали им такой удачи.

Будто заметив интерес к своей особе, Сен-Жермен дружески улыбнулся Калужкину и пожал ему руку.

– Счастлив снова вас видеть, мсье Калушкин.

– Рад знакомству, – кивнул в ответ Калушкин, пожимая неожиданно крепкую руку француза. Он не мог припомнить, чтобы прежде встречал Сен-Жермена.

– Дипломатам следует иметь хорошую память, – продолжал улыбаться Сен-Жермен. – Впрочем, блеск шахских сокровищ способен свести с ума даже меня.

– Вряд ли, мсье, – усомнился Калушкин. – При ваших-то способностях...

– Однако они свели с ума даже своего обладателя, – уже тише произнес Сен-Жермен. – На такие деньги можно было нанять все европейские армии, вместе взятые.

Это замечание привело Калушкина к мысли о настоящей цели приглашения его, российского резидента, в казначейство.

– А вдруг – война? – осенило Калушкина. – Она ведь не только оружием, но не менее и деньгами делается...

Выходило, что Калушкина пригласили сюда за тем, чтобы русская государыня узнала, как богат теперь Надир-шах. Сокровища умножали его могущество и подкрепляли репутацию непобедимого полководца. Все это тяготило Калушкина, который давно подозревал, что шах не уймется, пока не нападет и на Россию. А это будет на руку французам, друзьям турок... И тогда снова неминуемо встанет Польский вопрос. Турки числили Польшу под своими покровительством, французский король Людовик XV прочил в польские короли своего тестя – Станислава Лещинского, а русские войска вошли в Польшу и вынудили сейм посадить на трон сына умершего короля Августа Сильного – Августа III Фридриха, саксонского курфюрста. Победоносные войны в Европе истощали Россию, вот и после борьбы за Польское наследство уже не хватало сил удержать завоевания Петра на Кавказе. И Надир сумел этим воспользоваться.

Сен-Жермен продолжал свои поиски, продолжая разговаривать с Калушкиным.

– Припомните, мсье, вы тогда замещали камергера Куракина, русского посланника в Париже.

– Дьявол! – чертыхнулся про себя Калушкин, припоминая, что он и в самом деле некоторое время замещал Куракина. Но при чем тут Сен-Жермен?

– А очаровательная мадемуазель Луиза, – продолжал Сен-Жермен, – к которой вы были так равнодушны, тайно привела вас на магический сеанс, чтобы восточный чародей узнал ваше будущее – не улыбнется ли вам счастье сделаться настоящим посланником?

– Так это были вы? – изумился Калушкин, вспомнивший и кокетливую Луизу, с которой вскоре после того расстался, заподозрив в ней подсадную утку и опасаясь шантажа. Вспомнил он и тот сеанс, на котором чародей каким-то волшебством заставил помутнеть воду в хрустальном кубке и прочел в явившихся знаках, что Калушкин точно станет посланником, только не в Париже.

– Вы признаете, что я оказался прав? – усмехнулся Сен-Жермен, разглядывая очередное сокровище.

– Сбылось, – развел руками Калушкин.

– А если вы полагаете, что я прислан сюда шпионить, то вынужден вас разочаровать. Интересы Франции и короля, разумеется, превыше всего, но это политика, а меня интересует чудо.

– Чудо? – не понял Калушкин.

– Именно, мсье, – кивнул Сен-Жермен, разочарованно откладывая очередной соли-тер. – Вы что-нибудь слышали о величайшем бриллианте на свете? Почти в двести карат и ограниченном в виде розы?

– Признаться, ничего, – пожал плечами Калушкин.

– Это не только чудо, – снова понизил голос Сен-Жермен, – но также и величайшая тайна. Раньше он сиял над тронном государя между двумя павлинами, однако теперь его там

нет. Но я чувствую, что этот великий камень где-то здесь, поблизости, я ощущаю его магическую силу, но все делают вид, что его не существует.

– Вы собираетесь его украсть? – спросил Калушкин.

– Это невозможно, – с сожалением ответил Сен-Жермен. – Это все равно, что украсть собственную голову у самого себя. Во всяком случае все, кто им обладал, начиная с Бабура, основателя империи Великих Моголов, кончали несчастливо. Однако я в некотором смысле состою на службе у Надир-шаха, и его величество желает, чтобы я нашел этот легендарный бриллиант. Но я найду его не для шаха, а чтобы попытаться раскрыть тайну, которая творит великие несчастья.

– На что вам такие беспокойства, если, как говорят, вы можете без труда делать золото? – спросил Калушкин.

– Золото – пыль, – покачал головой Сен-Жермен. – Оно появляется очень просто.

– Тогда расскажите – как? – любопытствовал Калушкин.

– Вам я открою самый легкий способ, – сказал Сен-Жермен. – Тот же, которым воспользовался Надир.

– В чем же он заключается? – не понимал Калушкин.

– Разгромите Надира и заберите его казну, – развел руками Сен-Жермен.

– Легко сказать, – разочарованно произнес Калушкин.

– Другие способы куда труднее, – улыбался Сен-Жермен. – Для этого требуются знания, которые способны свести с ума кого угодно. Я несколько раз был у этой пропасти. Но пока Господь меня уберег.

– Все они тут помешаны на сокровищах, – заключил про себя Калушкин. – Однако важнее всего – сведения. Они – те же сокровища. Добыть, утаить и употребить когда следует. Тогда и держава будет в благополучии.

– Мсье Калушкин, – снова заговорил Сен-Жермен. – Как вы полагаете, можно ли сделать так, чтобы камни исчезли?

– Побойтесь бога, – ответил растерянно Калушкин. – У нас за это на кол сажают.

– А если так? – Сен-Жермен зажал в руке изумруд, а когда раскрыл ладонь – на ней сиял рубин с голубиное яйцо.

– Бесовские затеи, – перекрестился Калушкин.

– Наука! – поднял палец Сен-Жермен. – Всего лишь наука, в сравнении с которой все богатства Моголов – жалкий мираж. А суеверия плодят лишь нищету.

Когда он снова раскрыл ладонь, рубин сменился сверкающим бриллиантом.

– Что-то теперь будет? – размышлял Калушкин, стараясь скрыть свое изумление и сожаления, что не владеет искусством делания золота, чтобы оплачивать услуги приближенных к Надир-шаху осведомителей.

Но и без того Калушкину было что сообщить начальству и о чем предупредить Государственную коллегия иностранных дел. Мысленно он уже подготовил донесение в самых тревожных тонах, где растущая сила шаха соседствовала с растущей опасностью для России. Он мог бы воспользоваться тайнописью и приготовить срочный пакет экстренной важности. Но Калушкин не знал, с кем его отправить. Он и в Персии соблюдал особую осторожность, а довериться кому-то здесь и вовсе было невозможно. Калушкин решил дожидаться удобного случая или вовсе отложить это дело до возвращения в свою резиденцию в Персии.

Те, кто описывал содержимое казны, очень утомились. Перед ними вырастали груды немыслимых ценностей, и они опасались ошибиться в подсчетах. Но делать было нечего – так они бы просидели тут не одну неделю. Чиновники принялись считать каратами, затем перешли к мискалям, которые были равны по весу маленькой золотой монете. Но и это не особенно ускорило дело. Тогда обычные драгоценности стали считать харварами – примерно

равными весу трех человек при оружии, и для этого нашлись большие весы. А золотые рупии и вовсе считали курурами – по пятьсот тысяч штук.

И только Сен-Жермен неустанно продолжал свои разыскания, увлеченный страстным желанием увидеть таинственное чудо света. В конце концов отступил и он. Ему попало несколько весьма достойных экземпляров, способных украсить корону любого монарха, но заветного камня в сокровищнице не оказалось.

Однако Сен-Жермен был полон решимости продолжать поиски, даже если бы для этого пришлось перевернуть весь дворец, включая считавшийся неприкосновенным гарем.

Глава 6

Ибрагим-хан, брат и наместник Надир-шаха, имел титул вали – второго человека в государстве. Вали имел своим местопребыванием Тебриз и считал себя правителем всего Кавказа. На самом деле ему подчинялось только Закавказье. В Дагестане же с его властью скрепя сердце считались только владетели прибрежной полосы Каспия.

Завоеванные в 1722 году еще Петром I, эти земли и несколько персидских провинций были отданы Надир-шаху по Гянджинскому договору 1735 года императрицей Анной Иоанновной. Взамен она ожидала обещанной шахом помощи в войне России с Турцией, но толком ничего не дождалась, хотя после заключения договора русские крепости в Дагестане были срыты, а в Кизляре, на границе, основана новая. Сочтя себя обманутой, императрица горько сожалела о том, что доверилась коварному шаху, а не исполнила то, что обещала – продолжить дело своего великого дяди Петра I. После смерти императора многие говорили о «Завещании Петра», по которому империя должна была стать главной мировой державой и выйти к теплым морям, в которых русские солдаты «омоют свои сапоги». Это завещание не было обнародовано, но, даже если его и вовсе не было, суть его была ясна всем. Уступки Анны Иоанновны явно противоречили чаяниям Петра, но она решила пожертвовать частью побережья замкнутого Каспийского моря, чтобы утвердиться на море Черном, где открывались пути к другим морям и странам.

Русскому резиденту Калушкину было велено употребить все средства, чтобы склонить Надир-шаха к войне с Турцией, но старания резидента оказались напрасными.

– Нечего с войною спешить, не постанова между собой твердого соглашения. Надо прежде обдумать, чтобы войну начать и кончить с честью, – отвечал ему Надир-шах, которого вполне устраивало, что два его соперника сами воюют между собой. Его больше волновали внутренние беспокойства в Персии. – Осада русскими Азова, взятие трех крепостей турецких, посылка войска в Крым и на Кубань – все это дело ничтожное. Персии в Азове никакой нужды нет, точно так же, как России – в Багдаде.

Ибрагим-хан был так же дороден и такого же большого роста, как и его властвующий брат. Но был безмерно тщеславен, и подвиги брата разжигали в нем мучительную зависть. Он утешал себя тем, что выжимал из своих владений все, что мог, и часто менял правителей областей – беглербегств – в зависимости от подарков, которые получал от претендентов. Те, в свою очередь, обирали остальных. Царил произвол, на который доведенный до крайности народ отвечал восстаниями.

Желая хоть в чем-то превзойти своего брата, Ибрагим-хан жил в изощренной роскоши и неустанно пополнял свой гарем красавицами.

Их становилось так много, что он уже не помнил их имен и не узнавал в лицо. Денег на содержание гарема уходило едва ли не больше, чем на жалование войскам. Евнухи научились всем этим пользоваться, часто выдавали давно живших в гареме невольниц за новеньких и каждый раз получали награду от хана, польщенного их верой в его мужскую силу.

Время от времени Ибрагим-хан выступал с войском для приведения в покорность возмущившихся областей, безжалостно истреблял повстанцев и по примеру брата оставлял после себя башни из отрубленных голов и превращенные в руины селения. После чего в крае наступало затишье. Однако и по эту сторону Кавказского хребта не все признавали его власть.

Азербайджан был разделен на четыре беглербегства. Но на севере, у подножий Кавказского хребта, издревле жили дагестанцы, образовавшие несколько обществ, многие из которых входили в единый Джаро-Белоканский союз. Общества эти были вольными и не желали никому подчиняться. Сам Надир посылал на них войска, но они восставали из пепла и оставались свободными. А кроме того, всегда помогали Сурхай-хану Казии-Кумухскому, который не оставлял попыток вернуть себе Шемаху и весь Ширван, где некогда властвовал. Этих-то непокорных горцев и решил привести в повиновение Ибрагим-хан, чтобы обеспечить себе спокойное правление.

Дело это было непростое, но последнее письмо Надир-шаха из завоеванной им Индии заставило Ибрагим-хана решиться. Письмо, впрочем, было самого благостного содержания. К нему прилагался особенный дар великого шаха – усыпанная драгоценными камнями джика, почти такая же, какую носил сам Надир. И никто, кроме него и Ибрагим-хана, не имел права украшать себя этим символом верховной власти.

В письме шаха описывались его блестящие победы, указывались новые границы империи и говорилось о бесчисленных сокровищах, которыми завладел Надир.

Письмо так поразило Ибрагим-хана, что он не сумел сразу прочесть его до конца. Немного придя в себя и почти задохаясь от зависти, он продолжил чтение. И здесь его ждал новый удар. Надир-шах сообщал о необыкновенных подвигах своего старшего сына Риза-Кули-мирзы, его наместника в Персии.

Когда шах отправился в Индию, правитель Хорезма Ильбарс-хан считал, что наступило подходящее время, и двинул свои войска на Персию. Но Риза-Кули-мирза, имея куда меньшее войско, смело двинулся ему навстречу, разгромил отряды узбеков и туркмен, а уцелевших обратил в бегство. Ильбарс-хан был повержен, Самарканд и Бухара пали.

Затем описывались другие подвиги победоносного принца, после чего Надир-шах сообщил, что назначает Риза-Кули-мирзу наследником персидского престола.

«Львенок – подобие льва, – писал шах. – И наследный принц по уму, проницательности и способности к мирозавоеванию является редкостной жемчужиной, которая еще не выходила из раковины воображения на поверхность бытия. По храбрости он равен Саму, сыну Наримана, а справедлив и щедр так, как тысячи таких, как Ануширван».

Далее Надир-шах велел, если с ним самим произойдет то, чего никто не может предугадать, и на престол взойдет его сын, служить новому владыке мира и повиноваться ему, как самому Надир-шаху. А пока приказывал Ибрагим-хану – своей руке на Кавказе – искоренить в его владениях неповиновение, уничтожить бунтарей и развеять их прах по ущельям.

Ибрагим-хан был в ярости. Он даже хотел разорвать письмо шаха и разбить джику, но пристальные взгляды придворных удержали его от опрометчивого шага. Он хорошо знал, что среди них есть тайные осведомители Надира, найдется еще больше тех, кто с радостью поспешит донести владыке о непочтительном отношении к его посланию.

Однако Ибрагим-хану не удалось удержаться от того, чтобы не воскликнуть с нескрываемой горечью в голосе:

– Риза-Кули-мирза! Какие успехи в столь юном возрасте! Покорить Хорезм! Ему ведь всего девятнадцать лет! И не только Хорезм. Он смог взять Балх, Куляб...

Придворные отвечали гулом, который мог означать и восторг, и недоумение, и возмущение – как будет угодно Ибрагим-хану.

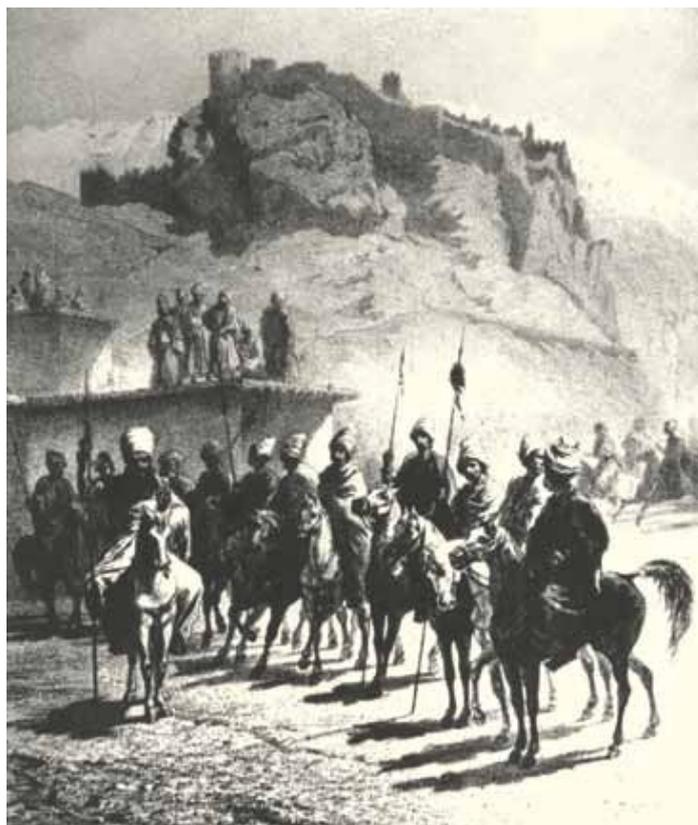
– А кто я? – лихорадочно размышлял про себя Ибрагим-хан. – Правитель Кавказа, который только делает вид, что склоняется передо мной. Я надеваю на себя драгоценные одежды, но остаюсь рабом своего брата, а теперь и его сына!

Прежде Ибрагим-хан еще надеялся хоть когда-то унаследовать престол. Теперь эти надежды рушились, как ветхое здание от ураганного ветра.

Немного поостыв, Ибрагим-хан пытался осмыслить свое новое положение. Если после Надира престол достанется его сыну, а с сыном что-то, не дай Аллах, случится, кто будет новым наследником? Насрулла-мирза, другой сын Надира, который успел отличиться в Индии? Или все же он, Ибрагим-хан, станет властителем Персидской империи? Но для этого нужно сделать то, что поднимет его в глазах армии и народа.

Поле для великих деяний открывалось совсем недалеко от дворца Ибрагим-хана.

– Джарцы! – осенило Ибрагим-хана. – Я покорю этих упрямых горцев, а затем и весь Дагестан! Я совершу то, что не удалось самому Надир-шаху! Эта победа затмит славу принца, захватившего Хорезм.

И тогда посмотрим, кому достанется персидский престол.

Ибрагим-хан начал спешно собирать войска. По его приказу отряды стекались отовсюду, даже из Грузии и Армении.

Лазутчики доносили о силах горцев. Выходило, что сердцевину их составляет сильное Джарское общество. С восстаниями в других провинциях справиться было легче, а у джарцев за спиной был Дагестан. Они могли позвать на помощь своих соплеменников из-за Кавказского хребта и там же спасались, если приходилось.

Когда главные силы были в сборе, Ибрагим-хан решил не дожидаться отрядов из глубины Персии и объявил начальникам:

– Дурной пример непокорных джарцев нарушает спокойствие державы. Горцы вышли из подчинения и плодят смуту, подбивая на неповиновение остальных наших подданных. Джарцев нужно непременно истребить, а затем пойти и захватить Дагестан.

Те воины, кто уже бывал в Дагестане с Надир-шахом, знали, что их ждут сильные противники и тяжелые битвы. Но никто не решался перечить настроенному весьма воинственно наместник у.

Перед выступлением Ибрагим-хан приказал во всеуслышание:

– Если противник разобьет какую-нибудь часть войска, даже перебьет ее всю и никого не оставит в живых, – горе тому, кто без моего приказа пойдет на помощь и окажет поддержку. Я головы их отделю от туловищ и воздвигну из них башню! А тех, кто проявит отвагу, старание и преданность, подниму выше небесного свода и окружу великим почетом!

– Пока душа будет в теле, у нас не будет затруднения в убийстве и усердии, – заверили начальники. – Если богу угодно, мы исполним все твои повеления, разгромим джарцев и покорим Дагестан.

Но в душе многие надеялись, что пыл Ибрагим-хана быстро угаснет, как только он столкнется с этими страшными горцами, которых еще никто не смог окончательно покорить.

Проведя ночь в милом его сердцу гареме, Ибрагим-хан наутро взбудрил себя чашей вина и процитировал поэта:

Кто ищет величья и славы такой, какую хочу обрести, Уже не заботится,
жизнь или смерть его ожидают в пути.

Драгоценную джику властителя Ибрагим-хан оставил во дворце, чтобы случайно не потерять в походе, а сам облачился в шлем и доспехи из позолоченной стали.

Отряды двинулись вперед, гремя барабанами и бряцая оружием.

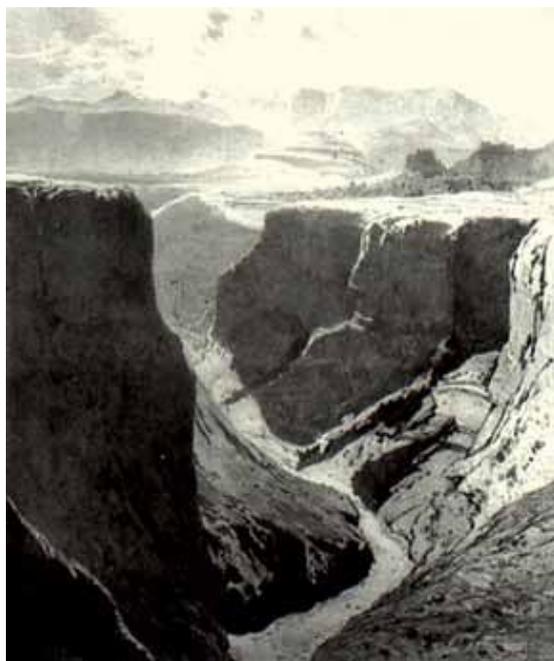
О готовящемся наступлении на джарцев и Дагестан агенты Калушкина сообщили заблаговременно. Сведения были переданы через Дербент, Кизляр и Астрахань в Петербург, в Коллегию иностранных дел. В Дербенте забеспокоились, в Кизляре развели руками, не зная, что тут можно поделаться, в Астрахани пакет даже не вскрыли и отправили с фельдъегерем в столицу. Там донесение приняли к сведению, но делать ничего не стали. Тогда было не до мятежных горцев – Россия воевала с Турцией.

Глава 7

Кумух был большим селом и располагался на просторном плато. С одной стороны столицу ханства защищала старая крепость, за которой поднимались горы, с другой – глубокое ущелье, по дну которого неслась река Кази-Кумух-ское Койсу.

В древнем ауле были знаменитая мечеть, одна из первых в Дагестане, и большое медресе. Ученые из Кумуха славились обширностью и глубиной своих знаний, а некоторые кумухцы, как и их хан, вели свои родословные от семьи самого пророка Мухаммада.

Посреди села отливало на солнце изумрудной гладью небольшое озеро, окаймленное высокими тополями. Около озера располагался большой базар.

Шел 1739 год, или 1152-й год хиджры – по мусульманскому летоисчислению. Кое-где еще видны были следы опустошительных нашествий Надира в 1734 и 1735 годах.

После того, как его свирепые орды разорили ханство, торговли почти не стало, но всего за несколько лет трудолюбивые лакцы сумели возродить свой край.

Когда Шахман прибыл в Кумух со своим караваном, его приняли настороженно. Здесь уже знали, что произошло в Согратле, а кто-то еще раньше видел Шах-мана в Дербенте, где он был в большой дружбе с тамошним правителем – ставленником Надир-шаха.

Кумухский базар был полон. Здесь были люди из разных мест, на базаре всего было вдоволь. Кроме изобилия, кумухский базар был знаменит тем, что здесь имелись особые ряды, где продавались книги. Это были не только Кораны или переписанные в Кумухе известные книги, но и произведения кумухских ученых, почитаемых в исламском мире. В Кумухе веками существовала традиция копирования рукописей. Книги переписывали не только ученики медресе – мутаалимы, но и сами ученые, обладавшие богатыми библиотеками. Переписывание считалось весьма богоугодным делом и помогало распространению знаний.

На базаре продавались книги по разным наукам. Одни были в дорогих переплетах, другие – подешевле, их можно было не только купить, но и обменять на другие. Сюда привозили лучшие книги из многих стран, и в Кумух отовсюду приезжали за их копиями. В книжных рядах можно было найти труды по мусульманскому праву – знаменитый «Тухфат ал-мухтаж» – «Подарок нуждающимся» египетского ученого Ахмада Ибн Хаджара ал-Хайсами, «Мухтасар» – «Краткое изложение» Али Кумухского, хорошо известный в Египте. Трактаты ученого суфия ал-Газали, особенно любимый знатоками его «Минхадж ал-абидин» – «Путь поклоняющихся», соседствовали с трудами по логике, среди которых была и арабская обработка «Категорий» Аристотеля. В конце каждой копии значилось примерно следующее: «Завершил переписку книги прославлением Аллаха и при его благостном содействии грешный раб...», и далее следовало имя переписчика.

Шахман был человеком просвещенным и каждый раз покупал в Кумухе по несколько книг, но теперь ему было не до них. Полюбовавшись на эти сокровища, он вернулся к своему каравану. Даже при всем изобилии кумухского базара товары Шах-мана заметно выделялись, и люди удивленно их разглядывали. Шах-ман помалкивал, откуда взялись эти необыкновенные вещи, надеясь все быстро распродать и уехать в Дербент. Не решался он навестить и правителя Лакии Сурхай-хана, у которого были свои особые счета с каджарами.

Кумухцы были хорошими мастерами, изготавливали отличное оружие и красиво его украшали, поэтому оружие, которое привез Шахман, их заинтересовало. Но никто ничего не покупал. Владелец каравана ловил на себе презрительные взгляды. Люди шептались, поглядывая на Шах-мана, а кое-кто едва себя сдерживал, чтобы не пустить в ход кинжал.

Но законы гостеприимства, святые для горцев, не позволяли нанести пришельцу какой-либо вред. К тому же Шахман, хотя и изгнанный из Андалала, все же не был кази-кумухцем, законы ханства на него не распространялись.

Однако вопрос этот был спорный, и, чтобы решить его, о Шахмане сообщили Сурхай-хану. Вскоре на базар явились ханские нукеры. Они осмотрели караван, послушали, что говорят люди, по надписям на клинках и прочим приметам им стало ясно, откуда что взялось. Проведя свое небольшое расследование, нукеры вежливо, но настойчиво пригласили Шах-мана следовать за ними.

Шахман сразу понял, куда его ведут, и захватил с собой дары, достойные хана и его семейства.

Во дворе большого ханского дома, который мог считаться дворцом по сравнению с другими домами Кумуха, было суетно. Люди седлали коней, проверяли оружие, чистили доспехи, будто собирались на битву.

Шахману велели подождать, пока хану доложат о его прибытии. Но хан, стоявший у окна на верхнем этаже дома, видел, что происходит во дворе.

Сурхай-хану было за шестьдесят. В бороде его уже блестела седина, но он был по-прежнему крепок и могуч. Беспокойная, полная опасностей и походов жизнь сделала его не только почитаемым всеми ханом, который значительно расширил доставшиеся ему владения, но и славным воином, не раз наводившим ужас на самых сильных врагов. Под стать Сурхай-хану были и два его сына – Муртазали и Мухаммад, которые теперь собирались в дальний поход.

Сурхай-хан слышал, что этот Шах-ман – непростой человек, но видел его впервые. Шахман держался с достоинством, хотя беспокойство было заметно в его глазах, нервно бегавших по сторонам. Поговаривали, что Шахман богат, учен и много путешествовал по

миру. Ходили даже слухи, что он знаком с самим Надир-шахом и, убедившись в его великой силе, хотел объединить горцев под своим началом.

То ли для отпора каджарам, то ли для того, чтобы вступить с ними в союз. Во всяком случае с Шахманом стоило поговорить хотя бы для того, чтобы побольше узнать о кровном враге горцев – Надир-шахе. А Сурхай-хан на себе испытал, чем может обернуться незнание противника, его сил и способов воевать.

Когда около двадцати лет назад против персидского владычества восстали азербайджанцы и жившие за Кавказским хребтом аварцы, лезгины и цахуры, Сурхай-хан пошел к ним на помощь. Вместе с ним поднялись на борьбу лезгинский предводитель Хаджи-Дауд Мюшкюрский и Ахмад-хан – уцмий Кайтага. Повстанцы громили брошенные против них войска, изгоняли персидских ставленников и даже взяли Шемаху – сердцевину богатого Ширвана.

Но затем явился царь Петр I, назвавший Каспий «морем без хозяина» и решивший прибрать к рукам его побережье. Поводом для экспедиции Петр объявил то, что восставшие, а с ними и Сурхай-хан с Хаджи-Даудом разорили русских купцов в Шемахе: «Ввиду отказа Хаджи-Дауда и Сурхай-хана дать удовлетворение мы принуждены против предреченных бунтовщиков и всезлых разбойников войска привести».

Причинять вред русским купцам восставшие не собирались, но они укрыли свои товары в амбарах персидских купцов, а разбираться, чье это добро, никто уже не стал.

Тем временем на обессилевшую Персию и ее владения начали насаждать и турки. Интриги между тремя державами обернулись договорами, по которым большая часть Закавказья перешла к туркам, а побережье Каспия – к России. Чтобы удержать за собой Шемаху, Сурхай-хану пришлось согласиться на покровительство Турции, о чем и гласил специальный фирман султана. Еще через десять лет, когда Надир взял дела в свои руки и потеснил турок, султан подписал новый договор с Персией, по которому Ширван опять переходил к ней. На этот счет султан послал Сурхай-хану повеление оставить Ширван и Шемаху. Но гор-

дый хан ответил, что никто не имеет права приказывать ему, что делать. Когда же прибыли посланники от Надира с требованием очистить Ширван, Сурхай-хан попросту их казнил. В живых он оставил лишь одного, чтобы тот сообщил Надиру об ответе на наглые притязания. Тогда-то взбешенный Надир и бросился на Сурхай-хана.

Привыкший встречать противника лицом к лицу, Сурхай-хан решил дать Надиру решительный бой, заняв позиции в урочище Деве-Батан под Шемахой, которую Надир успел захватить и разрушить. Но коварный кадждар обманул Сурхая. Закованная в латы пехота кызылбашей нанесла сильный удар по передовой линии войск Сурхай-хана, а тяжелая персидская и легкая афганская конница под командованием Кани-хана – вождя афшарского племени Абдалин – ринулась в обход. Это внесло смятение в ряды оборонявшихся. Но Надир не стал бросать конницу на засевших в лесу воинов Сурхай-хана, а предпринял неожиданный маневр – стремительно двинулся в Дагестан, чтобы разорить Кази-Кумухское ханство и захватить его столицу Кумух.

Однако Сурхай сумел опередить Надира, и тому пришлось преодолевать упорное сопротивление на пути в Кумух. Сурхай-хан отходил с боями, нанося шаху значительный урон на каждом рубеже и поднимая народы на борьбу с захватчиком.

Везде, куда вступал Надир, горцы отчаянно бились с его полчищами, самоотверженно пытаясь преградить путь этой смертоносной лавине. Сурхай рассчитывал измотать и обескровить противника, чтобы нанести ему главный удар под Кумухом. Но силы Надира были велики, хорошо обучены и снабжены таким большим количеством пушек, что горцы, не ожидавшие столь внезапного нападения, не сумели остановить врага, а Сурхай-хан не успел достаточно подготовиться к решающему сражению.

Желая навсегда подавить в горах саму мысль о сопротивлении, Надир оставлял после себя пепелища разграбленных сел, башни из отрубленных голов и варварские шах-керманы, когда детей собирали на току и молотили копытами тяжелой конницы.

Сурхай-хан успел разрушить мост через реку перед Кумухом и соорудить несколько рядов укреплений. Но Надир был неукротим. «Где взберется собака, там взберется и конь», – сказал он и заставил конницу Кани-хана, несмотря на потери, идти через ущелье. Вскоре был

восстановлен и мост. Надир не успокоился, пока не опустошил ханство Сурхая, не захватил его имущество и не подверг жестоким наказаниям многих кумухцев. Не смог он заполучить только самого хана, который ушел с семьей и небольшим отрядом в соседний Андалал, в Аварию.

Опасаясь подвергнуться той же участи и не имея сил для серьезного отпора, главы некоторых соседних обществ явились к Надиру с изъявлением покорности. Сердца их пылали гневом и жаждой мести свирепым пришельцам, но положение было безвыходным, и они сочли за лучшее сделать вид, что покорились, чтобы сохранить силы для будущей борьбы.

Сюда же явился и Хасбулат – сын бывшего Тарковского шамхала Адиль-Гирея. Когда царь Петр совершал Персидский поход, Адиль-Гирей в надежде обрести сильного союзника принял Петра с почетом, подарил ему трех персидских скакунов в дорогом убранстве, полторы сотни быков для пропитания войска и еще шестьсот – для перевозки тяжестей, прибывших морем. За что и сам был осыпан почестями. Но после того, как Петр учинил земельный передел, жалую покорившихся и наказывая непокорных владетелей, ущемленный в своих правах Адиль-Гирей со своими воинами напал на построенную Петром крепость Святого Креста, угрожал прочим опорным пунктам и перекрывал дороги. В ответ генерал-майор Кропотов двинул войско на шамхала и разорил несколько его аулов. После чего Кропотову были присланы новые подкрепления, чтобы захватить или убить бунтовщика Адиль-Гирея. Когда это не удалось – шамхал дрался храбро, генерал-лейтенант Матюшкин вернулся из завоеванных провинций Персии и велел полковнику Еропкину разорить Тарки – столицу шамхала.

Дело кончилось тем, что кабардинский князь Эльмурза Бекович-Черкасский уговорил Адиль-Гирея явиться с повинной, обещая, что его особа будет в безопасности. У шамхала уже не оставалось средств к сопротивлению. Он поверил князю и явился в русский лагерь. Но вместо прощения его арестовали и сослали в Архангельск, где он и умер. Владения Адиль-Гирея были переданы в русское управление.

Теперь же, когда земли вдоль Каспия отошли к Персии, Хасбулат предъявил свои претензии на отцовский престол. Обретя такого важного союзника, Надир тут же назначил его шамхалом и щедро одарил.

Пробыв неделю в Кумухе, Надир понял, что его значительно ослабленное в боях войско уже не в силах продолжать наступление и вести новые тяжелые бои, неминуемо ожидавших его в Аварии. И он решил вернуться обратно. Надир пошел по другой дороге. И здесь повторились все ужасы, которыми сопровождалось его появление в Дагестане. Путь ему преградили отважные жители Самурской долины. Ахтынцы разрушили мост через реку и засели в своей крепости Шахбани, решив драться до конца. Они отбили несколько штурмов, Надир не смог взять крепость, пока не погиб последний ее защитник. Соседи ахтынцев тоже бились насмерть, но не смогли остановить армию Надира, несшуюся по долине, как огненный смерч.

Сурхай знал: многие его осуждают, считая, что своим упорством хан навлек на народ ужасные бедствия. Но знал он и то, что Надир все равно двинулся бы на непокорных горцев, считая их подданными Персии и желая утвердить над ними свою власть. Сурхай не мог поступить иначе, чтобы не потерять лицо. Он принял на себя главный удар войска Надира-шаха, и за это его уважали. Да и кто бы добровольно согласился впрячься в шахское ярмо? Одна лишь угроза этого поднимала народы на борьбу. Даже рабы просили дать им оружие, чтобы драться с ненавистными каджарами.

Стремление людей к независимости было неистребимо. Не успел Надир вернуться в Персию, как повсюду снова начались восстания. На ставленников шаха обрушились народный гнев и острые кинжалы. Худатская крепость с персидским гарнизоном в Кубинском

вилайте была окружена местными жителями и прибывшими к ним на помощь из Дагестана ахтынцами и кюринцами. И крепость бы неминуемо пала, не явись на выручку осажденным шахский правитель Дербента и Тарковский шамхал Хасбулат – единственный союзник Надира в Дагестане.

Напомнили о себе и турки. Блистательная Порта отправила своего вассала – Крымского хана Каплан-Гирея с большим отрядом на помощь дагестанцам и для взятия Ширвана.

Каплан-Гирей двинулся через Кавказ, пробираясь, а чаще – пробиваясь через ущелья и леса, потому что черкесы не желали его пропускать через свои земли. Чеченцы и вовсе разбили один из крымских отрядов, а в честь победы соорудили башню, назвав ее Ханкала, и перегородили ущелье глубоким рвом на будущее.

Добравшись до Дербента, Крымский хан узнал, что старания его были напрасны. К тому времени Персия заключила с Турцией новый договор, по которому Ширван оставался за Персией. Но перед тем как уйти обратно, Каплан-Гирей успел огласить бывшие при нем фирманы турецкого султана, из которых следовало, что Сурхай-хан снова объявляется правителем Ширвана, Дербент отдается во власть Кайтагского уцмия Ахмад-хана, а Тарковским шамхалом вместо Хасбулата назначается его двоюродный брат Эльдар. На положение дел это уже не влияло, и только Эльдар предпринимал усилия, чтобы утвердиться на шамхальском престоле.

Эти запоздалые повеления султана вызывали у Сурхай-хана только горькую усмешку. Он давно понял, что владыки больших держав беспокоятся лишь о собственных интересах, пытаясь использовать и его, подстрекая и суля великие блага, посылая фирманы, а затем аннулируя собственные повеления. Полагаться можно лишь на свои силы и на общую для

всех дагестанцев волю к независимости, за которую каждый был готов сражаться до конца. Каплан-Гирей был еще в Дагестане, когда до Сурхай-хана дошли вести, что в ответ на визит крымцев разъяренный Надир, несмотря на приближение зимы, снова собирается в поход на Дагестан. Каплан-Гирей не стал его дожидаться и отбыл к себе в Крым, оставив Ахмад-хану несколько орудий.

Новое нашествие кровожадного шаха Надира не заставило себя ждать. Орды каджаров учиняли жестокие погромы повсюду, куда могли дотянуться – от Самурской долины и Табасарана до даргинских и кумыкских сел. Один из его отрядов добрался даже до заоблачного аула Куруш.

К Сурхай-хану и уцмию Кайтага Ахмад-хану стекались все новые повстанцы, и даже Эльдар, считавший себя новым Тарковским шамхалом, двинулся к ним на помощь с дружиной своих сторонников.

Тем временем огромные полчища Надира разбили в Кайтаге Ахмад-хана, а когда остатки его отрядов отступили в крепость Калакорейш, Надир устремился в горы, на Сурхай-хана. На стороне Надира выступил и Хасбулат, обеспокоенный судьбой престола Тарковских шамхалов. Но в Губдене его окружили повстанцы и воины Эльдара, и Надир поспешил спасать своего союзника. Эльдар увел свой отряд, который, если бы напал на войска Надира, был обречен на гибель. Эльдар решил сохранить хотя бы часть своих людей, чтобы помочь Сурхай-хану.

Наученный горьким опытом, Сурхай-хан не стал дожидаться Надира в Кумухе, а занял выгодные позиции неподалеку от своей столицы. Он расположил свои отряды на труднодоступных вершинах в местности Дусрах, перекрыл подступы завалами и возвел несколько укреплений. Однако хитроумный Надир, располагая все еще огромным войском, сумел окружить Сурхая и начал штурм сразу с нескольких сторон.

Первой в битву вступила кавалерия Кани-хана, а за ней, волна за волной, накатывались новые большие отряды. Сурхай-хан и его воины сражались героически, на подступах к позициям горцев вырастали горы вражеских трупов, но и силы горцев постепенно иссякли. Каджары уже взяли несколько высот, когда подросла дружина Эльдара. Но его воинов ждала ловушка, вернее, сами они приняли кызылбашей на ближних высотах за воинов Сурхай-хана и горько поплатились за свою неосторожность. Спаситься от перекрестного огня удалось немногим.

Надир жаждал заполучить поверженного Сурхая, но гордый хан не позволил ему восторжествовать над собой. Даже потеряв большинство своих воинов, Сурхай сумел прорвать окружение и уйти в Аварию.

Озлобленный неудачей, Надир собирался вновь разрушить Кази-Кумух, едва оправившись после первого нашествия, но оттуда явились депутаты. Старики заявили, что Сурхая в Кумухе нет, и просили не трогать их и без того пострадавшее село. Надир, поразмыслив, уважил просьбу аксакалов. Но не потому, что решил сменить гнев на милость, а понимая, что его войско обескровлено битвами и не в силах преследовать Сурхая. А в недавно разоренном им Кумухе вряд ли было чем поживиться. К тому же наступили холода, пора было возвращаться в теплые места.

На обратном пути Надир, раздосадованный неудачей, обрушился на Акушинское общество. Разбив выступивший против него отряд Акушинского кадия, уничтожив и разграбив села, казнив тысячи людей и взяв множество в плен, он вынудил кадия явиться с повинной. В обмен на обещание кадия не поднимать против него оружие Надир согласился освободить пленных, ограничившись взятием аманатов – заложников.

Так он поступил и с табасаранцами, которые вновь стали его жертвой. Разбив ополчение и пройдя по селам огнем и мечом, он взял заложников из значимых семейств и отправил

их в Дербент под арест. Наконец, осыпав милостями своих союзников, Надир вернулся в Персию.

Неслыханными зверствами, взятием заложников и щедрыми подарками Надир надеялся привести дагестанцев в повиновение и обезопасить себя от новых восстаний. Однако ничто не могло сделать горцев послушными воле завоевателя. Борьба их ширилась и становилась все более ожесточенной.

Вот и теперь, когда верные люди в Ширване сообщали Сурхай-хану о намерениях брата Надир-шаха, сыновья Сурхая собирались в новый поход, желая поддержать восставших и отомстить каджарам за нанесенные обиды. Так что появление в Кумухе Шах-мана, который, похоже, немало знал не только о Надир-шахе, но и о его брате Ибрагим-хане, могло обернуться некоторой пользой. «Со старшими тебя по летам обращайся, как с отцом, с равным тебе – как с братом, с младшими – как с сыном», – наставляла Сурхая мать, когда он стал ханом. И он решил последовать ее совету.

Дав Шахману немного поволноваться в неизвестности, Сурхай-хан принял его с почтением.

– Благодарю всевышнего, что такой уважаемый человек почтил меня своим посещением, – сказал хан, пожимая Шахману руку.

– Да будет непоколебимо твое ханство, – ответил Шахман. – Да продлит всевышний твои годы, великий Сурхай.

Успокоенный ласковым приемом, Шахман первым делом преподнес хану отменную саблю. Тот взял ее, вынул наполовину клинок из ножен, прочел на нем надпись и молча передал саблю слуге.

Беседа их продолжилась за обильным угощением. Шахмана принимали, как почетного гостя, а он, в свою очередь, старался придать больше значимости своей персоне.

Иногда их беседу прерывал старший сын Сурхая Муртазали, который о чем-то негромко советовался с отцом и косо поглядывал на Шахмана.

В такие минуты Шахман не знал, куда себя деть, а взгляд его притягивала левая рука Сурхай-хана, вернее, то, что от нее осталось и было теперь скрыто в рукаве черкески. Говорили, что в молодости Сурхаю пришлось сразиться сразу с семерыми двоюродными братьями. Те претендовали на подати с аула Ашты, владельцем которого считал себя Сурхай. Между ними произошла стычка. Сурхай победил. Он убил нескольких родичей и ранил других, но и сам пострадал, лишившись кисти. С тех пор левая рука ему не служила, потому его и прозвали Чолак Сурхай – Безрукий Сурхай. Однако и одной рукой Сурхай сделал столько, что не всякий сделает двумя.

– Я слышал, ты много путешествуешь? – спросил Сурхай-хан.

– Узнавая мир, мы лучше узнаем и себя, – уклончиво отвечал Шахман.

– Слова мудреца, – кивал Сурхай-хан. – Так поведай же мне, отчего в Дагестане нет покоя от каджаров?

– Оттого, что у нас каждый думает о себе, – ответил Шахман.

– Ты прав, – согласился Сурхай-хан. – Так уж у нас повелось, что каждый живет своим законом.

– Легко запрудить ручеек, пока он не слился с другими, – продолжал Шахман. – Но кто может остановить большую реку?

– Реки – это реки, – покачал головой Сурхай-хан. – А люди – это люди.

Шахман почувствовал, что разговоры о единстве во имя благих целей и тут не принесут желанных плодов. Во всяком случае не с ханом вести речь о том, как собрать горцев под одно управление и сделаться самому равным хану. Не зря в горах говорили: «Впереди хана и позади осла не ходи». А после того, что случилось в Согратле, Шахман решил больше не предаваться пустым мечтаниям и задался новой целью.

– А что наш враг Надир? – осторожно спросил Сурхай-хан. – Не насытился ли еще невинной кровью?

– Такие владыки живут по другим законам, – ответил Шахман. – Что ему Дагестан – ему весь мир подавай. Он теперь за Индию принялся. А Кавказ он оставил своему брату – Ибрагим-хану.

– Я это слышал, – сказал Сурхай-хан.

– Расскажи лучше, много ли у наместника войска?

– Ему подчинены все войска в Азербайджане, Грузии и Армении, – перечислял Шахман. – И все, которые стоят в Дербенте, и те, которые...

– А пушки? – торопил Сурхай-хан, желая побольше узнать о противнике.

– Их у него тысячи, – говорил Шахман. – И с чугунными ядрами, и со свинцовыми, и с мраморными.

– А каковы его военачальники?

Сурхай спрашивал о вооружении, доспехах, новшествах – обо всем, что нужно было знать перед битвой с регулярными войсками.

Шахман и здесь имел сведения, хотя и несколько преувеличивал мощь войск наместника.

Заканчивая свой длинный рассказ, из которого следовало, что силы наместника бесчисленны, Шахман заключил:

– Горе тому, кто посмеет выступить против Ибрагим-хана.

– Никакой он не хан! – вспыхнул Сурхай. – Такой же самозванец, как и его разбойник – брат, именующий себя шахом! Чернь, укравшая трон!

Шахман видел, что Сурхай горит жаждой мести, но полагал, что месть эта может обернуться для Сурхая гибелью.

– Не гневайся на меня, великий хан, – сказал Шахман, приложив руку к сердцу. – Но я скажу, что думаю...

– Продолжай, – кивнул Сурхай, едва сдерживая негодование.

– Надир принес нам много бедствий, – начал Шахман. – И каждый горец мечтает разделаться с ним, как он того заслуживает. Но то, что я видел и что знаю, заставляет меня предупредить тебя.

– Предупредить? – переспросил Сурхай-хан.

– Мне не хотелось этого говорить, но, если горцы опять станут воевать с Надир-шахом, он непременно нас разобьет и превратит Дагестан в пустыню.

– Этого никогда не будет! – твердо сказал Сурхай-хан.

– Затем переселит сюда кадjarов, – продолжал Шахман. – А уцелевших горцев отправит в Персию, пока они не исчезнут там среди других племен.

– И что же ты решил мне посоветовать? – гневно спросил Сурхай. – Покориться Надиру?

– Обмануть его, – сказал Шахман. – Сделать вид, что мы согласны быть его союзниками.

– Союзниками? – не верил услышанному Сурхай-хан.

– Временно, – объяснял Шахман.

– Похоже, андалалцы тебя тоже не поняли, – ответил Сурхай-хан, намекая на недавние события в Согратле. – Когда они согласятся на такой союз, то и я, может быть, подумаю.

Раз уж никто не собирался признавать его вождем, прикидывал Шахман, то оставалось надеяться, что Сурхай-хан согласится собрать всех под свои знамена и склонить влиятельных людей на союз с шахом, каким бы противоестественным он ни казался. А Шахмана делают посредником между горцами и Надиром. А там уж он сумеет получить от шаха рагам

с его подписью и печатью, который возвысит его над остальными. И андалалцы еще будут умолять о прощении за нанесенное ему оскорбление.

– Главное, чтобы шах оставил нас в покое, – продолжал уговаривать хана Шахман. – А когда он будет разгромлен великими державами, все станет на свои места, и ты вернешь себе Шемаху.

– Шемаху я верну своей саблей, – жестко ответил хан и сделал слуге знак, чтобы тот вернул Шахману принесенный им подарок. – Но не этой, на которой написано, что ее сделали персидские мастера. У меня таких сабель много, но я добыл их в битвах с каджарами. Так что верни ее тому, у кого взял. А здесь ей не место.

– Прости, если я тебя разгневал, – удрученно отвечал Шахман. – Я хотел лишь, чтобы ты обрел новую славу, а не думал, как защитить свой народ от врага, который разбил даже турецкого султана. Даже афганцев, которые считались непобедимыми воинами...

– Посмотрим, кто кого победит, – спокойно ответил Сурхай-хан. – А сначала мы узнаем, на что годится брат Надира Ибрагим, называющий себя ханом. Сегодня мой сын с нашими лучшими воинами выступает в Джар на помощь восставшим.

«Когда-то он лишился руки, – подумал Шахман. – А теперь может лишиться всего, если не перестанет злить Надир-шаха».

– А тебе советую покинуть Кумух, – продолжал Сурхай-хан, заканчивая неприятный разговор. – Тебя следовало бы казнить, так как андалалцы от тебя отказались. Но я тебя прощаю в благодарность за полезные сведения... Уходи, пока не поздно. Я тебя не трону, но за людей поручиться не могу – слишком они пострадали от нашествия твоих друзей.

– Они мне не друзья, – пытался возразить Шахман.

– Как и я, – сказал Сурхай-хан, отворачиваясь от Шахмана.

К вечеру Шахман со своим караваном отбыл из Кумуха. Решив нигде больше не задерживаться, он направился в Дербент.

Глава 8

На хуторе Наказух поднимались стены нового дома. Чупалав трудился не покладая рук, обтесывая камни и укладывая один ряд за другим. Дело спорилось.

Дети, которых Чупалав приучал к делу, старались ему помогать. Пир, что постарше, подавал отцу камни, Мухаммад месил в яме известь, добавляя в нее конский волос, чтобы камни крепче держались друг за друга, а Сагит, самый младший, таскал эту смесь в кожаном ведре, едва поспевая за отцом.

– Не накладывай так много, – советовал сыну Чупалав. – Надорвешься.

– Я сильный! – упрямылся Сагит. – Я вчера двух ребят поборол!

По-прежнему красивая Аминат носила из родника воду, помогая строителям. Но уже пора было готовить еду, и она принялась разжигать в очаге огонь.

Помолившись вместе с сыновьями и пообедав, Чупалав ходил вокруг стен, присматриваясь, ровно ли они поднимаются, и прикидывая, когда можно будет перекрыть их бревнами. Работы оставалось на несколько дней, но, чтобы поднять наверх бревна, требовался сильный помощник. Он мог бы справиться с этим и сам, но не хотел, чтобы дети видели, как он мучается с длинными тяжелыми бревнами. Сыновья считали его таким богатырем, что не удивились бы, взлети бревна наверх от одного его прикосновения.

Пока он размышлял, кого бы позвать на подмогу, из Согратля приехал Муса-Гаджи.

Муса-Гаджи было около двадцати пяти лет. Он был высок и худощав, доброе лицо украшала рыжеватая борода, не по годам пронизательные глаза выдавали в нем человека умного и решительного. Он был мастер на разные выдумки, и на самые трудные, рискованные дела всегда звали Мусу-Гаджи. Знали: где не хватит силы, там выручит его смекалка. Муса-Гаджи был единственным сыном в семье. Ему с детства приходилось много трудиться, помогая отцу. Когда тот погиб в военном походе, забота о матери и доме легла на его плечи. Жизнь многому его научила, сделала сильным и умным. Даже парни постарше предпочитали его не задирать, потому что Муса-Гаджи всегда находил способ одолеть соперника.

Когда его впервые взяли в поход, его конь чуть не сорвался в пропасть на скользкой тропинке, но Муса-Гаджи ухватил его за хвост и помог выбраться. Самым же известным его подвигом была победа над тремя грабителями. Тогда Муса-Гаджи шел в Дербент продавать серпы, выкованные отцом. Невдалеке от города на него неожиданно напали каджары, которые захватывали и продавали в рабство юношей. Муса-Гаджи не растерялся. Сначала он прыгнул в протекавшую мимо речку и скрылся в лесу, а когда его снова настигли, он уже был готов к схватке. Связав серпы гроздьями в виде якоря и привязав к ним веревку, он метал это орудие в того, кто оказывался поблизости, выдергивал из седла разбойника и прикончил кинжалом одного за другим. Домой он вернулся, не распродав серпы, зато с тремя отличными скакунами и мешком оружия.

– Сам Аллах мне тебя послал, – обрадовался Чупалав, тепло приветствуя друга.

– Я тоже подумал, что помощник тебе не помешает, – ответил Муса-Гаджи, отдавая уздечку Сагиту.

– Напоите коня и хорошенько накормите, – велел Чупалав сыновьям.

– А потом можно покататься? – спросил Сагит, с восторгом разглядывая красивого скакуна.

– На то вы и джигиты, – кивнул Муса-Гаджи.

– С приездом! – улыбнулась Аминат, поднося ему чашу с водой.

– Здравствуй, сестра! – улыбнулся в ответ Муса-Гаджи.

Сестрой он звал ее не только потому, что был близок этой семье. Когда они с Чупалавом умыкали Аминат, он вынужден был к ней прикасаться, а чтобы это не было сочтено бестактностью, сначала сказал ей: «Будь мне сестрой перед Аллахом, а я буду тебе братом».

Муса-Гаджи похвалил крепкие стены, заметил бревна, лежавшие наготове, и сказал, что приехал в самое время.

– Рано еще бревна класть, – покачал головой Чупалав.

– Если мы сегодня закончим последнюю стену, завтра можно и перекрыть, – предложил Муса-Гаджи.

– Зачем так спешить? – удивился Чупалав. – Что люди скажут? Не успел гость приехать, а его уже работать заставляют.

– Что это с тобой? – усмехнулся Муса-Гаджи, снимая черкеску и закатывая рукава рубахи. – Если бы мы боялись того, что скажут люди, тебе бы не для кого было строить дом.

– Хотя бы отдохни с дороги, – уговаривал Чупалав. – Расскажи, как там, дома?

– Расскажу, – пообещал Муса-Гаджи, поднимая большой камень и ставя его на подходящее место. – Работы тут хватает, так что успею рассказать, что было и чего не было.

Работа пошла быстрее, и теперь им помогала Аминат.

– Позови лучше детей, – сказал жене Чупалав. – Каждый должен заниматься своим делом.

– Пусть покатаются, – улыбался Муса-Гаджи. – Я ведь помню, как ты первый раз дал мне прокатиться на своем коне. Я чувствовал себя таким героем!

– Я сама справлюсь, – поддержала Мусу-Гаджи Аминат. – Им тут и поиграть толком не с кем.

Муса-Гаджи рассказал Чупалаву, что родители его живы и здоровы, в ауле все спокойно. Ничего плохого не случилось, кроме того, что приезжал Шахман с удивительными товарами и расписывал, как хорошо будет горцам, если они примут сторону Надир-шаха.

– Этого мерзавца? – возмутился Чупалав, хорошо знавший, что собой представляет владыка Персии, и хорошо помнивший, что творили его вояки.

– Разговоры Шахмана людям не понравились, – продолжал Муса-Гаджи.

– А Шахман – что? – спросил Чупалав.

– Его дела теперь плохи, – сообщил Муса-Гаджи. – Его изгнали из Андалалского общества.

– И куда же он делся?

– Не знаю, – ответил Муса-Гаджи, начиная новый ряд. – Может, к шаху подался.

– Надо было вообще убить предателя, – с тревогой в голосе сказал Чупалав, начав обтесывать новый камень. – Народ должен быть как стена: чтобы ни одного камня нельзя было вынуть. Иначе все может рухнуть.

Они трудились до позднего вечера и устали так, что даже хинкал, приготовленный Аминат, валился у них из рук.

Муса-Гаджи принялся за дело на рассвете, пока Чупалав еще спал. Проснувшись и обнаружив Мусу-Гаджи почти заканчивающим стену, Чупалав был смущен и озадачен:

– Что с тобой? – спросил он. – Куда ты так торопишься?

– Никуда, – ответил Муса-Гаджи, хотя было заметно, что он что-то недоговаривает.

– Меня не проведешь, – улыбнулся Чупалав. – Говори, в чем дело?

– Бревна положим – потом скажу, – загадочно произнес Муса-Гаджи.

– Ну, как знаешь, – сказал Чупалав и тоже взялся за дело.

К вечеру бревна стояли на месте.

За ужином Муса-Гаджи по-прежнему загадочно улыбался, а Чупалав ждал, когда же друг, наконец, откроет ему причину своего приезда.

– Ну давай, выкладывай, – не выдержал Чупалав.

- Но Муса-Гаджи все тянул, не решаясь начать, пока Аминат не прыснула со смех у.
- Что тут непонятного? Жениться он хочет!
 - А ты откуда знаешь? – удивился Чупалав, поглядывая то на жену, то на друга.
 - По глазам вижу.
 - Правда? – подступал к другу Чупалав. – На ком?
 - Ну, есть одна девушка, – признался Муса-Гаджи, густо покраснев.
 - Это ты правильно решил, – одобрил Чупалав. – Только смотри, чтобы родители были согласны, а то...
 - А то стану твоим соседом? – улыбнулся Муса-Гаджи. – Я не против.
 - Так согласны или нет? – допытывался Чупалав.
 - Вроде согласны, – сказал Муса-Гаджи. – Вот я и хотел тебя попросить, чтобы...
 - Да говори толком, – подбадривал его Чупалав. – В чем дело? Не красть же ее, если и родители согласны?
 - Чупалав, будь моим сватом, – выпалил Муса-Гаджи.
 - Сватом? – растерялся Чупалав. – Никогда сватом не был, но если нужно...
 - Очень нужно. Лучшего свата мне не найти, – убеждал Муса-Гаджи.
 - Только... – замялся Чупалав. – Ты же знаешь, я не могу ехать в Согратль. Отец меня еще не простил. Некрасиво будет...
 - Туда ехать не надо, – успокоил его Муса-Гаджи.
 - Куда же тогда?
 - В Джар! – выпалил Муса-Гаджи.
 - В Джар? – почесал затылок Чупалав.
 - У тебя в селе что, невест не осталось? – удивилась Аминат. – Что один, что другой – по чужим селам жен ищут.
 - Так уж нам Аллах определил, – оправдывался Муса-Гаджи. – Хотя она, невеста моя, тоже почти согратлинка.
 - Чья же она дочь? – спросил Чупалав.
 - Мухаммада-Гази, – ответил Муса-Гаджи. – Оружейника.
 - Наш человек, – кивнул Чупалав. – И мастер хороший. То-то, помню, ты на нее поглядывал.
 - Она красивая? – любопытствовала Аминат.
 - Ну, в общем... – замялся Муса-Гаджи. – Почти как ты.
 - Красивая, красивая, – подтвердил Чупалав. – У них в роду все красивые.
 - Так ты поедешь со мной? – спросил Муса-Гаджи.

- А когда надо? – размышлял Чупалав.
- Чем скорее, тем лучше, – сказал Муса-Гаджи. – Говорят, там спокойно.
- А как же дом? – напомнила Аминат.
- Вернемся – я помогу достроить, – пообещал Муса-Гаджи.
- Никуда твоя невеста не денется от такого джигита, – уверяла Аминат. – Вот достроим дом, и поедете.
- Мы быстро! – убеждал Муса-Гаджи. – Туда и обратно. За неделю обернемся.
- За неделю? – усомнился Чупалав.
- А если дожди пойдут, а дом без крыши? – волновалась Аминат.
- Успеем! – обещал Муса-Гаджи. – И крышу накроем, и ворота поставим.
- Ну, если надо... – пожал плечами Чупалав.

Он бы поехал и так, несмотря ни на что, как, не задумываясь, бросился ему помочь Муса-Гаджи, когда Чупалав задумал украсть невесту. Если не выручать друзей, зачем тогда жить на свете? Да и дело-то было молодецкое, веселое.

На следующий день они собрались в дорогу. Чупалав надел лучшую черкеску и красивое оружие. Его кинжал был сделан еще Мухаммадом-Гази, и это должно было понравиться будущему тестю Мусы-Гаджи. Захватили они с собой и бурки – на высоких перевалах по пути в Джар всегда лежал снег.

Аминат положила в хурджины еды на неделю – толокно, которое не нужно было варить, сыр, мед из своих ульев, сушеные яблоки и курагу, хлеб и еще горячие лепешки.

Чупалав обнял сыновей, крепко пожал руку Пиру, который оставался в семье за старшего мужчину, кивнул жене и вскочил на своего сильного коня.

– Да сохранит вас Аллах в благополучии, – сказал Чупалав на прощание.

– Счастливой дороги! – ответила Аминат, смахивая подступившие слезы. – Да сбудутся ваши желания.

Дети провожали отца и Мусу-Гаджи до окраины хутора, а Аминат по обыкучшине – горцы верили, что это оберегает путников от несчастий.

Глава 9

Они поднимались к перевалу. Горы вокруг цвели осенним золотом, теплое еще солнце мягко освещало дорогу, а сады вдоль реки пестрели поздними яблоками.

Муса-Гаджи взволнованно расписывал добрый нрав своей невесты, достоинства ее отца и чудесную жизнь, которая, он не сомневался, ждала его после женитьбы на джарской красавице.

Затем они весело вспоминали, как увозили из Чоха Аминат, как опасались, что у них ничего не выйдет, и как потом удивлялись, что все получилось.

На этот раз все было куда проще – нужно было лишь добраться до Джара, а уж Мухаммад-Гази им не откажет. Муса-Гаджи был известный джигит, на которого давно уже заглядывались девушки, такие женихи на дороге не валяются.

На перевале перед друзьями неожиданно предстала мрачная картина. Навстречу двигалось несколько запряженных быками повозок, на которых сидели убитые горем женщины с грудными детьми на руках. Рядом шли дети постарше. Несколько стариков сопровождало процессию на лошадях. Было видно, что люди безмерно устали. Еще на одной арбе везли раненых.

Чупалав с Мусой-Гаджи пришпорили коней и помчались к людям.

– Что случилось? – с тревогой спрашивал Чупалав. – Откуда вы?

Люди молчали, отводя глаза.

– Да это же... – начал догадываться Муса-Гаджи, кружа на коне вокруг повозок. – Мухаммад-Гази!

Муса-Гаджи спрыгнул с коня и бросился к арбе с ранеными. Мухаммад-Гази лежал на окровавленной бурке с закрытыми глазами. На его бритой голове алел большой шрам.

- Что с ним? – оглядывался на людей Муса-Гаджи. – Он жив?
- Пока жив, – ответил убеленный сединами старик. – Голова цела, но ему в плечо попала стрела.
- Кто это сделал? – спросил Чупалав, осматривая плечо раненого.
- Каджары, – отвечали люди.
- Брат Надир-шаха.
- Все было тихо, пока этот убийца не бросил на нас огромное войско.
- Их стрелы летели, как тучи...
- Муса-Гаджи склонился к раненому и прошептал ему на ухо:
- Мухаммад-Гази, ты слышишь меня?
- Горец с трудом открыл глаза.
- Это я – Муса-Гаджи! – уже громче сказал Муса-Гаджи. – Узнаешь меня?
- Муса-Гаджи... – едва слышно произнес Мухаммад-Гази.
- Мы тебя вылечим, – торопливо говорил растерянный Муса-Гаджи. – Все будет хорошо. А где Фируза?
- Фируза... – с болью в голосе произнес Мухаммад-Гази и закрыл глаза, наполнившись влагой.
- Где она? – оглядывался на окруживших их людей Муса-Гаджи. – Где его дочь?
- Люди молчали, не решаясь сказать страшную правду.
- Что с ней случилось? – настойчиво спрашивал Чупалав. – Почему она не с вами?
- Мы не знаем, – покачал головой старик.
- С нашими дочерьми случилось то, что хуже смерти, – произнесла старушка, утирая слезы концом старого платка.

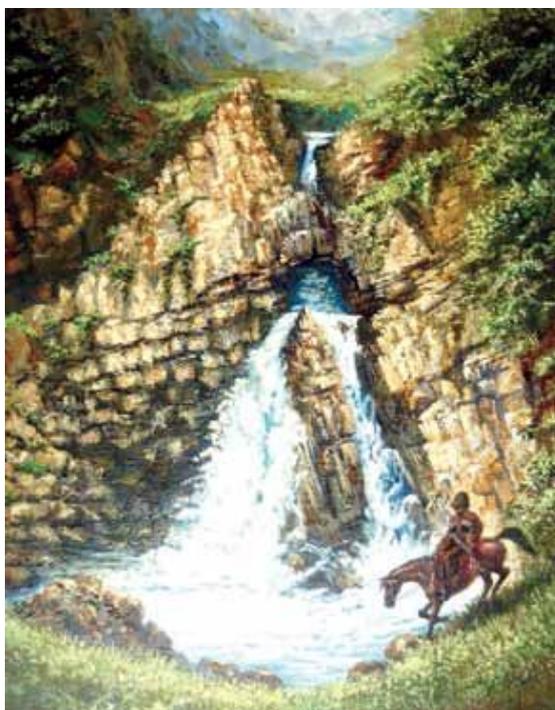
Остальные женщины начали плакать и причитать, моля всевышнего спасти их дочерей и призывая проклятия на голову Ибрагим-хана.

– Они напали ночью, – рассказывал старик. – Окружили несколько хуторов, которые были далеко от Джара, убивали людей, грабили дома и сжигали все, что могло гореть. А что не горело – разрушали.

Другие дополняли его рассказ еще более ужасными подробностями, и постепенно обретала свои страшные очертания беда, случившаяся в приграничных селах Джаро-Белоканского союза.

Ибрагим-хан, решив истребить вольнолюбивых джарцев, бросил на них свои передовые отряды. Сумев захватить ближайšie к нему хутора джарцев, Ибрагим-хан двинулся дальше, но у первого же села встретил дружный отпор местных ополченцев. Здесь жил и Мухаммад-Гази со своей семьей. Отправив женщин и детей дальше, в глубь Джара, чтобы оттуда они смогли уйти через хребет в Дагестан, мужчины встали на пути надвигавшихся полчищ. Они надеялись продержаться, пока не подоспеют основные силы джарцев. Но горцам все же пришлось оставить аул, который Ибрагим-хан подверг артиллерийскому обстрелу, а затем стал окружать.

Раненого Мухаммада-Гази вынесли из разрушенного села на руках. Семья Мухаммада-Гази была уже в безопасности, когда жена его вдруг сердцем почувствовала, что с ее мужем что-то случилось. Ночью, не сказав никому ни слова, она ушла назад, в село, чтобы спасти своего мужа или погибнуть рядом с ним. На рассвете, не найдя мать, Фируза все поняла и бросилась следом. Пастух, сумевший спрятать отару в пещере, а потом пригнать в Джар, рассказал, что нашел тело искромсанной саблями жены Мухаммада-Гази и похоронил ее под большим деревом. Но что случилось с его дочерью Фирузой, пастух не знал.

Поняв, с какими большими силами им предстоит иметь дело, джарцы начали готовиться к тяжелым боям. На дорогах возводились завалы и разрушались мосты, аулы превращались в крепости, подходы к ним обильно поливали нефтью, чтобы поджечь ее перед наступающими войсками. Повсюду заготавливали порох, пули и стрелы. Кузнецы, среди которых было немало учеников Мухаммада-Гази, ковали панцири и щиты, делали кольчуги.

К соседям были посланы гонцы с письмами. Джарцы звали их на помощь, чтобы остановить кызылбашей и спасти Дагестан от нашествия обезумевшего брата Надир-шаха.

Ибрагим-хан бросил на джарцев еще несколько отрядов, но горцы не дрогнули, и повсюду разгорелись бои. Все, кто мог держать оружие, решили погибнуть, но не отступить. Они заняли крепкие позиции и наносили каджарам ощутимые удары, сопровождая оборону смелыми вылазками. Семьи отправили в Дагестан, но не всем удалось уйти. Каджаров было так много, что они смогли перекрыть некоторые дороги и убивали почти всех, кто попадал им в руки. В живых оставляли лишь девушек. Их можно было продать, если не успели обесчестить.

– Я разорву этих грязных псов на куски! – в отчаянии грозился Муса-Гаджи, вскочив на коня и собираясь ринуться туда, откуда пришли люди.

– Муса-Гаджи, – сказал Мухаммад-Гази, не открывая глаз. – Никто не знает, что случилось с моей дочерью. Я отправил ее с матерью в Дагестан, в Андалал... Но они почему-то вернулись... Моя добрая, заботливая жена... А дочь... Фируза... Никто не знает... Может, она спаслась? Она могла за себя постоять, ведь она владела кинжалом и умела стрелять из лука...

– В Согратль Фируза не приходила, – сказал Муса-Гаджи.

– Не приходила... – еле слышно повторил Мухаммад-Гази.

– Я найду ее, отец! – обещал Муса-Гаджи, преодолевая отчаяние. – И этого паршивого хана найду! Он будет проклинать тот день, когда посмел сунуться в Джар!

– погоди, – удерживал его Чупалав. – Я пойду с тобой. Но прежде надо помочь этим людям.

– Мы прошли такой путь, что теперь уже и сами доберемся, – сказал старик, везший на арбе Мухаммада-Гази. – А вы лучше... Нет, лучше не ходите туда, дети мои... Там вас ждет только смерть.

Чупалав развязал хурджины и отдал людям еду. Изголодавшиеся дети тут же потянулись к ней ручонками, но матери ничего им не дали, пока не разделили поровну половину припасов. Другая половина досталась взрослым. Они брали ее понемногу, чтобы оставить еще детям. Раздав все, что у них было, Чупалав сказал старику:

– Тут уже недалеко. Вам помогут. А мы, клянусь Аллахом, отомстим Ибрагим-хану за все!

Чупалав вскочил на коня и поскакал вслед за Мусой-Гаджи, который уже несся туда, где исчезла его любимая Фируза.

– Постой! – кричал Чупалав. – Подожди меня!

Но Муса-Гаджи, охваченный горем и жадной мести, ничего не слышал. Его уже было не остановить. Чупалав стегнул своего коня и пустил галопом.

– Да сохранит вас Аллах, – прошептал старик.

Проводив джигитов опустевшими от горя глазами, люди двинулись дальше. Миновав перевал, они увидели мирную долину Андалала и приютившиеся на горных склонах аулы. Им не верилось, что в Дагестане остались места, куда не дотянулись кровавые когти каджаров и где люди могут жить свободно, ничего не боясь, как эти орлы, парящие в солнечном поднебесье.

Глава 10

Когда беженцы прибыли в Согратль, их окружили взволнованные люди. Проклиная шаха и его брата, согратлинцы разобрали прибывших по домам, окружив их теплом и заботой.

За раненых принялись сельские лекари. Раны Мухаммада-Гази были опасными и запущенными, и лекари удивлялись, что Мухаммад-Гази еще жив. Но у них нашлись средства, которые лечили и не такие раны.

Узнав, что произошло в Джаре, встревоженный Пир-Мухаммад послал гонцов во все аулы Андалала, чтобы собрать их кадиев на совет.

Кадии прибыли не мешкая. Многие уже знали о том, что случилось. В их села тоже приходили из Джара люди, у которых были здесь родственники или кунаки. Были получены и письма джарцев с призывами о помощи.

Все новые и новые сведения, сообщавшиеся кадиями со слов джарцев, рисовали угрожающую картину. Ибрагим-хан был силен, кроме самих персов, у него было много наемников. Хан, как и его старший брат, не знал жалости ни к детям, ни к старикам. На девушек велась настоящая охота, и многие предпочли броситься в пропасть, чем попасть в лапы каджарам. Джарские мужчины вели ожесточенную борьбу за свою землю и нанесли врагам несколько поражений, но силы были явно неравны. К тому же Ибрагим-хан применял артиллерию и не жалел ядер.

Говорили, что он просто взбесился, когда узнал об успехах Надира в Индии, о богатствах, которыми он там завладел. Ибрагим-хан принялся выжимать из своих кавказских владений все, что мог, а когда и этого ему показалось мало, начались грабежи. Отбиралось все до последнего зернышка, а недовольным секли головы. Началось с грозди винограда, которую должны были платить с каждого дома, затем счет пошел на скот и лошадей. Но когда начали ловить арканами девушек, на которых был большой спрос на рынках, люди не выдержали.

Восстание охватывало одну область за другой, пока не докатилось и до джарцев, пытавшихся до последней возможности сохранить спокойствие. Они еще не оправились после бесчинств самого Надира. А тут – новая беда. Ибрагим-хан вознамерился превзойти своего брата и покорить джарцев, а затем и весь Дагестан. Следуя примеру свирепого шаха, он поклялся истребить вольнолюбивых горцев, оставшихся выселить в Персию, а на их место прислать верные ему племена.

Однако джарцы покоряться не желали. И, несмотря на тяжелые потери и разрушенные аулы, продолжали сражаться с войсками Ибрагим-хана.

Совет Андалалского общества длился целый день. Мнения расходились. Кто-то считал, что нужно собрать войско и двинуться на помощь джарцам. Другие полагали, что к битве с опасным и сильным врагом нужно основательно подготовиться.

– Можно свалить быка, но как остановить слона? – говорили одни.

– Остановим и погоним обратно, – горячились другие.

– Одной храбрости тут недостаточно, – размышлял Пир-Мухаммад. – Против силы нужна сила.

Потом пришло сообщение, что Ибрагим-хан прекратил наступление и начал переговоры с восставшими. Это давало некоторую надежду на то, что хан может оставить в покое непокорных джарцев.

Когда стало известно, что Муса-Гаджи и Чупалав отправились в Джар, Пир-Мухаммад предложил дожидаться их возвращения, чтобы узнать, как обстоят дела, и тогда принять окончательное решение. А пока послать в Джар отряд добровольцев.

Желающих помочь братьям нашлось много. Наутро отряд, состоявший из джигитов всех сел Андалала, отправился в поход. В самом Андалале были усилены дозоры, в аулах принялись готовить оружие и припасы, в соседние общества были посланы известные люди посоветоваться с тамошними главами.

Проводив джигитов, Пир-Мухаммад решил проведать Мухаммада-Гази.

В селе все было спокойно, только в глазах людей поселилась тревога, а в кузницах по всему аулу запылали горны, зазвенели наковальни.

Навстречу Пир-Мухаммаду попался Дервиш-Али. Он куда-то торопился, вооружившись луком, за ним вприпрыжку бежал облезлый петух.

– Не на войну ли собрался, сынок? – спросил его Пир-Мухаммад.

– А куда же еще? – удивился Дервиш-Али. – Скоро шах придет.

– Ты-то откуда знаешь?

– Петух сказал.

– Как это? – удивился Пир-Мухаммад.

– А очень просто. Стоит мне произнести имя этого разбойника, как он начинает кукарекать и царапать землю когтями, – объяснил Дервиш-Али, а затем крикнул: – Надир-шах!

Петух покосился на своего хозяина, сердито прокукарекал и оставил на земле глубокую царапину.

– Видишь? – сказал довольный Дервиш-Али. – Это он ему могилу роет.

– Вижу, сынок, – согласился Пир-Мухаммад.

– Одно плохо – лук у меня есть, а стрел никто не дает, – пожаловался Дервиш-Али. – Скажи им, чтобы дали, и поострее! А то как я Надир-шаха убью, если у меня даже кинжала нет?

Петух снова прокукарекал и копнул землю еще глубже.

– С таким петухом тебе и стрелы ни к чему, – улыбнулся Пир-Мухаммад.

– Если он сам заклюет шаха, люди будут надо мной смеяться, – махнул рукой Дервиш-Али и пошел дальше. – Ничего, стрелы я отниму у каджаров!

В родительском доме Мухаммада-Гази оказалась лишь его сестра.

Пир-Мухаммад поздоровался с ней и спросил:

– А где же Мухаммад-Гази?

– Ушел, – ответила женщина.

– Ушел? – не поверил Пир-Мухаммад. – Он же едва дышал.

– Сами удивляемся, – вскинула руки женщина. – Разве так бывает?

– Что же случилось?

– Наши лекари что только ни делали, каких только лекарств ни употребляли. А он все просил, чтобы, когда умрет, похоронили его рядом с отцом. Мол, послушался его, остался в Джаре, пусть хоть в земле рядом лежать буду.

– Рано ему умирать, – сказал Пир-Мухаммад.

– Выходит так, слава Аллаху, – согласилась сестра Мухаммада-Гази. – Вчера умирал, а сегодня встал и ушел.

– Куда? – все еще не верил Пир-Мухаммад.

– К соседу, в кузницу.

Пир-Мухаммад вышел из дома и направился в дом по соседству, где громко стучали по наковальне молотки.

Мухаммад-Гази лежал в углу кузницы на овчинной шубе, опершись о здоровое плечо. Лекарства ему помогли, но душа болела сильнее, чем раненое плечо. Во сне он видел свою дочь, веселую и расторопную, помогавшую ему в кузнице. Ему не хотелось просыпаться и возвращаться в мир, где ее уже не было рядом с ним. Но разбудил знакомый перестук молотков. Это подействовало лучше всяких лекарств. Ему показалось, что большой молот не поспекает за маленькими молотками, а от этого клинок мог получиться недостаточно крепким. Потом до него донесся запах дыма от разожженного горна, и ему подумалось, что и горн разожгли не так, как надо. Тут уж было не до ран. Он приподнялся, выпил воды и, сказав, что лекари его уже вылечили, спустился вниз.

Увидев будто воскресшего Мухаммада-Гази, сосед-кузнец едва не выронил от удивления молот. Это тоже пришлось Мухаммаду-Гази не по душе. Выяснив, что тут куют и из чего, он принялся давать советы и зорко следил за каждым движением кузнеца, которому помогали неопытные еще сыновья.

Ему говорили, что лучше бы он лежал в своей постели, чем здесь, в чаду кузницы, но для Мухаммада-Гази дым этот был целебным снадобьем. Здесь он мог хоть немного отвлечься от тяжелых мыслей о своей потерянной семье. И ему было совсем не безразлично, каким оружием горцы будут мстить обнаглевшим псам Надира.

– Бейте сильнее, – наставлял Мухаммад-Гази. – А теперь по краю пройдитесь. Кинжал должен быть крепким, крепче, чем кольчуги персов.

– Салам алейкум! – приветствовал кузнецов Пир-Мухаммад.

– Ва алейкум салам, – отвечали кузнецы, собираясь отложить работу.

– Не прерывайте свое дело, да будет оно удачным, – сказал Пир-Мухаммад.

Разглядев через дым Андалалского кади, Мухаммад-Гази попытался встать. Но Пир-Мухаммад сам подошел к нему и, пожав руку, удержал его на месте.

– Дай Аллах тебе долгой жизни, – улыбнулся Пир-Мухаммад. – Не слишком ли быстро ты поправился?

– Разве они дадут спокойно умереть? – ответил Мухаммад-Гази. – Я мотыги лучше ковал, чем они – кинжалы.

– Дома тебе было бы лучше.

– Умереть я всегда успею, – говорил Мухаммад-Гази, не спуская глаз с наковальни. – Сначала надо вооружить живых.

Позже Мухаммад-Гази рассказал Пир-Мухаммаду то, что не хотел говорить другим. Кади Андалала должен был знать, какая опасность надвигается на Дагестан. Войска Ибрагим-хана были бесчисленны, хорошо вооружены и безжалостны. Свирепые воины шаха громили села и топтали конями младенцев. Возводили курганы из отрезанных голов и кормили собак вырванными глазами. Уводили в рабство девушек, а стариков сбрасывали в пропасть. Но они были слабы духом, воевали лишь для наживы и из страха перед Надир-шахом. Их можно было побеждать, и джарцы вместе с азербайджанцами не раз наводили на персов ужас. Не говоря уже о Сурхай-хане Казии-Кумухском, которого персы с большим трудом вытеснили из Ширвана, и то лишь когда за дело взялся сам Надир-шах. О Надир-шахе Мухаммад-Гази говорил с презрением, но признавал его воинские таланты, иначе бы он не смог освободить Персию и покорить столько прочих земель. Джарцы, хотя лишились многих насиженных мест и понесли большие потери, не думали склонять головы. Они будут драться и мстить, не дадут каджарам покоя, но победить вряд ли смогут – врагов слишком много.

Старый Сагитав волновался за сына, который ушел в Джар с Мусой-Гаджи, но втайне им гордился. То, что Чупалав когда-то послушался отца, было серьезным проступком, но оставить друга в беде – это стало бы несмысленным позором. Сагитав не подавал виду, но по утрам выходил на крышу, вглядываясь слабеющими глазами в дорогу – не едут ли Муса-Гаджи с Чупалавом? Но их все не было, и вестей от них не приходило. Только на соседней крыше появлялась мать Мусы-Гаджи, которой тоже не спалось: она тоже ждала своего сына.

Наконец, Сагитав не выдержал и послал людей в Наказух, чтобы привезли его невестку и внуков. Так всем будет спокойнее.

Глава 11

Чупалав с Мусой-Гаджи уходили все дальше. Оставив позади Андалал, они миновали земли соседних обществ, не давая отдыха ни себе, ни коням. И чем дальше они уходили, тем больше встречали беженцев, спасавшихся от войны за Кавказским хребтом. Это были женщины с детьми, согбенные старики и раненые.

Если бы не кони, которых нужно было кормить и поить, друзья бы и не подумали останавливаться. Они и сами были голодны, но почти все отдали беженцам и перебивались комочками толокна, смоченными в воде.

Чупалав старался успокоить друга, говоря, что войны всегда полны превратностей, и приводя примеры необыкновенного спасения даже тех, кого считали погибшими.

– А твоя ненаглядная Фируза, наверное, давно уже дома, – утешал Мусу-Гаджи Чупалав.

– Дай Аллах, – вздыхал Муса-Гаджи, сердце которого сжималось от тоски и тревожных предчувствий.

– Или в Ахтах у родственников, – строил предположения Чупалав. – Туда ближе, чем до Сограгя.

– Там ее нет, – мотал головой Муса-Гаджи.

– Откуда ты знаешь? – удивился Чупалав.

– Помнишь людей, которых мы встретили у родника? – спросил Муса-Гаджи.

– Мы многих встречали, – пожал плечами Чупалав.

– Ну, когда мы старикам бурки отдали.

– А... – протянул Чупалав, вспомнив, что они действительно остались без бурок, а на перевале было холодно.

– Там были женщины из Ахтов. Сказали, что каджары перекрыли туда дороги.

– Мало ли в горах дорог и тропинок, – разводил руками Чупалав.
– Даже если бы они были открыты, по ним нельзя пройти, – ответил Муса-Гаджи. – Там дорога через Шахтаг – намного выше, чем здесь. Сплошной лед.
– А я все равно думаю, что твоя Фируза уже в безопасности, – стоял на своем Чупалав. – У такого барса – отца и дочь – не ягненок. Сама любого каджара загрызет.
– Это так, – продолжал вздыхать Муса-Гаджи. – Только пока не увижу ее – не поверю.
– Увидишь, – обещал Чупалав. – Когда вернемся.
– Я один не вернусь, – мотал головой Муса-Гаджи.
– Так все равно надо было ехать, – рассуждал Чупалав. – Пора проучить этих каджаров, чтобы не совались, куда не просят.

Уже приближаясь к перевалу Халахуркац у вершины Гутон, откуда дорога вела в Джар, друзья стали замечать, что не одни они идут на помощь восставшим. На перевале лежал снег, но дорога и тропы были глубоко протоптаны. Отсюда Чупалав и Муса-Гаджи могли видеть, как с разных сторон к перевалу тянутся большие и малые отряды горцев, спешивших поддержать своих братьев и отомстить за бедствия, которые принес им Надир, когда являлся в Дагестан.

У самого перевала они остановились, чтобы дать отдых уставшим коням, от которых валил пар. Чтобы обсушить коней и согреться самим, они собрали сучьев и развели костер.

Отсюда перед друзьями открылась величественная панорама. Гора Гутон была как бы узлом, от которого расходилось сразу несколько отрогов Главного Кавказского хребта. Множась и разветвляясь, они уходили в глубь Дагестана, пока не скрывались за горизонтом. В чистом морозном воздухе были далеко видны горные долины, но едва можно было различить несколько аулов, почти слившихся с суровыми горами. Здесь, у вершин Кавказского хребта, брали свое начало несколько рек, потому и назвали эту часть Большого Кавказа Водораздельным хребтом. Рождаясь небольшими ручейками, они текли через Дагестан, вбирая в себя многочисленные притоки, пока не вливались в море полноводными реками Самур и Сулак.

Речка Тлейсерух, давшая название вольному обществу, тоже начиналась здесь. По ее руслу можно было добраться и до Андалала. Только чтобы сделать это, нужно было превратиться в рыбу – русло реки представляло собой глубокие ущелья, водопады и непроходимые для людей теснины.

Но Чупалава тянуло в другую сторону, где за крутыми южными склонами открывалась взору обширная долина реки Алазани. Там, куда стекали другие реки, у подошвы хребта располагались вольные Джаро-Белоканские общества, сильнейшим из которых был Джар. Справа общества граничили с Грузией, к которой относился и невысокий хребет, обнимавший долину с запада. Слева располагались цахурские и рутульские села и множество лезгинских, которые тянулись до берегов Каспийского моря.

По узкой дороге, змеившейся по крутому склону, к перевалу поднималось несколько человек. Это были женщины с детьми на руках. Дети плакали, а увидев Чупалава с Мусой-Гаджи, одни испуганно замолчали, другие заплакали еще громче.

– Не бойтесь! – поднялся им навстречу Чупалав.
– Кто вы? – спросила женщина, прижимая к себе младенца.
– Андалалцы, – сказал Чупалав.
– Мы идем на помощь джарцам, – добавил Муса-Гаджи, улыбаясь малышам.

Дети на мгновение притихли, но затем младшие снова заплакали.

– Скажите им, что нас не надо бояться, – попросил Чупалав.

– Они не боятся, – ответила женщина, которая была старше других. – Они голодны.

– Что у нас было, мы уже отдали, – растерянно развел руками Чупалав.

– Разве что это, – предложил Муса-Гаджи, доставая из седельной сумки горсть толокна.

– Да сохранит вас Аллах, – сказала женщина, подставляя ладони. – Эти проклятые каджары отняли у нас все. Мы сами еле спаслись.

– Разве там не осталось наших воинов? – недоумевал Чупалав.

– Они дерутся, как настоящие мужчины, – сказала женщина. – Но им тоже надо есть.

Мы оставили им все, что было, а сами положились на Аллаха, и вот он послал нам вас.

Муса-Гаджи разглядывал женщин, надеясь увидеть знакомое лицо. А затем спросил:

– Не знаете ли вы Фирузу, дочь оружейника Мухаммада-Гази?

– Нет, – переглядывались женщины.

– А про Мухаммада-Гази слышали, люди говорили.

– Что говорили? – насторожился Муса-Гаджи.

– Говорили, сабли хорошие делает.

– И щиты у него самые крепкие...

– А про дочь? – напомнил Муса-Гаджи. – Про Фирузу?

Женщины понимающе переглянулись, но было ясно, что они ничего о Фирузе не слышали.

– Найдется твоя Фируза, – улыбнулась одна из беженок.

– Она еще не моя, – смутился Муса-Гаджи.

– Значит, будет твоей, – уверяла женщина. – Помяни мое слово.

Матери принялись кормить детей смоченным в воде толокном, но Муса-Гаджи видел, что дети едят лишь от голода и им бы хотелось чего-нибудь по-вкуснее.

– Отдохните пока, – сказал Муса-Гаджи, доставая свой лук.

– Нам надо идти, – ответила женщина.

– И согрейтесь, – настаивал Муса-Гаджи. – А я пока пойду поищу тура.

– Тура? – переспросил Чупалав, который был бы не прочь отведать поджаренной на вертеле дичи. – Тут они есть?

– Однажды я их здесь видел, – сказал Муса-Гаджи, доставая из колчана стрелы. – А от войны и все остальные, наверное, сюда забрались.

– Не легче ли просто подстрелить? – предложил Чупалав, доставая из чехла свое ружье.

– Легче, – согласился Муса-Гаджи. – Но, если промахнешься, туры разбегутся, и больше мы их не увидим.

Муса-Гаджи прогрел над огнем свой лук, чтобы не сломался, когда будет гнуться, и друзья отправились на охоту.

– Возвращайтесь скорее, – попросила женщина. – Мы и без мяса обойдемся!

– Мы скоро, – пообещал Муса-Гаджи. – Не беспокойтесь.

Они двинулись по гребню горы. Идти приходилось осторожно, потому что трудно было определить что под снегом – камень или лед.

– Все-таки взял ружье? – оглянулся на друга Муса-Гаджи.

– На случай, если ты промахнешься, – сказал Чупалав.

– Я не промахнусь. А выстрел их распугает, – повторил Муса-Гаджи, всматриваясь в выступы скал, то проступавших, то исчезающих в тумане.

– Покажи мне тура, а я покажу тебе, как надо стрелять, – ответил Чупалав.

Они уже начали замерзать, когда Муса-Гаджи настороженно поднял руку. Чупалав взгляделся туда, куда показывал Муса-Гаджи, и увидел на краю скалы целое турье стадо. Красивые животные с огромными изогнутыми рогами легко перескакивали по едва заметным выступам, поднимаясь туда, где притаились Чупалав и Муса-Гаджи.

Муса-Гаджи медленно достал стрелу, вставил ее в лук и натянул тетиву. Чупалав тоже взял на мушку крупного вожака, но не стрелял, ожидая своей очереди.

Стрела просвистела в воздухе и вонзилась в шею тура под самой его бородкой. Тур на мгновение замер, копыта его судорожно забили по камню. Затем тур осел, соскользнул с уступа и покатился вниз. Остальные в страхе разбегались, преодолевая головокружительные подъемы как на крыльях.

Муса-Гаджи бросился за подстреленным туром, который повис на своих рогах, зацепившись за острый камень. И Чупалав не успел опомниться, как его друг пропал из виду. Чупалав пошел следом и увидел, что Муса-Гаджи слезает вниз. Но когда Муса-Гаджи оказался на том же камне, за который зацепился тур, камень вдруг зашевелился. Чупалав понял, что он не выдержит и вот-вот рухнет вниз вместе с туром и Мусой-Гаджи.

– Прижмись к скале! – крикнул другу Чупалав и вскинул винтовку.

Он прицелился и отстрелил край камня, на котором висел тур. Тот соскользнул и полетел в пропасть.

– Что ты наделал? – кричал снизу Муса-Гаджи. – Он был у меня в руках!

– А ты был в руках смерти, – ответил Чупалав, протягивая Мусе-Гаджи ствол своей винтовки. – Хватай, если жить хочешь!

Они вернулись обратно и сели у костра, стараясь не смотреть в глаза тем, кто их ждал.

– Мы слышали выстрел, – сказала женщина.

– Я промахнулся, – сказал Чупалав, протягивая к огню замерзшие руки.

– А твой друг – нет, – улыбнулась женщина, показывая куда-то в сторону.

Друзья оглянулись и увидели появившихся на перевале всадников. Один из них тащил за рога тура, из шеи которого торчала стрела.

– Ваша работа? – улыбался молодой джигит, бросая у костра тушу. – Мы едем, а он с неба падает.

– Стрела моя, – кивнул Муса-Гаджи.

– А мясо общее, – обрадованно сказал Чупалав и принялся разделывать тура.

Вскоре на перевал поднялось еще несколько отрядов. Здесь были лезгины, аварцы, табасаранцы, рутульцы, агулы, лакцы... Среди них Чупалав и Муса-Гаджи встретили старых знакомых – бывалых воинов, с которыми они и прежде ходили в походы. Большинство же составляла молодежь, горевшая жаждой расквитаться с врагами, но еще не видавшая настоящих битв.

Поджарив на костре душистое турье мясо и хорошенько подкрепившись, джигиты двинулись дальше, а женщины с детьми пошли в Дагестан по протоптанной конями дороге.

Муса-Гаджи, хорошо знавший дороги, повел теперь уже довольно большой отряд вниз по крутым склонам.

Здесь, на южной стороне хребта, было намного теплее. Горы вокруг были укрыты еще зелеными лесами. Дубы, грабы, буки, ореховые деревья поднимали в небо свои пышные кроны, в садах созревали яблоки и хурма. Здешняя природа напоминала андалалцам их родину, хотя осень там была холоднее и наступала раньше.

Приближаясь к своей цели, горцы сначала увидели высокие оборонительные башни джарцев, а затем и то, как все кругом готовилось к серьезным сражениям. В Закаталах, которые стояли на бегущей от хребта реке Талачай, люди рыли окопы и укрепляли позиции на подступах к селу. Вместо прежних крепких мостов были устроены другие, которые можно было легко разрушить, отрезав путь неприятелю. Сами же села, и без того всегда готовые к обороне, превращались в настоящие крепости. Улицы перегораживались каменными стенами, повсюду устраивались «волчьи ямы», на стенах и крышах собирались пирамиды из камней, готовых обрушиться на головы врагов. В тайных местах делались запасы воды, пороха и свинца, без которых долгая оборона была невозможна.

Прибывших на подмогу дагестанцев тут встретили с радостью. Каджары были сильны, и восставшим был дорог каждый человек, встававший на их сторону. Вдали дымились сожженные аулы, и разведчики доносили, что Ибрагим-хан строит укрепления на захваченных позициях.

Пока Чупалав выяснял, как обстоят дела, Муса-Гаджи с тоской вглядывался вдаль, туда, где теперь выжидали чего-то каджары и где остался аул, в котором еще недавно жила его любимая Фируза.

Глава 12

После первых успехов, когда Ибрагим-хан обрушился на не ждавших такого большого войска повстанцев, он решил приостановить военные действия. Слишком упорно сопротивлялись горцы, и не успели еще подойти отряды, выступившие в помощь Ибрагим-хану из Персии.

Но повстанцы не теряли времени даром. Их небольшие отряды совершали дерзкие ночные вылазки, не давая кызылбашам покоя. Они захватывали обозы, освобождали пленных, угоняли скот, коней и портили дороги. А чтобы сбить со следа каджаров, подковы у коней были прибиты наоборот.

В очередной поход с этими удалцами вызвался пойти и Муса-Гаджи. В лагере он не находил себе покоя, хотя кузнецы-оружейники были теперь очень нужны. К тому же, разглядывая доспехи взятых в плен сарбазов, он понял, что, кроме обычных кинжалов и сабель, горцам нужно бы иметь узкий клинок, которым можно поражать каджаров через щели между их железными латами. А наконечники для стрел лучше делать побольше и поострее, чтобы пробивать щиты, да ковать их такими, чтобы эти наконечники невозможно было вытащить.

Чупалав сначала помогал строить укрепления, но, когда заметил, что многие ополченцы недостаточно хорошо владеют оружием, взялся сделать из них настоящих воинов.

Муса-Гаджи трудился не покладая рук, но мысли о Фирузе и мучительное желание хоть что-нибудь узнать о ее судьбе не давали ему покоя. Наконец, он отложил инструменты и объявил, что сначала сходит в разведку с отрядом, собиравшимся напасть на каджаров, а затем снова примется за работу.

Чупалав не стал его удерживать, он хорошо понимал Мусу-Гаджи. Семья Чупалава была пока в безопасности, но тревога за жену и детей все равно скребла его сердце.

Отряд, с которым отправился Муса-Гаджи, возвратился через день, пригнав отару овец. Это были овцы джарцев, которых прежде успели захватить нахлынувшие рекой каджары. Но среди вернувшихся горцев не было Мусы-Гаджи. Встревоженный Чупалав спрашивал джигитов, что случилось с его другом, и те говорили странные вещи. Сначала они рассказали, как кружили по местам, которые опустошили каджары, как Муса-Гаджи старался узнать у уцелевших людей, что стало с его невестой. Узнать ничего не удалось, и Муса-Гаджи начал приходить в отчаяние. Затем им удалось проникнуть в одно из расположений каджаров и снять караульных. Причем Муса-Гаджи просто задушил одного здорового сарбаза, чтобы не поднимать шума, а другого оглушил и взял в плен. Оттуда они угнали отару овец, вернее, то, что от нее осталось. Возвращаясь, заночевали в небольшой горной пещере, которых было много вокруг, в поросших лесом холмах. А ночью случилось и вовсе невероятное. То ли привлеченный добычей, то ли потому, что пещера была его логовом, туда явился леопард. Кони испуганно заржали, но никто ничего не видел, потому что горцы не разводили костер, чтобы не быть замеченными. Потом им показалось, что к пещере подступают выследившие их каджары, и изготовились к бою. Но вдруг раздался страшный звериный рык – и все вдруг стихло. Когда зажгли факел, они увидели Мусу-Гаджи, лежавшего под большим пятнистым зверем. Решили, что Муса-Гаджи погиб, но все обошлось. Муса-Гаджи свалил с себя тяжелого леопарда и поднялся. В руке у него был тот самый узкий клинок, которым он советовал всем обзавестись. Клинок был в крови. Муса-Гаджи успел нанести леопарду удар в сердце и боролся с ним, пока зверь не издох. Убедившись, что Муса-Гаджи отделался царапинами от когтей, все понемногу успокоились. А наутро Мусы-Гаджи в пещере не оказалось, не было и его коня. Вместе с Мусой-Гаджи исчезла и шкура леопарда, которую он успел снять.

Чупалав был в растерянности. Выходило, что Муса-Гаджи ушел сам. Только – куда? И зачем ему понадобилась шкура убитого зверя? Но, сколько бы предположений ни строил Чупалав, мысли его каждый раз возвращались к одному: Муса-Гаджи ушел искать свою Фирузу. Это было равносильно самоубийству, но слишком горяч и смел был Муса-Гаджи, который все еще надеялся, что Фируза где-то рядом. Как бы то ни было, друга нужно было спасти. Чупалав скрепя сердце заставил себя подождать до следующего дня: вдруг Муса-Гаджи сам вернется. А если нет – он отправится его искать.

Глава 13

Через покрытые лесом горы и заросшие орешником овраги Муса-Гаджи пробирался к селу, где жила семья Фирузы. Но, когда он добрался до своей цели, сердце его сжало ледяными тисками. На месте большого села остались лишь почерневшие руины. Все было пусто и мертво, лишь стервятники кружили над пепелищем, высматривая добычу.

– Здесь был их дом, – говорил себе Муса-Гаджи. – А там – кузня Мухаммада-Гази.

Муса-Гаджи разбирал обгоревшие бревна, надеясь найти хотя бы знакомую ему тяжелую наковальню, но оказалось, что хищные каджары утащили и ее. Муса-Гаджи нашел только обгоревший остов ткацкого станка, на котором Фируза и ее мать ткали ковры. Не пожалели враги и водяную мельницу – ее древние каменные жернова были разбиты. Сгорела и мечеть, о которой напоминал лишь минарет, напрасно ожидавший, когда на него поднимется муэдзин, чтобы призвать правоверных к молитве.

Муса-Гаджи решил взобраться наверх, чтобы оглядеться вокруг, но даже деревянные ступеньки между каменным стержнем минарета и его стенами были сожжены.

– Да покарает вас Аллах, – прошептал Муса-Гаджи, глядя на это кошунство.

Он еще раз обошел то, что осталось от села, заглянул в чудом уцелевшие постройки, но не нашел ни единой души.

Муса-Гаджи помолился среди останков мечети и двинулся дальше.

Прежде, чем отправиться на поиски Фирузы, Муса-Гаджи успел кое-что выяснить у пленного сарбаза. Тот был так напуган, что готов был сказать все, что Муса-Гаджи ни пожелает. Про Фирузу он ничего не слышал, а о плененных девушках знал лишь то, что их отправляют а базары и продают.

Разве что какая-нибудь приглянется начальникам или самому Ибрагим-хану, который был известен не столько своими воинскими подвигами, сколько особым пристрастием к вину и красивым женщинам.

Добравшись до места, откуда была видна ставка Ибрагим-хана, Муса-Гаджи затаился в кизиловой роще, внимательно наблюдая за тем, что происходило вокруг.

Ставка располагалась за рекой Курой, на ровном месте, была огорожена земляными насыпями, вдоль которых стояли караульные с большими ружьями, по углам и у главных ворот стояли пушки.

Внутри лагеря высился большой черный шатер. Над ним, на высоком древке, реял желтый флаг с красной каймой. Еще один большой, но уже красный шатер стоял позади главного, за тростниковой оградой. Вокруг располагались шатры поменьше. За пределами лагеря в правильном порядке стояли бесчисленные войска. По коням и вооружению было видно, что это полки из разных провинций Персии и наемники – афганцы, туркмены, узбеки. Были тут и другие отряды из попавших под власть Надир-шаха племен. Над каждым полком – фауджем, примерно из тысячи человек, реял отличительный шелковый флаг своего цвета, а палатки воинов окружали шатры их командиров. Отдельно стоял артиллерийский полк, блестя на солнце большими и малыми орудиями. Неподалеку, ниже по реке, паслось множество лошадей, верблюдов, мулов, волов и несколько отар овец.

И далеко, до самого горизонта, клубилась пыль, поднимаемая двигавшимися к лагерю обозами.

Все это представляло собой впечатляющее зрелище, какого Муса-Гаджи еще не приходилось видеть. Но его интересовало совсем иное. Сопоставляя одно с другим, Муса-Гаджи сообразил, что сильно охраняемый шатер посреди лагеря – это и есть местопребывание самого Ибрагим-хана. А красный шатер, должно быть, принадлежал его гарему. Оттуда иногда появлялись женщины, укрытые чадрами, и пара евнухов, черный и белый, чтобы принести носилки, на которых слуги приносили еду из походной кухни.

Затем он увидел, как от ставки к лесу направились повозки в сопровождении конных стражников. В лесу рабы собирали хворост для походных печей, которыми обогревались шатры.

Муса-Гаджи решил навестить гарем Ибрагим-хана. Ему не хотелось верить, что там может оказаться его прекрасная Фируза, но он должен был убедиться, так ли это на самом деле. Муса-Гаджи лихорадочно размышлял, как ему осуществить свой замысел. Один несбыточный план уступал место другому, еще более безрассудному.

– Подкараулить какого-нибудь курьера, завладеть его одеждой и обмануть бдительную охрану? – прикидывал Муса-Гаджи, но тут же сам себя опровергал: – Такой план мог придумать и бедняга Дервиш-Али, который не в ладах со здравым смыслом... Пробраться в лагерь под видом купца? Только Шах-мана поблизости нет, да и вряд ли ханы станут что-то покупать. То, что им нужно, они привыкли попросту забирать или отнимать силой.

Так и не придумав, как проникнуть в гарем незамеченным, миновав несколько рядов стражи, Муса-Гаджи решил вернуться к тому, что берег на крайний случай, – к шкуре леопарда.

– От такого царского подарка не отказался бы и Надир-шах, – размышлял Муса-Гаджи. – Посмотрим, как отблагодарит меня его брат.

Но прежде, чем отправиться в ставку Ибрагим-хана, Муса-Гаджи позаботился о том, чтобы ему легче было уйти, если бы пришлось увозить Фирузу. Ружье, саблю и колчан со стрелами он спрятал в дупло старого дуба. Привязал лук к стволу дерева, натянул тетиву и вставил в него стрелу. Натянутую тетиву он закрепил веткой так, как не раз делал на охоте, когда загонял оленей. Теперь достаточно было дотронуться до ветки, чтобы лук выстрелил и стрела полетела куда нужно. Глубокую промоину, образовавшуюся в лесной дороге, Муса-Гаджи засыпал валежником. Узкий клинок, сослуживший ему хорошую службу, Муса-Гаджи спрятал в сапоге, а на виду оставил только кинжал. Взвалил на плечо пятнистую шкуру леопарда и вскочил на своего верного коня, который тревожно фыркал, косясь на то, что осталось от опасного зверя.

Как только Муса-Гаджи выехал из леса, его тут же заметили. Зазвучали сигнальные трубы, и навстречу ему поскакало несколько всадников.

– Кто такой? – спрашивали каджары, кружа вокруг Мусы-Гаджи. – Куда едешь?

– Я охотник, – спокойно ответил Муса-Гаджи.

– Ты один или еще кто есть? – подозрительно спросил каджар с вьющейся бородой – видимо, старший в этом разъезде.

– Один, разве сами не видите?

– А что это у тебя? – спросил старший, приподнимая краем сабли пятнистую шкуру.

– Не повреди, – предостерег Муса-Гаджи. – Это подарок великому Ибрагим-хану.

– Да это же шкура леопарда! – догадался один из всадников.

– Ты сам его убил? – удивленно спросил старший.

– Мне это не впервой.

Они удивленно защелкали языками и стали говорить с Мусой-Гаджи уважительнее.

– Ты – смелый человек...

– В этот раз я просто защищал свою жизнь, – сказал Муса-Гаджи.

– Так, говоришь, везешь это в подарок хану? – все еще не верил старший.

– Да, – ответил Муса-Гаджи, – если великий хан соизволит принять мой скромный дар.
– Посмотрим, – почесал бороду каджар. – Пока что мы видели от ваших людей другие подарки – пули да стрелы.

– И сабли с кинжалами, – добавил его подчиненный.

– Но и вы не с миром пожаловали, – не удержался Муса-Гаджи.

– Он смеет нас упрекать! – заорал еще один из всадников, поднимая саблю.

– Я только хотел сказать, что люди сначала воюют, а после склоняются к миру, – спокойно ответил Муса-Гаджи.

– Не пора ли снять эту болтливую голову? – размахивали саблями всадники.

– А шкуру мы и сами можем подарить!

– И останетесь без своих голов, когда откроется, что не вы убили этого леопарда, – остудил пыл подчиненных старший, затем снова почесал бороду, размышляя, как быть. – Наш господин любит охоту. Надо его порадовать...

И каджары, окружив Мусу-Гаджи, двинулись с ним к ставке Ибрагим-хана.

Узнав, в чем дело, караульные доложили начальнику стражи, и тот поспешил к визирю. Прошло немало времени, пока чиновники двора донесли новость до самого хана и получили его милостивое соизволение привести к нему неожиданного дарителя.

Ворота, наконец, открылись, и Мусу-Гаджи пропустили внутрь. Здесь ему велели спешиться, снять оружие и наскоро обыскали. Шкуру леопарда тоже внимательно осмотрели, потрогали еще торчавшие из лап когти, подергали длинные усы убитого зверя, прощупали длинный хвост, и только затем двое слуг расправили шкуру на огромном серебряном подносе, чтобы подарок выглядел как подобает.

Вдоль устланной коврами дорожки от ворот до шатра стояли гвардейцы хана в дорогих доспехах и с богато украшенным оружием. Впереди шел визирь наместника, за ним, поглядывая по сторонам и стараясь все запомнить, шел Муса-Гаджи. Следом слуги несли поднос с леопардовой шкурой.

Черный шатер Ибрагим-хана оказался из блестящего атласа и стоял на украшенных затейливой резьбой опорах. На флаге, реявшем над шатром, был изображен лев с мечом в лучах восходящего солнца. Конец древка был сделан в виде серебряной руки, которую каджары называли рукой Али.

Внутри шатра царило изысканное великолепие. Горело множество изящных светильников, сияли зеркала и драгоценная посуда. В глубине стоял еще один небольшой шатер из парчи, внутри которого помещалась золоченая тахта с высокой спинкой. На этом подобии трона, опершись на подушки, возлежал Ибрагим-хан.

Его окружали телохранители с обнаженными саблями, астрологи с льстивыми лицами, секретарь, письмоводитель и прочие придворные. По сторонам сидели музыканты, наигрывая тихие, умиротворяющие мелодии, и стояли, ожидая приказаний, красивые юноши-слуги.

Воздух был пропитан благовониями, которые тлели на специальных подставках, и утонченными ароматами кальянов.

Войдя в шатер, визирь упал на колени, поцеловал ковер и пополз к своему господину, пока тот не велел ему:

– Встань и говори.

– О мой повелитель!..

Визирь, собираясь сделать доклад, обернулся на Мусу-Гаджи и замер от изумления. Тот и не думал падать на колени, а тем более – целовать ковер и ползти к стопам шаха.

– Безумец! – воскликнул визирь. – На колени!

– На колени мы встаем только тогда, когда молимся всевышнему Аллаху, – ответил Муса-Гаджи.

– Несчастный! – зашипел визирь и обхватил руками свою голову в большом тюрбане, будто хотел убедиться, что она еще на своем месте. – На колени и умоляй великого хана о прощении!

Муса-Гаджи продолжал стоять, гордо вскинув голову и смело глядя в лицо хану. Он был свободным горцем и никому из людей никогда не кланялся. Но тут Муса-Гаджи вспомнил, что на самом деле привело его сюда, и заставил себя слегка поклониться, коснувшись рукою ковра.

Хан удовлетворился и этим, потому что ему не терпелось перейти к сути дела – принесенной ему в дар леопардовой шкуре. Чтобы лучше ее разглядеть, хан даже соизволил встать и подойти поближе.

Он не протянул Мусе-Гаджи руку, давая понять, что между ними есть существенная разница. Но горцу это принесло лишь облегчение, он едва стерпел унижительную церемонию, и пожать руку ненавистному врагу было бы выше его сил.

Хан провел рукой по пятнистой шкуре и обернулся к Мусе-Гаджи.

– Как это тебе удалось?

– Хотел заслужить милость повелителя, – ответил Муса-Гаджи.

– Чтобы заслужить милость великого хана, тебе следовало бы сначала оставить свою дерзость и явить повинование, – гневно сказал визирь.

Но Ибрагим-хан только улыбнулся, продолжая любоваться подношением.

– Не будь он так смел, разве смог бы победить такого сильного зверя и принести нам столь дорогой подарок?

Хан знал цену таким трофеям. Он был страстным любителем охоты, и ему доводилось убивать разных зверей, но леопард среди его трофеев не числился. Он держал при себе целую команду охотников со всем необходимым. Но ни опытные загонщики, ни натасканные гончие собаки, ни выученные ловчие соколы не смогли найти для него такого красивого зверя.

Едва заметным жестом удалив от себя визиря, Ибрагим хан продолжал:

– Как зовут тебя, о благородный храбрец?

– Муса-Гаджи.

– Муса-Гаджи, – повторил хан задумчиво. – Чего же ты хочешь за свое подношение?

– Служить тебе, великий хан, – сказал Муса-Гаджи, приложив руку к сердцу, которое гневно билось.

– Но ваши люди вынуждают меня воевать, – сказал Ибрагим-хан. – Неужели только ты понял, что служение мне и падишаху – владыке мира принесет горцам покой и счастье?

– Я оставил заблудших, – начал говорить Муса-Гаджи. – Я убеждал их покориться великому хану, могущество которого простирается до небес, а воинов у него столько, что, выпустив стрелы, они могут затмить солнце.

– Значит, они тебя не послушали? – спросил хан.

– Кто-то – нет, а кто-то думает теперь, как я, – уверял Муса-Гаджи.

– Тех, которых ты называешь заблудшими, ждет суровое наказание, – пообещал хан. – А образумившиеся будут возвеличены.

Хан подумал, что из этого умного джигита может получиться хороший вассал. И если он докажет свою преданность, на него можно будет положиться. Почему бы и нет? Если такой храбрец принес ему шкуру царя кавказских зверей, то он и головы бунтарей представит ему без труда. Этому горца следует обласкать, прикормить и посадить на цепь – выйдет отличная гончая!

Но шкура леопарда не давала покоя Ибрагим-хану, которому хотелось самому убить такого зверя.

– Если ты убил одного, то я убью другого, – пообещал он.

– Как будет угодно великому повелителю, – ответил Муса-Гаджи.

– Ты покажешь мне, где водятся эти прекрасные звери.

– Да, мой повелитель, – кивнул Муса-Гаджи, которому охота представлялась удобным случаем, чтобы расквитаться с ханом, если до этого он не увезет свою Фирузу.

– Ты охотился на коне? – допытывался Ибрагим-хан, не переставая гладить шкуру леопарда.

– В лесу это опасно, – сказал Муса-Гаджи. – Леопарды любят сидеть на деревьях, они даже свою добычу туда затаскивают.

– А если выгнать зверя на ровное место? – предложил хан, которому вовсе не хотелось стать жертвой даже такого красивого зверя.

– Они легко достанут и всадника, если придется защищать свою жизнь, – пугал хана Муса-Гаджи, чтобы придать весу своим охотничьим умениям и убедить хана забраться подальше от лагеря. – Лучше выждать в горах. Леопард силен, но и не менее хитер. А когти у него как кинжалы.

Хан взглянул на когти леопарда и убедился, что Муса-Гаджи не далек от истины. Наместнику стало не по себе, когда он представил, что эти когти могут впиться в его тело. Вон ведь и у охотника черкеска изодрана. Удивительно, что он вообще жив остался. Надо бы усилить охрану лагеря: вдруг другой леопард явится мстить за этого?

– А если на слоне? – растерянно произнес Ибрагим-хан. – У меня есть слоны в Персии. Я могу за ними послать.

– Леопарды легко взбираются даже на скалы, – покачал головой Муса-Гаджи. – Но зачем великому хану думать о таких останетя лишь убить его из ружья.

– И то верно, – с облегчением согласился хан. – У меня есть дела поважнее, чем выслеживать зверей в лесу. Вот хотя бы твои соплеменники. Надо их как-то усмирить, чтобы не пришлось истреблять, как опасных зверей.

Муса-Гаджи старался сообразить, как лучше использовать колебания хана между желанием поохотиться и началом большой войны с горцами. Во всяком случае нужно было выиграть время, чтобы горцы лучше подготовились к боям и дождались большей подмоги.

– Еще немного, и они поймут, что сопротивляться непобедимой армии сардара бесполезно, – сказал Муса-Гаджи. – Я им это не раз говорил. Но если великий хан соизволит направить им письмо, то это непременно вразумит их.

– Ультиматум! – объявил хан. – Пусть знают, что их ждет, если не сложат оружие и не станут молить меня о пощаде.

Он сделал знак секретарю, и тот взял в руки калам.

– Составь этим заблудшим письмо, но чтобы звучало как суровый приказ, – велел Ибрагим-хан. – Чтобы не смели больше испытывать мое терпение и покорились. Ибо гнев мой будет сокрушителен, как ураган, и это будет последнее, что они увидят в этой жизни.

Секретарь усердно записывал повеление хана, чтобы затем придать им необходимую форму, а письмоводитель достал особый пергамент и изготовился перенести на него то, что продиктует секретарь.

– Когда они принесут покорность, я сделаю тебя старшим над ними, будешь у меня беглербегом этих племен, – посулил хан гостю.

– Милость твоя не знает пределов, – сказал Муса-Гаджи, стараясь изобразить на своем лице радость.

– Мне нужны умные и верные люди, – продолжал Ибрагим-хан. – А пока жалую тебя высоким отличием.

Муса-Гаджи преподнесли отороченный соболями шелковый халат, на плече которого было вышито: «Это дар великого Ибрагим-хана его верному рабу».

Принимая халат, Муса-Гаджи вдруг подумал, что ему вряд ли удастся пробраться в гарем хана. Слишком многочисленна была стража, бдительно охранявшая все вокруг. Но сам хан был рядом, и верный клинок, спрятанный в сапоге, мог сослужить теперь важную службу. И все же надежда найти Фирузу еще теплилась, и Муса-Гаджи решил посмотреть, что будет дальше. Наступал вечер, и на охоту хан теперь уже не отправится. А до утра многое могло случиться.

А хан думал о том, как покрепче привязать к себе храброго охотника, чтобы с его помощью покорить джарских бунтарей, а затем, быть может, и весь Дагестан.

Глава 14

Вечером хан устроил пир. Разодетые женоподобные юноши – бириши с крашенными хной руками и длинными, завитыми в локоны волосами подавали гостям воду для умывания рук и полотенца. Еду приносили на расписных подносах, напитки – в золоченых кувшинах. Одно блюдо сменялось другим, и им не было конца. Изысканные угощения сопровождалось обильными возлияниями.

Музыканты, певцы и танцовщицы услаждали взоры пирующих, среди которых были военачальники, приближенные хана и важные сановники из провинций. Кравчие и виночерпии старались угодить вельможам. И веселье было в самом разгаре.

Муса-Гаджи удивлялся окружавшей его роскоши и спрашивал себя: зачем шаху Дагестан, где о подобной жизни и не помышляли? Что он найдет в их горах, где даже пропитание добывалось нелегким трудом, не говоря уже о подобных удовольствиях? Мусе-Гаджи кусок лепешки не лез в горло, а вино он и вовсе считал греховным напитком.

Но хана это только забавляло, он привык наслаждаться жизнью, а государственные дела и войны считал досадной необходимостью, скучными обязанностями правителя, желающего сохранить свой титул и власть. Видя перед собой покорного горца, победителя леопардов, Ибрагим-хан не сомневался, что теперь все пойдет иначе. Он не только превзойдет своими успехами подвиги племянника, но и затмит славу самого Надир-шаха, которому его победы над горцами стоили моря крови.

Хан не отличался воздержанностью и скоро уже был навеселе. Но обычные развлечения ему быстро наскучили. Ибрагим-хан подозвал к себе визиря и что-то шепнул ему на ухо. Тот поклонился и бросился исполнять ханское повеление.

Вскоре гости разразились возгласами восторга. Муса-Гаджи оглянулся и увидел, что в шатер входит длинная вереница девушек, укрытых красивыми чадрами. Их сопровождали два огромных евнуха, белый и черный. Белый был главным начальником гарема со всеми слугами и немалым хозяйством. Черный же заведовал главной ценностью – гаремными красавицами, и цвет его кожи был гарантией того, что невольница не родит младенца ни от кого, кроме владыки-хана. Иначе страшное преступление сразу бы открылось цветом кожи новорожденного. Евнухи хотя и были оскропленными, но в гаремах случалось всякое.

Муса-Гаджи, пораженный увиденным, с удивлением смотрел на невольниц, но лица их были закрыты. Заметив, с каким вниманием гость разглядывает девушек, хан решил окончательно сразить Мусу-Гаджи своей щедростью.

– В Персии есть обычай, обычай властителей, – заговорил Ибрагим-хан.

– Тем, кто заслуживает особой милости, мы дарим невольниц из своих гаремов. Эти слова обожгли сердце Мусы-Гаджи. Он стал пристальнее вглядываться в невольниц, пытаясь понять, есть ли среди них его Фируза.

– Выбирай, – предложил хан Мусе-Гаджи. – Любая из них станет твоей. И ты всю жизнь будешь возносить хвалу своему господину.

Взволнованный Муса-Гаджи разглядывал одну невольницу за другой, и в каждой ему чудилась его несчастная невеста.

– На ком ты остановил свой выбор, о храбрый воин? – спросил Ибрагим-хан, польщенный произведенным на Мусу-Гаджи впечатлением.

– Я... Не могу решить... – ответил Муса-Гаджи. – Я не вижу их лиц.

– Мне понятно твое затруднение, – усмехнулся Ибрагим-хан, посасывая чувственными губами мундштук кальяна. – Но знаток женской красоты и под чадрой отличит красавицу. Стоит ей сделать несколько шагов, и ее походка, изгибы тела под одеяниями, жесты... Тому, кто искушен в таинстве женского очарования, этого достаточно. Поверь мне: каждая из них достойна самого шаха.

– Они никогда не открывают своих лиц? – спросил Муса-Гаджи, не отрывая взгляда от невольниц.

– Только перед своим господином, когда он пожелает насладиться их прелестью, – говорил Ибрагим-хан. – Я могу приказать им открыться, но опасаясь, как бы мои гости не лишились разума, ослепленные их красотой.

Муса-Гаджи надеялся, что если среди них есть Фируза, то она подаст ему какой-нибудь знак. Если не смирилась со своей участью...

– Выбирай, – настаивал Ибрагим-хан, – или просто укажи на любую, и ты не ошибешься.

– Пусть хотя бы назовут свои имена, – сказал Муса-Гаджи.

– Зачем они тебе? – рассмеялся Ибрагим-хан. – Назови, какое тебе нравится, и оно будет именем той, которую ты выберешь. Тем, кому посчастливится попасть в настоящий гарем, дают новые имена и дарят новую жизнь.

Но Мусе-Гаджи не нужна была никакая другая, кроме его невесты.

– Великий хан, сказал он. – Когда-то я был влюблен в одну девушку. Но она покинула этот мир. И мне бы хотелось, чтобы сохранилось хотя бы ее имя. И если такая окажется среди твоих невольниц, я бы хотел выбрать ее.

– Что ж, – развел руками Ибрагим-хан. – Спроси их сам.

Муса-Гаджи шагнул к невольницам и под гневными взглядами евнухов стал спрашивать одну за другой:

– Кто ты, красавица? Как зовут тебя? Откуда ты?

Но невольницы под чадрами или молчали или посмеивались над растерянным Мусой-Гаджи.

– А кто тебе нужен?

– Зачем тебе невольница? С виду ты простой человек, а невольницы требуют бережного обращения.

– Возьми меня, господин...

– Фируза? Я буду твоей Фирузой!

Когда Муса-Гаджи убедился, что его любимой среди невольниц нет, у него на время отлегло от сердца. Но затем оно вновь заняло от неизвестности, в которой могла таиться еще более страшная судьба Фирузы.

– Надо убить этого негодяя, – говорил себе Муса-Гаджи. – Поджечь шатер вместе со всеми этими свиньями... И погибнуть самому, чтобы больше не мучиться от тоски по невесте. Но кто тогда отыщет пропавшую Фирузу?..

– Ты еще не выбрал? – спрашивал хан, с трудом размыкая слипающиеся веки. – Если не нравятся эти, нам пришлют новых... Потом, после охоты на леопарда...

Глава 15

Утром Ибрагим-хан послал горцам свой грозный ультиматум. А затем велел Мусе-Гаджи и своим слугам выследить и загнать для него леопарда.

Муса-Гаджи вернули коня и кинжал и отправили с ним троих охотников. Другие, с гончими собаками, расположились у лощины, куда Муса-Гаджи пообещал выгнать леопарда. Сам Ибрагим-хан в сопровождении свиты и телохранителей выехал из лагеря и ждал сигнала, чтобы собственноручно подстрелить редкого зверя.

Муса-Гаджи с сопровождавшими его всадниками углубился в лес. Так ничего и не узнав о Фирузе, отчаявшийся, он думал лишь о том, как заманить хана в лес, чтобы попытаться его убить, а затем вернуться к своим. Ему было что им рассказать о войсках хана и о нем самом. Это могло помочь горцам в сражении с неприятелем, во много раз превосходившим их по числу сабель.

Муса-Гаджи надеялся, что, плутая в лесной чаще, он сможет одного за другим убить сопровождавших его слуг шаха. Затем подаст сигнал охотничьим рогом, который был у одного из них. А когда Ибрагим-хан прискачет убивать леопарда, Муса-Гаджи всадит пулю ему в лоб.

Оставив сигнальщика с конями неподалеку от знакомой пещеры, Муса-Гаджи повел двух других кызылбашей за собой. Пройдя немного, велел одному укрыться за большим камнем, а с другим двинулся дальше. Тот настороженно оглядывался кругом и старался не отставать от Мусы-Гаджи. Хорошо помня эти места, Муса-Гаджи направился к дубу, в дупле которого оставил ружье и саблю. Увидев нужное дерево, он стал искать глазами ветку, которая должна была привести в действие закрепленный на дереве лук. Ветка находилась в том же положении, в каком оставил ее Муса-Гаджи. Сделав еще несколько шагов, Муса-Гаджи дернул ветку и бросился на землю. В то же мгновение зазвенела тетива, и над ним пролетела стрела, угодив в не успевшего ничего понять охотника. Тот рухнул, как подкошенный. Убедившись, что один мертв, Муса-Гаджи снял с дерева лук, достал из дупла ружье, саблю, колчан со стрелами и поспешил назад, чтобы разделаться со вторым. Тот по-прежнему сидел за камнем, настороженно водя кругом ружьем. Муса-Гаджи решил его обойти, чтобы хорошенько прицелиться из лука. Стрелять из ружья он не хотел, чтобы не вызывать шума – берег пулю для Ибрагим-хана – любителя невольниц и чужих земель.

Прицелившись, Муса-Гаджи уже начал натягивать тетиву, когда краем глаза заметил в зарослях что-то знакомое. Это был леопард. Вернее, это была самка с детенышами, но с такими же страшными, оскаленными клыками, какие были у сраженного Мусой-Гаджи

отца звериного семейства. Шахский охотник не замечал приближающейся опасности. Самка леопарда двигалась бесшумно, все ближе подбираясь к своей жертве. Муса-Гаджи стало немного жаль этого каджара, который не предполагал, что жизнь его висит на волоске. Горец осторожно поднял с земли ветку и бросил ее между леопардихой и камнем, за которым сидел охотник. Тот оглянулся и увидел выходящего из чащи зверя. Охотник онемел от страха, но успел сообразить, что вот-вот расстанется с жизнью, и выстрелил. Пуля только задела леопардиху, и она кинулась на своего врага. Тот в панике бросился бежать. Но в тот момент, когда его должны были настичь страшные когти, охотник провалился в глубокую промоину, которую Муса-Гаджи заранее прикрыл валежником. На шум прибежал сигнальщик, и самка леопарда бросилась уже за ним. Сигнальщик оказался очень ловким, успел вскочить на своего коня и тут же пустил его вскачь. Леопардиха сделала гигантский прыжок и едва не настигла жертву, но конь успел ударить зверя задними копытами.

Муса-Гаджи взобрался на высокое дерево, чтобы увидеть, чем кончится эта погоня и не появится ли возможность осуществить свой план до конца. Но все обернулось не так, как он предполагал. Перепуганный сигнальщик забыл про свой рог и мчался во весь опор. Следом неслась самка леопарда, но рана не давала ей бежать так быстро, как она умела. Увидев эту картину, загонщики спустили собак. Леопардиха, тяжело дыша, остановилась, распорол брюхо первой же добежавшей до нее собаке и быстро скрылась в лесу.

Муса-Гаджи видел, как она отыскивала своих котят и стала уводить их в горы, взбираясь по каменным уступам, недоступным для собак.

Ибрагим-хан так и не тронулся с места, не дождавшись нужного сигнала. И отсюда Муса-Гаджи было его не достать. Окружив особу своего повелителя, ханская свита повернула к лагерю.

Муса-Гаджи спустился с дерева, забрал коней и отправился посмотреть, что случилось с рухнувшим в промоину каджаром. Тот все еще лежал там, опасаясь, что зверь где-то рядом, и боясь поднять голову.

Муса-Гаджи саблей смахнул с него валежник и сказал:

– Сними оружие и поднимайся.

Пораженный этим не меньше, чем нападением страшного зверя, воин отстегнул саблю, отпихнул ногой ружье и показал пустые руки.

– Что ты задумал? – спросил он, еще не веря, что осыпанный милостями хана горец заговорил теперь по-другому.

Наставив на него ружье, Муса-Гаджи вытащил пленного из ямы и велел сесть на землю.

– Измена! – догадался каджар, но сказал это тихо.

– Я никому не изменял, – ответил Муса-Гаджи. – А твой хан был и останется моим врагом.

– О благородный воин, – заговорил охотник, сообразив, что дела его плохи. – Пощади меня! Я дам тебе все, что имею!

И он начал выгребать из карманов серебряные монеты.

– Оставь это себе, – сказал Муса-Гаджи. – Унесешь с собой в могилу.

– Бери, бери все! – умолял охотник, доставая из потайных карманов еще и еще.

Среди того, что охотник бросал к ногам Муса-Гаджи, были не только монеты, но и женские украшения. И вдруг Мусу-Гаджи будто что-то ударило. Среди блестящих серег и браслетов он заметил скромное кольцо. Муса-Гаджи поднял его и узнал в нем то, серебряное, с бирюзой, которое он сделал сам и которое подарил своей любимой Фирузе.

Муса-Гаджи выхватил кинжал и приставил его к горлу охотника:

– Где ты его взял?! – гневно вскричал Муса-Гаджи.

– Я... Когда делили добычу, – сбивчиво говорил пленный. – Юзбаши забрали золото, а нам оставили серебро.

Муса-Гаджи хотелось убить грабителя, но тот мог знать хоть что-нибудь о Фирузе.

– Чье это кольцо? – тряс его за шиворот Муса-Гаджи. – Говори!

– Не знаю, мой господин, – оправдывался несчастный. – Я всего лишь охотник... Когда собрали пленных, там было много девушек...

– Что с ними случилось? – торопил Муса-Гаджи, водя кинжалом по горлу пленного.

– Клянусь жизнью, я не знаю, – говорил тот. – Я слышал, что девушек увезли продавать, а двух из них послали в подарок Надир-шаху.

У Мусы-Гаджи помутилось в глазах. Он опустил кинжал и отошел.

– Убирайся.

Но охотник не уходил. Он сложил перед Мусой-Гаджи свое оружие и сказал:

– Ты сохранил мне жизнь. Но я не хочу служить каджарам.

– Что? – не понял Муса-Гаджи. – Уходи, пока цел.

Охотник не трогался с места.

– Чего ты медлишь? – спросил Муса-Гаджи.

– Я – туркмен. Меня зовут Ширали, – отвечал охотник. – Надир-шах набросился на наши аулы, как его брат теперь нападает на ваши.

– Как же ты оказался в его войске?

– Шах пригрозил, что высылит всех наших людей, если они не дадут ему воинов, – говорил Ширали, – а девушек раздаст своим подручным.

– Надо было драться, а не дрожать за свою жизнь, – ответил Муса-Гаджи.

– Мы дрались. И не раз ходили на каджаров. Но потом шах привел столько войск, что от наших воинов почти никого не осталось. И еще... Они бы убили всю мою семью, если бы я не пошел в войско шаха. Племя, которое решило сопротивляться, они вырезали до последнего младенца. Я видел трупы этих несчастных, которые пожирала собаки. А головы их стариков торчали на копьях сарбазов. Земли их и воду шах сделал собственностью своей короны.

Но Муса-Гаджи было не до чужих бед, здесь хватало и своих. Муса-Гаджи мучительно пытался понять: что ему теперь делать? Отправляться в Персию? Искать самого Надир-шаха? Это было безумием, однако Муса-Гаджи был готов и не на такое. Но что скажет Чупалав? Что скажут другие, если он бросит своих друзей перед сражением с Ибрагим-ханом и отправится неизвестно куда, хотя бы и из-за большой любви к Фирузе? Если бы она была где-то здесь, он бы не пожалел жизни, чтобы ее спасти, но теперь... Теперь нужно было покарать Ибрагим-хана, а затем уже думать, где искать Фирузу.

– Говорят, местные нападали на караваны с пленными. И многие смогли убежать, – припомнил Ширали.

– Смогли? – с надеждой переспросил Муса-Гаджи.

– И девушки убегали. Одна из них даже заколола известного воина из гвардии хана. У нее был такой маленький кинжал.

Муса-Гаджи хотелось верить, что это была его Фируза. А тот кинжал он видел не раз. Она всегда держала его при себе на всякий случай и обрезала им нити, когда ткала ковер. Но такие кинжалы были и у других девушек Джара. Постоянная опасность диктовала свои правила.

– Она у тебя красивая? – спросил Ширали.

– Не твое дело, – резко ответил Муса-Гаджи, но это заставило его вспомнить свою любимую. Красивая ли она? Разве могут быть девушки красивее, чем Фируза? Она... Она – как рассвет после темной ночи. Как глоток прохладной воды, когда умираешь от жажды. Она...

– Как ее зовут?

– В гаремах девушкам дают новые имена, – глухо произнес Муса-Гаджи.

Вопрос туркмена подействовал на Мусу-Гаджи успокаивающе. Ширали сказал «зовут», то есть считал, что она жива. Это было что-то вроде надежды.

– А мою жену зовут Дюрли, – вздыхал Ширали. – Это значит – жемчужина.

Они помолчали, глядя в разные стороны и думая каждый о своем.

– Я хочу драться с каджарами, – прервал молчание Ширали. – На вашей стороне.

– Дерись, – сказал Муса-Гаджи, приторачивая оружие убитого охотника к седлу своего коня. – А мне нужно возвращаться.

Муса-Гаджи вскочил на коня и тронулся в обратный путь. Ширали сел на своего и направился вслед за Мусой-Гаджи.

– Я вам пригожусь, – обещал Ширали. – У Ибрагим-хана много войска, но люди воюют не за него.

– Тогда что им здесь надо? – не оборачиваясь, спросил Муса-Гаджи.

– Кто ради добычи воюет, а кто из страха, – отвечал Ширали. – Гвардия и та из наемников. Шах платит им хорошее жалование.

– Мы тебе платить не будем, – предупредил Муса-Гаджи. – И нам никто не платит. Мы бьемся за свою родину.

– А я буду воевать за свою, – сказал Ширали. – Вместе с вами.

– А твоя семья? – напомнил Муса-Гаджи.

– Семья?.. – будто очнулся Ширали.

– Что с ней будет, если ты перейдешь к нам? Если тебя не найдут ни убитым, ни раненым?

– Тогда от моей семьи ничего не останется, – с болью в голосе ответил Ширали.

– Возвращайся в лагерь, – сказал Муса-Гаджи, обернувшись к Ширали.

– Ты сохранил мне жизнь, теперь я твой должник...

– Я тебя пощадил по своей воле, – сказал Муса-Гаджи. – А что с тобой сделают джарцы, многие из которых потеряли свои семьи из-за таких, как ты,

– одному Аллаху известно.

– Что же мне делать? – растерянно спрашивал Ширали.

– То, что подскажет твоя совесть, – сказал Муса-Гаджи. – Но если я, Муса-Гаджи из Андалала, встречу тебя в бою – берегись!

– Я не стану драться с врагами шаха и его брата, – пообещал Ширали.

– Тогда подумай, как помочь тем, кто будет драться с каджарами, – сказал Муса-Гаджи.

Он привязал уздечку коня убитого охотника к своему седлу и поскакал прочь.

– А хану скажи, что не ты меня упустил, а что меня растерзали леопарды, – кричал он, удаляясь. – Как и того, что был с тобой. Пусть Ибрагим придет посмотрит, если не боится.

Проводив взглядом Мусу-Гаджи, Ширали собрал оружие и нехотя двинулся к ханскому лагерю.

Когда Ибрагим-хану доложили о случившемся, он пришел в ярость. Ширали получил сто ударов палкой и был сослан чистить ханские конюшни.

Мучимый желанием наказать всех и вся, Ибрагим-хан велел готовиться к выступлению на Джар и Дагестан. Но оказалось, что перейти Куру невозможно – слишком тяжелы были пушки, громоздок обоз, и даже закованная в латы кавалерия тонула в мутных водах широкой реки. Тогда было приказано строить крепкий мост, а пока были посланы курьеры поторопить войска, тянувшиеся к ставке Ибрагим-хана из Грузии, Карабаха и других провинций.

Глава 16

Чупалав не находил себе места. Пошел уже второй день, а Муса-Гаджи не возвращался. Чупалав тяжело вздыхал, представляя, что скажут люди, когда узнают, что следом за Мусой-Гаджи пропал и он сам. Но выбирать не приходилось. Чупалав как следует вооружился и пошел седлать своего коня.

Однако отправиться по следам своего друга Чупалаву не довелось. Он уже вскочил в седло, когда вдалеке запылали сигнальные костры, а затем примчались дозорные с известием, что на них движутся войска Ибрагим-хана.

Горцы заняли позиции, приготовившись вступить в сражение. Но оказалось, что приближался лишь небольшой отряд. Каджары остановились на расстоянии двух полетов стрелы и выслали вперед троих человек. Один из них имел важный вид, двое других размахивали копьями со значками Ибрагим-хана и кричали:

– Посол едет! Внимание! Посол от великого хана! Внимание!

Скоро стало известно, что Ибрагим-хан прислал восставшим ультиматум. Вожди горцев подозревали, что ничего хорошего от хана ждать не приходится. Но они, как и Ибрагим-хан, хотели выиграть время. Из Дагестана прибывали все новые силы, и поток этот с каждым днем усиливался. Особенно здесь ждали заклятого врага Надир-шаха – Сурхай-хана Кази-Кумухского с его знаменитыми сыновьями.

Ставка руководителей восстания находилась в Закатальской крепости, рядом с Джарами. Туда и съехались представители Джаро-Белоканских обществ с их признанными вождями Ибрагимом-Диванэ и Халилом. Обсудить грозное послание хана позвали и Чупалава, который успел заслужить всеобщее уважение и считался представителем сильного Андалалского общества.

Вожди собрались под огромной чинарой, ей было больше четырех веков, и она многое повидала за свои долгие годы. Не явился лишь владетель Каха и Каника. Как оказалось, он, как и главы обществ, еще раньше получил приглашение от Ибрагим-хана встать на его

сторону. Но все, кроме него, решительно отвергли гнусное предложение врага, сулившего за предательство великие почести и щедрые награды.

Кроме приказа о повиновении и «присоединении к стремени повелителя», в ультиматуме Ибрагим-хана содержалось требование приготовить для его войск провиант, девушек для воинов и фураж для коней.

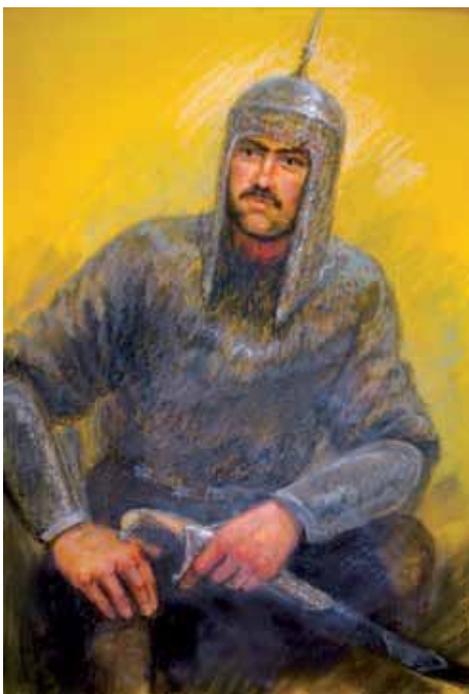
Когда унижительный ультиматум был оглашен полностью, Халил заключил:

– Наглость Ибрагим-хана превосходит свирепость его проклятого брата.

– Этот презренный каджар возомнил, что ему удастся нас запугать, – процедил сквозь густую бороду Ибрагим-Диванэ.

– Нападем первыми! – предлагали предводители.

– Тогда и остальные, в тылу у хана, поднимутся!

– А что они смогут? – сомневались другие.

– К Ибрагим-хану войска со всех сторон подходят.

– Надо заманить его в горы, – предложил Чупалав. – А там – как Аллаху будет угодно, победим или погибнем.

– На равнине нам с этим войском не справиться, – согласился Ибрагим-Диванэ. – А здесь у нас и крепости, и башни. Пусть попробует взять.

– Главное – наши ущелья, – добавил Халил. – На крупного зверя надо ставить надежный капкан. Верно Чупалав говорит: завлечь и раздавить.

– А села? Мы их с таким трудом восстановили, – говорили горцы.

– Без боя не отдадим.

– Мы будем драться за каждый камень, за каждый дом, – говорил Ибрагим-Диванэ. – Измотаем хваленых кызылбашей, а когда они решат, что дело сделано, заставим Ибрагим-хана горько пожалеть о том, что он посмел поднять глаза на наши горы.

– Едут! – донеслось вдруг издали.

Все обернулись на крик и увидели, что со стороны хребта к ним приближается большой отряд. Его возглавлял статный воин в расшитой серебром черкеске и с дорогим оружием.

Его панцирь и щит были приторочены к бурке позади седла.

– Муртазали, сын Сурхай-хана! – узнал Чупалав.

– Салам алейкум! – приветствовали славного храбреца предводители.

– С приездом, Муртазали!

– Ва алейкум салам! – отвечал Муртазали, спешиваясь.

– Как здоровье твоего отца? – уважительно спрашивали предводители.

– Что слышно в горах?

– У нас все, слава Аллаху, хорошо, – отвечал Муртазали, почтительно здороваясь с предводителями. – А у вас, я слышал, беспокойно.

– Этому безумцу Ибрагим-хану не дают покоя наши свободные горы, – сказал Халил.

– Значит, пора поставить его на место, – ответил Муртазали. – Отец остался в Кумухе.

Он и главы обществ решили перекрыть врагу дороги и укрепить аулы, если вдруг Ибрагим-хан сумеет прорваться или к нему пойдет помощь из Дербента, куда тоже пришел приказ выступать.

– На этот раз кызылбашам не поздоровится, – пообещал Чупалав.

– Сколько воинов ты привел? – спросил Ибрагим-Диванэ.

– Около тысячи, – ответил Муртазали. – Они уже бились с кызылбашами и знают, что делать.

– Это большая помощь, брат, – сказал Ибрагим-Диванэ. – Со всеми прибывшими у нас наберется крепкое войско.

– А сколько сил у Ибрагим-хана? – спросил Муртазали.

– Намного больше, – сообщил Чупалав.

– Их количество не так страшно, – сказал Халил. – Плохо то, что среди нас нашлись изменники.

– Изменники? – не поверил Муртазали.

– Малый уцмий Каха и Каника решил переметнуться, – нахмурившись, сообщил ему Ибрагим-Диванэ.

– Эта паршивая овца не испортит нашего стада, – сказал Халил. – Справимся и без него.

– Значит, я поступил верно, что послал по его следу своих людей, – сказал Муртазали.

– По его следу? – удивился Чупалав.

– Этот предатель рассылал письма по соседним обществам, призывал и других покориться Ибрагим-хану, – рассказывал Муртазали. – Сначала мы решили, что письма фальшивые, что враги хотят посеять рознь между нашими людьми. Но по дороге сюда я убедился, что это правда. Вот и отправил своего нукера Микаила с надежными людьми, чтобы они или поймали и привели этого негодяя, или убили его.

– Да поможет им Аллах, – сказал Ибрагим-Диванэ. – А пока нужно решить, что ответить на ультиматум Ибрагим-хана.

Муртазали взял бумагу, пробежал ее глазами и вернул Халилу.

– Мы пришли драться.

– Наш совет тоже решил стоять до конца, – сказал Ибрагим-Диванэ.

– Эти кызылбаши не понимают другого языка, кроме свиста пуль и звона кинжалов, – сказал Чупалав. – А мы хорошо знаем эти песни.

Постановив сражаться, пока не разобьют Ибрагим-хана или не погибнут сами, горцы начали обсуждать план действий, расположение каждого отряда и его задачи.

Первым делом следовало занять все дороги и горные проходы, чтобы как можно дольше сдерживать движение Ибрагим-хана. А тем временем готовиться к упорной обороне главных укреплений и предусмотреть способы помогать друг другу. В ущелье, где предполагалось дать решающий бой Ибрагим-хану, если бы удалось его туда завлечь, необходимо было подготовить несколько ярусов для обстрела, запасти там боеприпасы и заготовить кучи камней, чтобы обрушивать их на головы захватчиков.

Обсуждение тактики было в самом разгаре, когда появился Муса-Гаджи. Чупалав облегченно перевел дух и бросился к другу:

– Цел!

Здесь уже слышали о леопарде и о том, что Муса-Гаджи пропал с его шкурой.

– Говори же! – тербил друга Чупалав. – Что с тобой случилось?

– Все хорошо, – отвечал Муса-Гаджи, спешившись.

– А где шкура? – поинтересовался Чупалав.

– Обменял у Ибрагим-хана на жеребца, – сказал Муса-Гаджи, привязывая обоих коней у дерева. – Думаю, от живого коня больше пользы, чем отдохлого леопарда.

– Это верно, – согласился Чупалав. – Если такой сильный зверь, как леопард, не смог сохранить свою шкуру, то вряд ли она поможет и Ибрагим-хану.

Муса-Гаджи подробно рассказал все, что произошло в ставке Ибрагим-хана, как он хотел его убить и что случилось потом. Умолчал он лишь о том, что отпустил Ширали. А узнав, какое послание горцы получили от хана, Муса-Гаджи сказал:

– Ибрагим-хан жаждет славы и мечтает превзойти своего брата. Если ему покажется, что мы дрогнули, он ринется вперед без оглядки.

– Это его и погубит, – сказал Ибрагим-Диванэ.

– Так мы ловим волков, – добавил Халил. – Прячем в кустах длинную клетку, загоняем туда овцу, и не успеет хищник добраться до добычи, как клетка уже захлопнулась.

Когда совещание закончилось и предводители пошли к своим отрядам, Чупалав спросил Мусу-Гаджи:

– Выходит, ты ее не нашел?

– Фирузу куда-то увезли, – удрученно говорил Муса-Гаджи. – То ли к шаху в гарем, то ли еще в чей-то. А могли и на базаре продать, как рабыню. Они называют себя мусульманами, а торгуют людьми, точно скотом.

– Как ты это узнал?

Муса-Гаджи достал колечко с бирюзой и показал Чупалаву.

– Это кольцо сделал я сам для Фирузы. А оно оказалось у одного туркмена. Он рассказал все, что знал, и я не стал убивать его. А еще я узнал, что многие девушки смогли убежать.

Чупалав похлопал друга по плечу и постарался его успокоить:

– По крайней мере можно надеяться, что Фируза жива. А если так, то ты обязательно ее найдешь.

– Знать бы, где искать, – тяжело вздохнул Муса-Гаджи, пряча кольцо. – Я бы и на край света за ней отправился.

Тем временем Микаил с десятью кази-кумухскими молодцами шел по следу изменника. Они за ночь успели добраться до Куры, где у строящегося моста стоял пост кызылбашей. Но того, кто им был нужен, видно не было. Тогда Микаил и его отряд затаились в лесу, думая, как быть дальше. Утром они увидели, что от поста идет один из стражников. Тот, держа на поводке осла, направлялся к стогу сена на скошенном лугу у края леса. Когда он перетянул половину стога веревками и принялся навьючивать сено на осла, горцы зажали ему рот и утащили в лесные заросли.

Придя в себя от испуга, кызылбаш стал умолять горцев сохранить ему жизнь. Взамен на обещание горцев отпустить его кызылбаш рассказал все, о чем его спрашивали.

Выяснилось, что малый уцмий здесь не проходил, понтоном для переправы пользуются только строители моста. Мост будет закончен не раньше, чем через две недели. Ибрагим-хан ожидает подхода новых сил и тогда, перейдя мост, двинется на горцев всеми силами. Но сначала построит еще одну крепость, где будут храниться арсенал и продовольствие.

Отобрав у кызылбаша оружие, привязав его к дереву и заткнув рот кляпом, горцы пошли обратно через лес, надеясь встретить того, кого искали.

Вскоре они наткнулись на небольшой караван, который вез Ибрагим-хану подарки от изменника: деньги, бурки и красивую посуду. В завязавшейся стычке горцы убили двух слуг малого уцмия и захватили караван. Но изменник успел скрыться в лесу. Унося ноги от мстителей, он прятался несколько часов, пока еще один слуга не успокоил его тем, что кази-кумухцы уже ушли. Только тогда предатель выбрался из леса и бросился к переправе. Стражники уже знали о визите горцев. Об этом рассказал их товарищ, которого они нашли привязанным к дереву в лесу. Допросив малого уцмия и убедившись, что он – тот самый человек, за которым охотились горцы, стражники переправили его через Куру. В ставке Ибрагим-хана изменник поведал о своих злоключениях и о том, что только он один откликнулся на призыв Ибрагим-хана, и это чуть не стоило ему жизни.

Глава 17

В гарем Надир-шаха принесли подарки, присланные Мухаммад-шахом. Дары были взяты из ларцов с украшениями его жен, потому что государственная казна принадлежала теперь другому владыке. Каждое украшение было помещено в особый футляр. Их, по особому списку и под неусыпным надзором Лала-баши, раздавал гаремный евнух-казначей. Счастливые дамы разбежались по своим комнатам, к зеркалам, чтобы полюбоваться на новые драгоценности. Только одна девушка так и осталась стоять у окна, не притронувшись к подарку и печально глядя куда-то вдаль. Эта красавица оказалась в гареме недавно. Ее прислал в подарок шаху его брат Ибрагим-хан, оставленный управлять на Кавказе. Лала-баши не стал настаивать и сунул предназначенный ей футляр с изумрудными четками за свой широкий пояс.

Строптивый нрав этой дикарки был хорошо известен главному евнуху. И у него давно были наготове проверенные способы, делавшие любых упрямыц мягче шелка. К тому же перед тем, как удостоиться ложа повелителя, ей предстояло многое узнать. Для этого имелся целый штат наставниц, которые бы растолковали ей, что такое гаремный этикет, и научили, как надлежит одеваться, говорить, петь и танцевать, как выбирать украшения, какие употреблять ароматы и благовония. Эти и другие тайны гаремной науки были необходимы наложницам, как воздух.

Но претендентки на сердце шаха пускали в ход не только свои познания и обольстительные чары. Подкуп евнухов, избавление от соперниц, яды, отравления, магия – арсенал обитательниц гарема был богат и постоянно пополнялся. Чтобы привлечь внимание господина, все средства были хороши, потому что победа в гаремных войнах могла принести не только законного наследника престола, но и возвышение бесправной наложницы в ранг любимой жены и даже шахини.

У Лала-баши чесались руки, чтобы вышколить гордячку, не желавшую понимать, какое счастье ей улыбнулось. Но отчего-то Надир не велел ее наказывать. Однажды увидев ее в саду, когда ему представляли только что поступивших в гарем девушек, Надир прочел в глазах гордой красавицы презрение. Для других это означало бы верную гибель, мешок с ядром и дно реки. Но эту Надир пощадил. Когда евнух осторожно спросил его о причине столь необычайного великодушия, Надир ответил ему:

– О Лала-баши, такова судьба правителя, что его или боятся, или ненавидят. А я хочу, чтобы меня полюбили. Пусть эта прекрасная газель сама придет к роднику милости.

О новом проступке девушки Лала-баши поспешил сообщить повелителю. Но Надир-шах только улыбнулся. Насчет прекрасной пленницы у него были свои мысли.

Надимы – приближенные государя – успели осмотреть город и рассказали Надир-шаху обо всем, что достойно его внимания. Главной достопримечательностью была сочтена великолепная мечеть Кувватуль-Ислам – Могущество ислама, построенная более пяти веков назад в честь победы над войсками индуистского правителя и утверждения Делийского султаната. Рядом с ней в знак наступившего исламского правления был возведен высочайший на свете, восхитительно украшенный пятиярусный минарет Кутб Минар – Башня победы.

Из других достопримечательностей называли еще несколько прекрасных мечетей, одну из которых украшали три золотых купола, колоссальные Ворота ислама, мавзолеи прежних мусульманских правителей и почитаемых святых. Поразила надимов и обсерватория с удивительными инструментами, позволявшими наблюдать даже обычно не различимые небесные светила.

Среди прочего приближенные шаха упомянули о необыкновенной железной колонне, стоявшей неподалеку от минарета Кутб Минар. Колонне, как говорили, было уже несколько тысяч лет, но при этом на ней не было и следа ржавчины. Самое же удивительное заключалось в другом – колонна исполняла заветные желания. Стоило лишь обхватить ее руками так, чтобы сошлись пальцы рук, и все должно исполниться. Надир-шаха это позабавило, но потом он решил узнать, так ли это на самом деле.

Для начала он отправил Сен-Жермена выяснить, что это за необыкновенная колонна. Тот вернулся в недоумении.

Колонна существовала, ржавчины не было, зато было чистейшее железо, какого он до сих пор не видывал. Сен-Жермен даже успел измерить ее высоту – вышло четыре человеческих роста и еще длина его сабли. Надпись на санскрите подтверждала древность колонны, и никто не сомневался в ее чудесной способности исполнять желания.

– Почему же Мухаммад-шах не обхватил ее, чтобы сбросить свою власть? – усмехнулся Надир-шах.

– Вероятно, руки оказались коротки, ваше императорское величество, – с поклоном ответил Сен-Жермен.

– А ты сам пробовал? – спросил его Надир-шах.

– Да, ваше величество, и вполне успешно, – все так же с поклоном отвечал французский чародей.

– Каково же было твое желание?

– Найти лучший в мире бриллиант, чтобы исполнить волю вашего величества, – льстиво сообщил Сен-Жермен.

Надир-шах милостиво кивнул умному французу, а загадочную колонну решил испытать самолично. Тем более что было у него и заветное желание.

Глава 18

На следующий день в сопровождении свиты и охраны Надир-шах отправился к колонне. Впереди и вокруг шли две тысячи стрелков – джазаирчи, держа наперевес большие мушкеты.

Когда все вокруг было очищено от простого люда, Надир-шах спешился и вошел во двор мечети, где и стояла та самая колонна. Она немного сужалась кверху, была увенчана пышным, выступавшим, как небольшой купол, орнаментом, а на вершине колонны виднелся небольшой железный орел.

Сначала Надир-шах полюбовался на высочайший минарет. Он был построен из красных и белых кирпичей, а окружность его состояла из чередующихся колонн и острых углов. Каждый ярус был отмечен пышной капителью. А верхушку уже было не разглядеть. Воздав похвалы величественному минарету, шах вернулся к колонне, которая интересовала его куда больше.

Колонна была тщательно отмыта, у подножия ее были выложены ковры из разноцветных, источавших дивные ароматы цветочных лепестков.

Надир-шах приблизился к колонне, сбросил с плеч халат и обнял колонну руками.

– Пусть эта горянка меня полюбит, – прошептал Надир-шах. – Тогда мне покорится весь мир.

И вдруг он понял, что пальцы его не сходятся на другой стороне колонны. Он водил руками, надеясь нащупать одной ладонью другую, но ничего не выходило. Надир-шах помрачнел, опустил руки, снял с себя мешавшее делу оружие и снова обхватил колонну, будто стараясь задушить неподатливое железо. Пальцы и на этот раз не сошлись. Тогда он выдохнул из себя весь воздух и попытался еще раз, но колонна не поддавалась.

Сын шаха попробовал помочь отцу, зайдя с другой стороны и пытаясь свети его пальцы, между которыми оставалось совсем немного свободного места.

– Прочь! – прохрипел Надир-шах.

Владыка побагровел от ярости, а свита затрепетала от ужаса, зная, что ярость шаха может стоить им голов.

Тут вмешался находчивый Сен-Жермен.

– Ваше императорское величество, – сказал он с поклоном. – Человеческое тело устроено таким образом, что вы сможете достичь желаемого, если обхватите колонну, повернувшись к ней спиной.

Этот совет еще больше вывел Надир-шаха из себя.

– Я не привык поворачиваться спиной к судьбе! – взревел шах. – И я научу этот столб повиноваться!

Надир-шах решил, что все равно обхватит этот столб, хотя бы и с другого конца. Он обернулся к свите и велел:

– Вырвите ее из земли!

В ту же минуту запел муэдзин, и Надир-шах направился в мечеть на полуденную молитву. Приближенные последовали за шахом. А остальные, помолвившись во дворе, принялись за дело.

На колонну набросили арканы, и сотни человек попытались ее свалить. Но она даже не шелохнулась. Тогда пустили в ход коней. Они топтались на месте, а веревки рвались. Настала очередь слонов. Колонну спеленали широкими ремнями, подвели самых больших слонов, но и они ничего не смогли сделать с упрямым железом.

Опасаясь страшной расплаты за неисполнение шахского повеления, десятки людей принялись выкорчевывать плиты вокруг колонны и копать вглубь, чтобы попросту вытащить

колонну из земли. Но оказалось, что колонна стоит не просто в земле, а в каменном основании, разрушить которое было нелегко. И чем глубже они пробивались, тем шире становилась колонна, и конца ее не было видно. Тогда пустили в ход других слонов, привыкших валить и перетаскивать большие деревья, однако и они лишь напрасно обхватывали колонну хоботами, сердито ревели, но справиться с ней не могли.

После молитвы, обозрев происходящее, Надир-шах помрачнел. Он велел своему насакчи – палачу отрубить головы нерадивым слугам, включая землекопов, и удалился. Свита сочла это особой шахской милостью, иначе бы с несчастных содрали кожу, а мясо скормили собакам.

Слух о надругательстве над святыней и жестокости шаха облетел город, и люди провожали кортеж завоевателя с плохо скрываемым негодованием.

Но Надир этого не видел, он был поглощен мыслями о странной колонне, не пожелавшей исполнить его желание.

– Вырву и увезу с собой, – грозил Надир-шах. – Пусть все увидят, что для меня нет невозможного.

Но про себя Надир полагал, что и без того оказал много чести какому-то железному столбу, приблизив его к своей священной особе.

Глава 19

Жизнь в гареме Надир-шаха текла своим чередом. Жены бдительно следили, чтобы их подарки не оказались хуже тех, что получали другие. У каждой из них была при дворе своя партия, и все они боролись за влияние на венценосного господина. Наложницы и невольницы любовались доставшимися им украшениями, умащивали и холили свои роскошные тела чудодейственными средствами, украшали ладони узорами из хны, сурьмили брови и ресницы, веселили себя песнями и танцами рабынь, играли в нарды, сплетничали, наслаждались ароматными винами и заглушали свои печали кальянами с дурманящим чарсом из индийской конопли. И каждая втайне мечтала об особом внимании господина и своем последующем возвышении. Ревность и соперничество составляли душную атмосферу гарема, который на неискушенный взгляд мог показаться прохладным, тенистым раем. Но в этом серале никогда не прекращались изощренные войны.

Только одна невольница не радовалась подаркам, не участвовала в скрытых гаремных баталиях и ничего для себя не просила. Там, где даже дурнушку могли превратить в ослепительную прелестницу, природная красота горянки блекла день ото дня.

Несмотря на запрет Надир-шаха наказывать упрямую невольницу, у Лала-баши было множество других способов отравить жизнь своей подопечной. Опытный евнух знал: чтобы сломить невольницу, нужно для начала заставить ее забыть прошлую жизнь, к которой все равно не будет возврата. Имя горянки было Фируза. Здесь ей дали другое – Азра, как звали легендарную красавицу, возлюбленную Вамика. Преданиями об их необыкновенной любви веками вдохновлялись поэты, слагая все новые стихи.

Но Фируза не откликнулась на новое имя, отвергала дары, избегала участия в гаремных утехах. Ее дивные голубые глаза туманились печалью, она не вплетала в свои черные косы жемчужные нити, не наряжалась в бесстыдные прозрачные одеяния, а куталась в шали, будто замерзала в знойной Индии.

Фируза тосковала по родине и своему любимому. На обитательниц гарема дождем сыпались редкостные украшения, а она плакала ночами о подаренном ей Мусой-Гаджи простеньком кольце, которое сорвали с ее руки безжалостные вояки Надир-шаха.

Тогда Лала-баши, служивший еще прежнему шаху и перевидавший на своем веку многих невольниц, принялся за дело с другой стороны. Он дал понять женам шаха, что эта новенькая тронула сердце их господина, а это несло угрозу их благополучию. Жены тут же сплотились, чтобы любым способом известить соперницу, а таких умений им было не занимать. В ход пошли наговоры, намеки на то, что эта дикарка мечтает погубить великого шаха, что обещала хорошо заплатить, если ей достанут яда. Когда шах учинил расследование и ничто не подтвердилось, возникли слухи, что она с интересом поглядывает из своего окна на садовников. Их тут же казнили, а невольницу переселили в комнату с видом на реку. Она сделалась затворницей и только вышивала на тканях горы и долины родного Джара. Тогда в напиток, подававшийся Азре, Лала-баши велел подмешивать опиум. Это было надежное средство, примилившее с новой участью немало упрямцев. Но кто-то пожалел Фирузу и шепнул ей об опасной затее коварного Лала-баши. Устав бороться с гордой невольницей, главный евнух решил положиться на время, которому подвластно все.

Фирузе было трудно в окружении изощренных соперниц и страшного Лала-баши. Она боялась, что долго не выдержит. Фируза догадывалась, что свидания с шахом ей не избежать, и решила скорее покончить с собой, чем смириться. Но затем поняла, что ее смерть ничего не изменит, и замыслила то, в чем ее и пытались обвинить – перед смертью отомстить за свою семью и свою родину. Оставалось лишь найти кинжал, а им она владела не хуже, чем

иголкой и ниткой. А до той поры, чтобы придать себе решимости, Фируза снова и снова вспоминала все, что ей довелось пережить.

Сколько она себя помнила, в родном Джаре было беспокойно. Независимые горцы не желали терпеть какого-либо владычества. Они то сами восставали против посягавших на их свободу персидских правителей, то шли на помощь своим соседям – азербайджанцам, рутульцам, лезгинам, цахурам и даже грузинам. Не раз поддерживали они и храброго Сурхай-хана, который бился с войсками персов в Ширване. А с тех пор, как в Персии возвысился Надир, начались тяжелые времена.

Джарцы, как и их соседи, не желали подчиняться, а войск у Надира становилось все больше.

Отец Фирузы, оружейник Мухаммад-Гази, сам уже не справлялся – оружия требовалось как никогда много. Но почти все его ученики и помощники, не успев выучиться оружейному ремеслу, гибли в нескончаемых битвах. Пришлось покорить и Мусе-Гаджи, который приезжал к отцу учиться. Джар и другие села не раз были разрушены и сожжены, не раз Фируза с матерью убегала в горы, чтобы укрыться от кровавых нашествий. Но каждый раз они возвращались и все начинали заново. Отец ковал оружие, Фируза ему помогала, мать умоляла перебраться в ее родное село Ахты или в Согратль, на родину отца, где было безопаснее всего.

И однажды, когда Джар снова был обращен в пепел, они бежали в Ахты, до которого было намного ближе, чем до Согратля. Вскоре туда же пришел и уцелевший в битвах отец. Казалось, теперь наступит покой. Но, возвращаясь из Кази-Кумуха, проклятый Надир подступил и к Ахтам. Ахтынцы не дрогнули и отчаянно дрались с врагами, но слишком силен оказался Надир-шах, неисчислимо было его войско. Он безжалостно разрушил Ахты, разорил восставшие общества Самурской долины, убил множество людей и увел пленных.

Когда Надир объявил себя шахом, а Кавказ отдал под власть своего брата Ибрагим-хана, в Азербайджане и Джаре вспыхнуло новое восстание. И отец Фирузы снова вернулся туда, где был нужен больше всего. На помощь восставшим пришли люди из многих дагестанских аулов, и некоторое время им сопутствовал успех. Затем все как будто успокоилось, и Джар начал восстанавливать из руин. Снова приехал Муса-Гаджи, помог построить новый дом и подарил Фирузе, которая уже годилась в невесты, то самое колечко. Условившись с Мухаммадом-Гази, когда прислать сватов, Муса-Гаджи уехал. И больше Фируза его не видела.

Когда Ибрагим-хан решил окончательно искоренить всякое неповиновение в своем наместничестве, на Джар накатила новая беда. Отец Фирузы встал на защиту рубежей Джара, а семью отправил в Дагестан. Но, мучимая дурными предчувствиями, мать не утерпела и вернулась, а следом отправилась и Фируза. Она почти догнала мать неподалеку от их горящего села. Тут их и окружили каджары.

Мать Фирузы, яростно защищавшую дочь, они убили. А Фирузу, успевшую своим маленьким кинжалом сразить одного и ранить другого врага, схватили и связали. Пока сарбазы спорили, кому достанется девушка, появился их сотник – юзбаша и отобрал девушку, слишком красивую для простых вояк. В их руках осталось лишь серебряное кольцо Фирузы, грубо сорванное с ее руки.

Когда всех пленных собрали в лагере каджаров, Фирузу заметил уже тысячник, который решил подарить ее Ибрагим-хану. Как ни сопротивлялась горянка, ее притащили в шатер наместника и бросили к его ногам.

Ибрагим-хан был зол на упорных джарцев и поначалу хотел было надругаться над пленницей, затем выжечь на ней свое клеймо и отправить обратно, чтобы унижить своих заклятых врагов. Но затем рассудил, что и без того причинил джарцам тяжкий урон и обесчещенных девушек оставил там немало. А эта была так хороша, что ее стоило присовокупить к письму, которое он отправит Надир-шаху, брату своему, сообщая о первой победе над мятежниками.

Приграничные джарцы еще продолжали биться в полной уверенности, что семьи их в безопасности. А в Персию уже потянулись караваны невольников, и вдоль дорог стояли пирамиды из отрубленных голов.

И таяли вдали родные горы, застилаемые дымом пожариц.

Невольниц было много. Их, разделив по возрасту, везли на арбах, укрыв от посторонних глаз занавесками. Вооруженная до зубов охрана следила за тем, чтобы к ним никто не приближался и чтобы невольницы не сбежали.

Фируза оказалась среди дюжины самых красивых девушек. Одни ее спутницы плакали, уткнувшись в колени, другие молились, третьи, окаменев от страха, только горестно вздыхали. Фируза тоже поначалу плакала, потом иступленно просила всевышнего послать ей смерть или кинжал, чтобы покончить с собой.

Старый возница сладострастно поглядывал на пленниц, завистливо вздыхал и цокал языком, обещая им райскую жизнь в гареме падишаха.

В городах караван останавливался на площадях, где живую добычу уже поджидали купцы и перекупщики. Хозяева каравана привычно принимались за дело, назначая цену и яростно торгуясь за каждую невольницу.

Для начала предлагались совсем маленькие девочки, которым не было и десяти лет. Опытные купцы умели разглядеть в них будущую красоту, но предпочитали все ощупать собственными руками. Осматривали девочек, как скот, проверяли зубы, мяли в руках косы, определяли цвет глаз и нежность кожи, заставляли сделать несколько шагов, вслушивались в их голос... Купцы старались не прогадать.

Тех, кто не был продан за хорошую цену, скупали по дешевке владельцы особых заведений, где маленьких невольниц учили разным профессиям, потребным в гаремах. Из таких рабынь делали певиц, музыкантш, прислужниц в банях – хамамах или просто горничных. Если будущие одалиски не превращались со временем в красавиц, их продавали в соответствии с их умениями, и это все равно многократно превышало расходы хозяев на покупку и обучение невольниц.

За невольниц постарше купцы торговались особенно упорно. Хозяева невольниц предпочитали поручать такие сделки ловким посредникам. Те выводили девушек на возвышение посреди рынка и выкрикивали цену, а затем принимались восхвалять прелести невольниц в самых соблазнительных выражениях. В ход шли сравнения с луной и солнцем, дыхание их объявлялось сладостно-благоуханным, глаза затмевали сияние звезд, безукоризненный стан спорил с кипарисами. Заканчивали посредники чудом из чудес и пределами блистающей красоты.

Торговля шла бойко, цены росли, пока не оставалось соперничающих покупателей. Тому, кто давал самую большую цену, посредник говорил:

– Получай свою красавицу! Да будет она для тебя удачей.

Писцы тут же составляли купчую, которую подписывали совершившие сделку и два свидетеля. Затем новый хозяин вдевал в ухо рыдающей невольницы серьгу с жемчужиной и своим клеймом и уводил ее с рынка.

И несчастные девушки, еще недавно певшие звонкие песни в родных домах и мечтавшие о красавцах-джигитах, становились собственностью алчных купцов, думавших лишь о том, как перепродать их еще дороже.

Эти душераздирающие сцены повторялись почти каждый день, и каждый раз сердце Фирузы сжималось от страха, что вот-вот настанет и ее черед.

К ней уже не раз приценивались, предлагали хорошие деньги, но грамота Ибрагим-хана ее защищала. Тогда купцы предлагали за нее столько, что Фирузе не раз казалось: золото вот-вот окажется сильнее грамоты наместника.

Не желая отступить, купцы о чем-то шептались, спорили, пробовали сговориться с разбойниками, чтобы те напали на караван и отбили невольницу, которая пришлась им по вкусу. Но стража была сильна, и никто не решился нарушить волю Ибрагим-хана.

Караван двигался в глубь Персии, постепенно уменьшаясь, пока не осталась одна арба, в которой везли Фирузу и еще одну девушку из Шемахи. Гюльнара – так звали шемахинку – все время молчала и только однажды вечером, когда арба поднималась на крутой перевал, вдруг разговорилась. Она поведала, как ночные разбойники, промышлявшие этим ремеслом, украли ее прямо из дома, убив отца и мать. Гюльнару пытались украсть и раньше, но тогда ее спасли братья. В этот раз они были среди восставших, и ее некому было защитить, кроме старых родителей.

Фируза хотела тоже раскрыть ей душу, рассказав о своих несчастьях, но вдруг услышала:

– Прощай, сестра!

Гюльнара сделала то, что давно задумала. Дождавшись, когда арба сравняется с краем пропасти, она распахнула полог навеса и бросилась вниз.

Стража пыталась ей помешать, но было уже поздно. Несчастливая исчезла в непроглядной бездне. Осознав, что произошло, Фируза решила последовать ее примеру, но ее тут же схватили и крепко привязали к арбе, а место Гюльнары занял перепуганный стражник с обнаженной саблей.

– Только попробуй, – пригрозил он девушке.

– Убей меня! – крикнула ему Фируза, пытаясь освободиться от пут.

– Эта негодница навлекла на нас гнев падишаха! – ответил стражник. – Пожалей хоть ты наши головы!

Арбу теперь окружало плотное кольцо конных стражников, освещавших путь факелами.

Когда они прибыли в Мешхед, где располагалась ставка Надир-шаха, Фирузу отвезли в шахский гарем и передали грозному евнуху Лала-баши.

Тот придирчиво оглядел невольницу, благосклонно улыбнулся, велел дать ей отдохнуть и привести в надлежащий вид, который подчеркнул бы необычайную прелесть девушки.

В серале Фирузу встретили наложницы из разных стран. Каждая из них представляла собой образец тамошней красоты. Точеные фигуры, сверкающие глаза, жемчужные зубы, изящные руки, роскошные волосы, ко всему этому – изумительные украшения, которые наложницы меняли по нескольку раз в день. У каждой наложницы была своя история, не все чувствовали себя несчастными. Но Фируза знала, что никогда не станет одной из таких – смирившихся со своей участью. Не станет, чего бы ей это ни стоило.

Гарем шаха походил на дворец, где всего было вдоволь и даже с избытком. Но Фируза не желала этой роскоши, не желала милости владыки. В ее сердце был лишь Муса-Гаджи, а перед глазами – погибшая мать.

Когда Надир-шах увидел ее в саду, сердце его учащенно забилось. Из своих походов он привозил много невольниц, но эта была какой-то особенной. Узнав ее историю, Надир решил не торопить события. Он надеялся, что эта горянка сама откроет ему сердце, когда время излечит ее душевные раны. В ее покорности он видел залог окончательного покорения Кавказа, который беспрерывно восставал против его владычества, отдавая главную цель шаха – владычество над всем миром.

Когда шах двинулся в поход на Индию, за ним последовал и его великолепный гарем. А насаженная на пику голова начальника стражи, позволившего Гюльнаре избежать шахского гарема, еще долго торчала у городских ворот Мешхеда.

Горестные воспоминания Фирузы прервал визит шахских слуг, присланных за девушкой. Она решила, что настало время того, чего она больше всего боялась, а у нее не было ничего, чтобы защитить свою честь. Но взволнованный вид Лала-баши немного успокоил ее. Вскоре выяснилось, что Фирузу велено привезти в сокровищницу Великих Моголов.

Глава 20

Сен-Жермен, отчаявшись добиться от чиновников казначейства правды о том, где находится главное сокровище Индии – легендарный бриллиант, призвал на помощь шахского палача.

Насакчи явился со своими помощниками – феррахами и снаряжением, которое весьма отличалось от инструментов, употреблявшихся в казначействе. Здесь были плети, особые иглы, палки с шипами, скребницы для сдирания кожи, большая секира для отрубания голов и прочие атрибуты кровавого ремесла.

Они разложили на полу специальную кожаную подстилку, чтобы не запачкать казну кровью, сорвали с хранителя казны одежду и исполосовали его спину плетью. Тот до последнего клялся, что ничего не знает о том, чего от него добиваются, пока не потерял сознание и не рухнул на окровавленную подстилку.

Затем настал черед чиновников рангом пониже. Когда первого из них привязали спиной к сундуку и стали бить палками по пяткам, несчастный взвыл так, что у остальных заложило уши.

– Говори, – требовал Сен-Жермен.

– Я не допущен к таким тайнам, – преодолевая боль, отвечал чиновник.

– Освежите ему память, – велел Сен-Жермен, отворачиваясь.

Палач снова принялся за дело, но, сколько он ни трудился, чиновник так и не признался, где хранится сокровище.

– Вполне возможно, он говорит правду, – пожал плечами Сен-Жермен и велел оставить несчастного.

Тот поднялся, но, не устояв на распухших ногах, повалился наземь. Сен-Жермен понимающе улыбнулся и протянул ему флакон с темной жидкостью.

– Вот, возьмите, мсье. Это поможет, – сказал Сен-Жермен. – Не держите на меня зла. Я лишь исполняю высочайшую волю.

Сен-Жермен отер кружевным платком взмокший лоб и оглянулся на палача:

– Но кто-то должен знать.

Палач подал знак своим подручным, и те накинули петлю на шею другого чиновника.

– За что?! – взмолился тот.

– Я не знаю, – ухмыльнулся палач. – Твой шах знает.

Феррахи уже начали затягивать петлю, когда очнулся хранитель казны.

– Можете нас убить, но мы не видели этот бриллиант уже несколько недель, – с трудом произнес старик.

– Куда же он подевался? – спросил Сен-Жермен.

– Его величество соизволили извлечь его из украшения трона.

– Возможно, – размышлял Сен-Жермен. – Судя по его изысканным одеяниям, Мухаммад-шах – тонкий знаток драгоценностей. Однако продолжим...

Палач взял в руки ужасную скребницу и провел ей по стене, оставив на мозаике глубокие следы. Но, передумав, отложил скребницу, обнажил большую секиру и двинулся к хранителю.

– Я сказал все, что знаю, – пытался остановить палача старик.

– Если ты не знаешь, где камень, значит, эта должность не для тебя, – ухмыльнулся палач. – Тогда и голова тебе ни к чему.

Хранителя ждала верная смерть. Но вдруг загремели барабаны и запели трубы, что означало прибытие самого Надир-шаха.

В сокровищницу вошли стражники и велели всем, кроме Сен-Жермена, убираться. Палачи торопливо собрали свои инструменты, свернули окровавленную подстилку и ретировались, таща за собой обессиленных от пыток чиновников.

Глава 21

С тех пор, как Надир-шах вступил в Дели, он успел сделать многое. Казна Моголов была в его распоряжении, принешие покорность махараджи обложены податями, а тем, кто не сообразил сделать это вовремя, были, кроме того, назначены штрафы. Против тех, кто решился противиться воле Надира, готовились выступить его победоносные войска. Воинам вредно было оставаться на одном месте. Жалование утекало полноводной рекой, так пусть найдут себе вознаграждение у богатых раджей и прочих правителей, дерзнувших противиться повелителю мира.

Оставалось еще найти знаменитый бриллиант. Прорицатели твердили, что камень где-то рядом, но указать точное место нахождения не могли. В этом деле Надир положился на Сен-Жермена, которому платил достаточно, чтобы он употребил все свои способности. Тот старался и со дня на день ждал некоего откровения, которое должно было открыть ему тайну бриллианта. А тем временем велел доставить к нему индийских магов. В главном деле они ему не помогли, зато раскрыли много других секретов, в том числе о свойствах драгоценных камней и способах исправления их недостатков.

Настала очередь факиров, у которых Сен-Жермен вызнал способ изготовления золота. Но их золото оказалось фальшивым, похожим на настоящее лишь с виду. Оно делалось из сплава меди, цинка и некоторых других веществ. Эти фокусы годились для наивных простаков на базарах, но воины, которым попытались выдать жалование таким золотом, быстро распознали фальшивки и едва не подняли бунт. Факиры лишились голов за обман, но войско продолжало роптать. Сарбазов необходимо было чем-то успокоить, они требовали отдать им на разграбление богатый Дели.

Сен-Жермен тем временем снова принялся за чиновников казначейства, чтобы найти лучший в мире бриллиант.

В том, что камень будет найден, Надир не сомневался. Печалило его лишь то, что не удалось вытащить столб, исполнявший заветные желания. Много было снесено голов, но

дело так и не продвинулось. Столб сидел слишком крепко, будто рос из самой сердцевины земли.

Астрологи и придворные не советовали повелителю покидать дворец – звезды расположились неблагоприятно, да и в Дели было беспокойно. Надругательство над святыней, насмешки над древними индийскими божествами, казни без разбору и лихоимство вояк Надир-шаха, не желавших платить за понравившиеся им товары, возмущали жителей. Надир-шах это знал, но воинов не наказывал. Зревший в городе бунт был ему только на руку, потому что он обещал Мухаммад-шаху не разорять город. Был даже оглашен высочайший приказ, чтобы никто не смел притеснять делийцев. Нарушившим повеление грозило отсечение головы, как и их командирам. Но если бы вспыхнуло восстание, тогда дело другое. Тогда бы Надир-шах не смог удержать своих воинов от расправы над бунтарями и захвата их имущества.

А пока, оставив в покое упрямый столб, шах решил исполнить заветное желание иначе. Он отправился в сокровищницу, взяв с собой Фирузу. Надир был уверен, что ни одна девушка не устоит перед драгоценностями, которые ослепили даже его самого.

Когда Надир-шах вошел в сокровищницу, Сен-Жермен приветствовал его глубоким поклоном и взмахом шляпы.

– Ваше величество!

– Нашел? – осведомился шах.

– Это оказалось труднее, чем я предполагал, ваше величество, – ответил Сен-Жермен.

– Поторопись, – недовольно произнес Надир-шах. – Я не могу оставаться в Индии слишком долго. На свете еще остались страны, на которые я желаю наложить свое клеймо.

– Клянусь вам, сир, скоро венец вселенной будет в руках того, кто единственный достоин им обладать, – снова поклонился Сен-Жермен.

Надир-шах подал знак визирю, тот кивнул своим подчиненным, и двери сокровищницы снова открылись.

Первым появился Лала-баши.

– Мой повелитель!

Он упал в ноги Надиру, коснулся рукою ковра, на котором стоял шах, и только затем поднялся и прокричал своим тонким голосом:

– Звезда Кавказа и украшение гарема великого падишаха!

После чего в окружении рабынь вошла Фируза, укрытая златотканой чадрой.

– Мой талисман! – улыбнулся шах. – Твоя печаль ранит мне сердце, но твоя улыбка сделает меня счастливейшим из людей.

Фируза молчала, стараясь не смотреть на ненавистного Надира, но под чадрой никто не видел, рада она или печальна.

– Я слышал, тебе не понравились присланные подарки, – улыбался Надир. – Здесь ты сама можешь выбрать все, что пожелаешь.

Только теперь Фируза подняла глаза и замерла от изумления. Она оказалась в окружении сокровищ, перед которыми бледнели легенды о пещере Алладина.

Шах кивнул Сен-Жермену, и тот принялся демонстрировать Фирузе драгоценные украшения, которые не могли не понравиться даже царственным особам.

Щедрость Надира имела и другие причины. Все, что имели его жены и наложницы, оставалось в его руках. Если кто-то умирал или покидал гарем по другой причине, все драгоценности возвращались к владыке гарема.

Француз заливался соловьем, превознося красоту бесценных колец, браслетов, перстней, диадем, колье, ожерелий, брошей, подвесок, серег, заколок, пряжек и поясов. Они и в самом деле поражали красотой воображение и притягивали взоры своим магическим очарованием. Но Фируза чувствовала, что стоит ей потянуться хотя бы за одной из этих драго-

ценностей, и все кончится, ее хранимый в сердце мир рухнет, и сама она из горянки Фирузы, тоскующей о родине и любимом, пылающей жаждой мести, превратится в Азру – звезду гарема и покорную рабыню великого Надир-шаха.

– Уверяю вас, мадемуазель, – продолжал искушать ее Сен-Жермен, – таких украшений не носит даже французская королева.

– А русская императрица? – вдруг спросил Надир.

– Она сказочно богата, ваше величество, – ответил Сен-Жермен. – Я имел счастье видеть ее на троне. Но таких великолепных камней, как здесь, я не заметил даже в ее короне.

Фируза едва себя сдерживала, но ей казалось, что здесь должно быть еще что-то, что могло бы ей пригодиться. И она медленно пошла вдоль сундуков, разглядывая сокровищницу.

– Мадемуазель, – продолжал Сен-Жермен, сопровождая даму на почтительном расстоянии. – Позвольте обратить ваше внимание на эти потрясающие изумруды...

Француз открывал сундук за сундуком, доставал лучшие драгоценные камни, расписывал их чистоту, прозрачность и блеск. Изумруды, рубины, алмазы, сапфиры, топазы, гранаты, турмалины струились в его руках нескончаемым сверкающим потоком. Но Фируза искала другое.

– Бери же, – настаивал шах, следовавший за девушкой и Сен-Жерменом. – Твоя любовь все равно стоит больше.

Фируза рассеянно смотрела по сторонам, не находя желаемого, когда перед шахом склонился казначей:

– Мы осмотрели все казнохранилища, – сообщил он. – Но в одной сокровищнице они сделали несколько комнат из порфира и повесили крепкий замок, а ключа к нему не принесли.

Надир-шах гневно покосился на визиря:

– Отправляйся к Мухаммад-шаху и принеси ключ.

И пока Сен-Жермен искушал Фирузу все новыми сокровищами, явился посланец Мухаммад-шаха со связкой ключей. Поцеловав ковер у ног Надир-шаха, он сообщил:

– Мухаммад-шах имеет счастье передать вашему величеству: «Я никоим образом не поскоплюсь жизнью и имуществом для счастливого государя. Имеется одна сокровищница, в которой из поколения в поколение хранятся наши женские платья, украшенные драгоценными камнями. Если справедливое шахиншахское решение остановится на том, чтобы вынести их, я прошу вас приказать нескольким своим личным ходжам при конфискации навьючивать их таким образом, чтобы взгляд посторонних людей не падал на них, дабы оградить нас от позора, унижения и бесчестья».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.